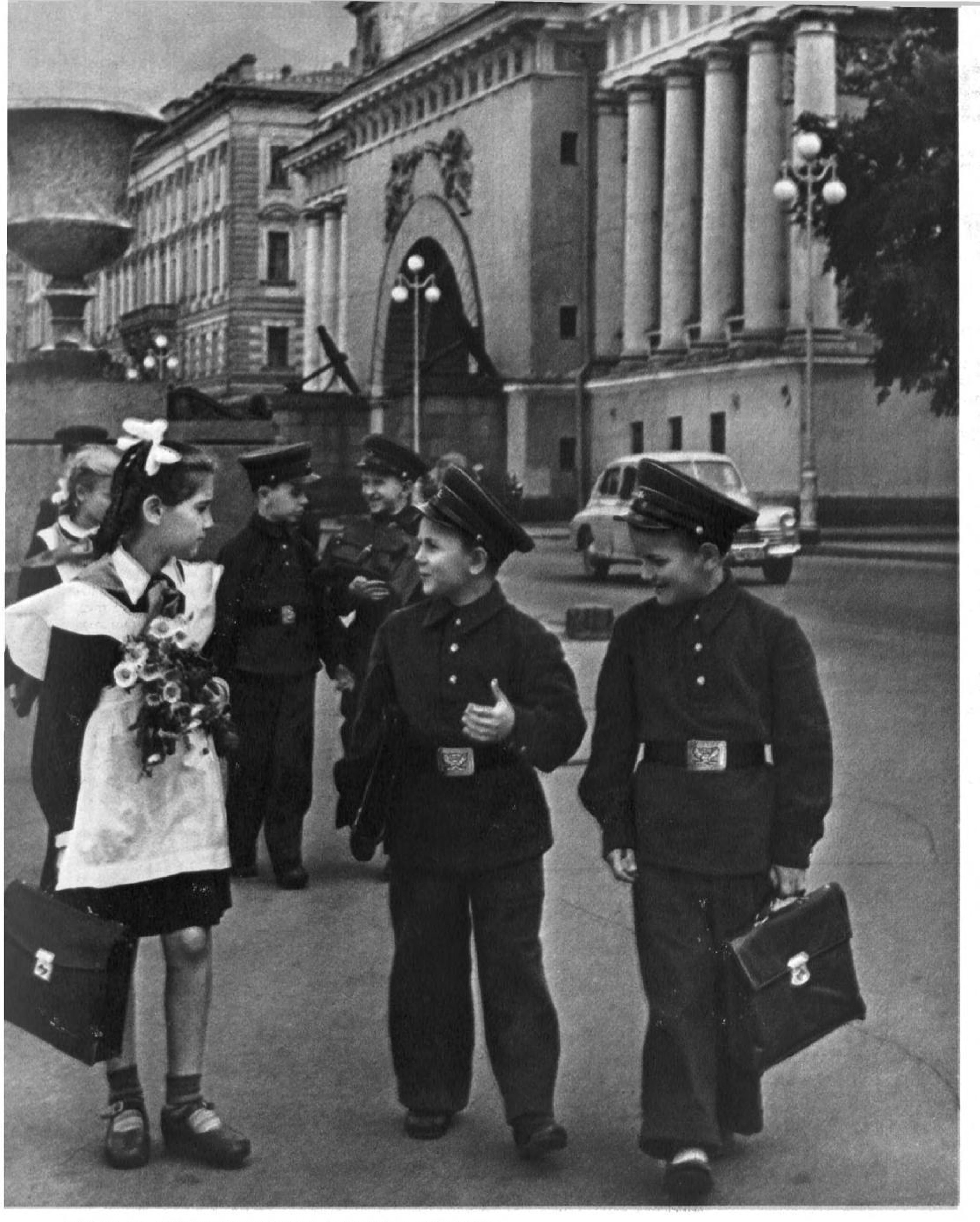

ОГОНЁК
№ 36 СЕНТЯБРЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Учебный год начался. Ленинградские школьники после уроков.

Фото Н. Ананьева.

На первой странице обложки: Болгарский рудокоп Никола Проев Янев со своим сыном Пройко. Тридцать лет прошло с тех пор, как Никола Проев впервые спустился в рудник «Крутой берег». Тогда рудник принадлежал французскому акционерному обществу, а Никола Проев, выражаясь его языком, был «человеком без прав и без надежд». Ныне он депутат околийского народного совета, Герой Социалистического Труда, признанный учитель молодых рудокопов, лектор школы передовых методов работы.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Один из старейших городов Болгарии — Тырново.

ОГОНЁК № 36 (1421) 5 СЕНТЯБРЯ 1954

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ДА ПРЕБУДЕТ В ВЕКАХ БОЛГАРО-СОВЕТСКАЯ ДРУЖБА!

Вылко ЧЕРВЕНКОВ, Председатель Совета Министров Народной Республики Болгарии

Дорогие читатели «Огонька»!

В канун десятой годовщины освобождения Болгарии от фашизма и империалистической зависимости мне хочется выразить великому советскому народу чувства глубочайшей любви, благодарности и признательности.

Десять лет уже существует новая, народно-демократическая Болгария. Десять лет народ болгарский держит свои судьбы в собственных руках.

Десять лет — ничтожный срок с точки зрения истории. Но как далеко ушла вперед наша страна, как она преобразилась за эти годы! Нет больше старой, отсталой, забитой, угнетаемой своими и чужими эксплуататорами Болгарии. Растет и крепнет ныне изо дня в день народная Болгария, вышедшая на широкую и светлую дорогу социализма.

Это Болгария, стремительно развивающая свою тяжелую промышленность. Это Болгария, перестраивающая на кооперативных началах свое сельское хозяйство. Это Болгария с невиданным доселе расцветом ее национальной культуры. Весенним потоком заливает страну творческая активность широчайших народных масс, освобожденных от оков капитализма, впервые в своей истории работающих на себя, на свое государство. Это Болгария, уверенно идущая вперед по пути социализма, по пути неуклонного повышения материального и культурного благосостояния трудящихся.

Наша страна никогда этого не имела бы, не будь Советского Союза, не будь его победы во второй мировой войне, его постоянной бескорыстной помощи и поддержки. И это хорошо понимают все любящие свою родину болгары и болгарки — от мала до велика. Потому и берегут они, как зеницу ока, болгаро-советскую дружбу, считают ее основной гарантией независимости и социалистического развития Болгарии.

Примите, дорогие товарищи, братья и сестры, самые искренние пожелания новых и новых успехов в строительстве коммунизма, в дальнейшем укреплении могущества Советского Союза — нашего великого освободителя и защитника, бастиона мира, демократии и социализма во всем мире.

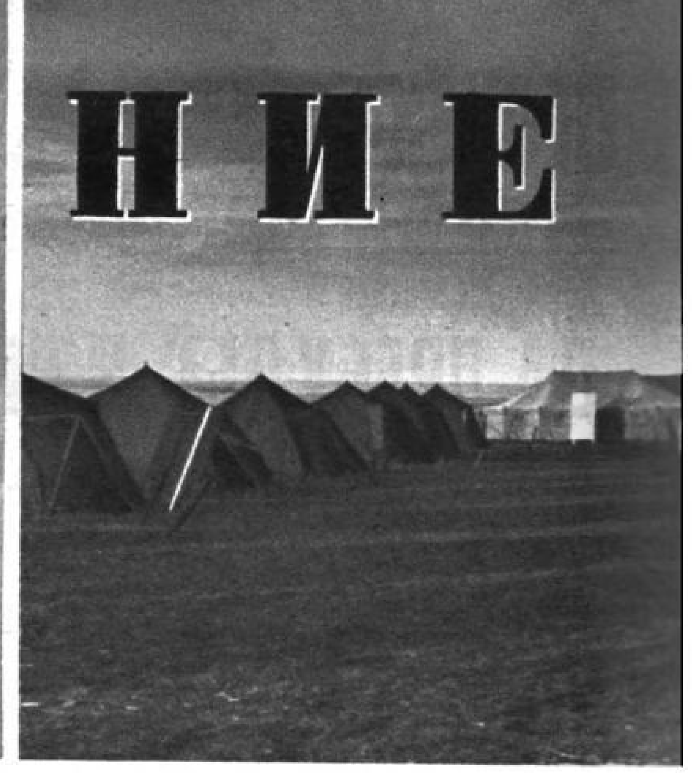
Да пребудет в веках нерушимая болгаро-советская дружба!

София.

В. Червенков

На площади 9 сентября в Софии в день народного празднества.

РОЖДЕНИЕ

АПРЕЛЬ

Год назад — 7 сентября 1953 года — Пленум Центрального Комитета КПСС принял постановление «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР». Партия поставила задачу — в ближайшие 2—3 года в достатке удовлетворить растущие потребности населения нашей страны в продовольственных продуктах и обеспечить сырьем легкую и пищевую промышленность.

Постановления сентябрьского, а затем февральско-мартовского Пленумов ЦК КПСС стали программой настойчивой борьбы всего нашего народа за крутой подъем сельского хозяйства. Под руководством Коммунистической партии немало славных побед одержано за минувший год в этой борьбе.

Горячее одобрение и поддержку советских людей встретил призыв партии и правительства — увеличить производство зерна в стране за счет освоения миллионов гектаров целинных и залежных земель. Более 150 тысяч квалифицированных рабочих промышленности, МТС и совхозов, инженеров, техников, агрономов и других специалистов сельского хозяйства добровольно выехало на эти земли. Много и хорошо потрудились они. Успешно осуществляется задание по вспашке 13 миллионов гектаров новых земель. План посева зерновых культур на осваиваемых землях выполнен колхозами на 156 процентов и совхозами на 176 процентов.

Учитывая накопленный опыт, партия и правительство призвали тружеников деревни, партийные, советские и сельскохозяйственные органы значительно перевыполнить в 1954 году задание по подъему новых земель с тем, чтобы обеспечить в 1955 году посев зерновых и других сельскохозяйственных культур на этих землях по парам и зяби на площади не менее 15 миллионов гектаров вместо 13 миллионов гектаров по плану. Поставлена задача уже в 1956 году довести посевы зерновых и других сельскохозяйственных культур на вновь осваиваемых землях до 28—30 миллионов гектаров.

За короткий срок на целинных и залежных землях создано 124 крупных зерновых совхоза, оснащенных передовой, современной техникой. Людям одного такого совхоза, совхоза «Кайракты», выросшего в необозримых степях Казахстана, посвящен очерк «Рождение Зернограда».

В. СОЛОУХИН

Фото автора.

Первые колосья

Шум тракторных моторов как повис над степью в апреле, так и не прерывается ни на минуту. Казалось, давно ли опустил тракторист Приходько плуги и первая черная борозда рассекла землю, давно ли на общем собрании директор совхоза Николай Максимович Мамонтов поздравлял рабочих с первой тысячей гектаров поднятой целины. А теперь какая там тысяча? Пятая? Восьмая? Шестнадцатая? К началу августа стало ясно, что положенные по плану двадцать тысяч гектаров будут вспаханы в срок. Все бригады совхоза «Кайракты», Акмолинской области, наращивали темп работ. Горячее становились дни, а вернее, дни и ночи, потому что острые огоньки тракторов, как светляки, ползали по степи до утра. У тракториста Шевченко в третьей бригаде вышли из строя фары. Он подвесил на палку фонарь «летучая мышь» и пахал с ним всю ночь. Фонарь освещал только передний край гусеницы и небольшой кусок борозды. На это полуосвещенное пятно и смотрел Шевченко восемь часов подряд. Если заболевал сменщик, тракторист продолжал работать, пока усталость не сваливала его окончательно. Машина технической помощи, или, как ее называют, «летучка», беспрерывно объезжала бригады.

Все горячее становились дни и в прямом смысле. Солнце раскаляло землю, и та покрылась сплошной сетью извилистых трещин, в которые рука свободно уходит до локтя. Степные цветы отцвели и осыпались, степные травы высохли и пожелтели, лишь синие шары верблюжьей колючки виднелись там и тут, разнообразя желтизну равнины. Неведомо откуда прилетевшие пчелы работали на них. А на той тысяче гектаров, что была засеяна уже в этом году, поднялась и выколосилась пшеница.

Но как бы ни были знойны дни, на смену им приходили свежие вечера, прохладные ночи. Какой бы напряженной ни была работа, после нее находилось время собраться, спеть хорошую песню, сыграть в волейбол, выйти на свидание в какое-нибудь назначенное место.

Постепенно в совхозе стали появляться влюбленные, а потом и семейные люди.

Однажды к директору совхоза пришел Володя Яковлев. Этот рослый, красивый парень до совхоза работал шофером, а здесь сел на трактор. Спокойный, хорошо знающий дело, он первый начал перекрывать нормы, и не рывками, а уверенно, устойчиво. Вскоре его назначили помощником бригадира в третью бригаду. В день, когда он пришел к директору, третья бригада заняла первое место по совхозу.

— Николай Максимович,— обратился Володя к директору,— нельзя ли у вас машину попросить до Беловодского?

— Разве мало машин у нас туда ходит? Самосвал за камнем пойдет, как раз доедете.

— Дело у меня в Беловодском такое, что на самосвале как-то не совсем удобно.

— А что такое?

— В сельсовет.

— Ну и что ж? — не понял директор.

— С невестой, так сказать, в подвенечном платье. Нельзя на самосвале.

— А, ну тогда другое дело! А кто же она, если не секрет?

— Счетовод-радистка из нашей бригады. Галя Иванова.

В полевой стан третьей бригады была подана легковая машина. Пока жених и невеста надевали праздничные платья, друг жениха Петя Просвирин метался по стану. Володя и Галя едут в Беловодское регистрировать брак, нужно же их встретить, поздравить хотя бы букетом цветов, а в степи в начале августа не было уже ни одного яркого цветка: ковыль, бескровный, сухой, не с ним же встречать молодых. Верблюжья колючка? Разве это цветы?

— Петя, иди сюда,— позвала Просвирина девушка, подруга невесты,— мы чего-то придумали.

Петя выслушал ее, восторженно ударил себя по бедрам:

— Точно! Как это мы раньше не догадались?

Когда через два часа шофер первого класса Гриша Пятилеткин распахнул дверцу кабины и молодожены ступили на землю, друзья преподнесли им огромные букеты зрелых колосьев. По синему платью невесты рассыпались золотые колосья, тяжело переломились через ее загорелую руку. Пшеница первого целинного урожая! Это дороже цветов.

На концерте

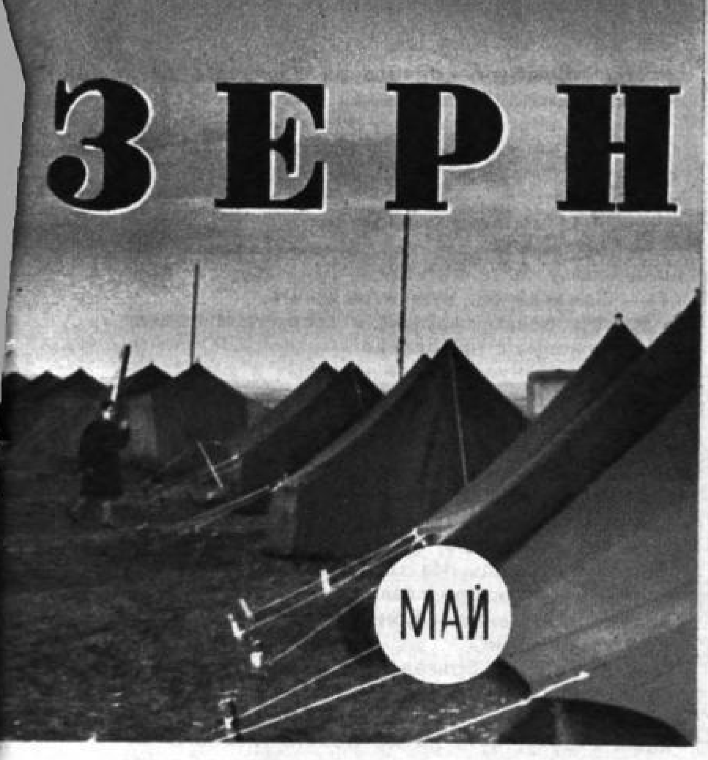
Комсомольцу Сереже Бутузову поручили подготовить концерт художественной самодеятельности совхоза. Выступление было назначено на субботу.

— Ну, как дела? — спрашивал иногда Бутузова секретарь комсомольской организации.

— Полный порядок. Концерт будет, как в театре.

Наконец пришла суббота. У автомашины «ГАЗ-63» откинули задний борт — получилась сцена. Перед ней на траве расселась молодежь. В кузове машины у самой кабины находились двое: сам Бутузов, организатор самодеятельности, и аккордеонист Петр Белимов. Бутузов перегнулся в кабину и что-то сказал

См. «Огонек» №№ 21 и 27.

шоферу, тот длинно прогудел. Зрители засмеялись, поняв, что это первый звонок. Все искали глазами, где же «артисты», и решили, что они готовятся в какой-либо из ближних палаток. Но вот шофер прогудел дважды, потом трижды, и Бутузов решительно вышел к «рампе».

— Начинаем концерт художественной самодеятельности совхоза «Кайракты»,— подражая конферансье, сказал он.— В программе инструментальная музыка, сольные номера, художественное чтение, пародии.— Он перевел дух и объявил: — Выступает аккордеонист Петр Белимов. Композитор Тихонов — «Карусель»!

Тогда на передний план выступил Петя Белимов. Он исполнил «Карусель», и зрители дружно аплодировали ему.

— Художественное чтение. Юмористический рассказ.

Рассказ этот Бутузов читал сам, и с большим успехом, а окончив чтение, отошел к кабине и о чем-то пошептался там с Белимовым.

— Выступает аккордеонист Петр Белимов. Композитор Тихонов — «Медленный танец».

После «Медленного танца» последовало опять художественное чтение.

— Басня Михалкова «Заяц во хмелю». Исполняю я.

Теперь зрители хохотали и над тем, что читалось, и, очевидно, над самой организацией концерта. Они давно поняли, что никаких «артистов» больше не будет. А Бутузов между тем кончил басню, спокойно отошел к кабине и снова посоветовался с другом.

— Аккордеонист Петр Белимов. «Венгерский танец».

— Давай сыпь венгерский! — бесшабашно крикнул кто-то из публики, зараженный комичностью момента.

А потом, когда Бутузов перешел было снова к художественному чтению и сольным номерам, секретарь комсомольской организации не выдержал и крикнул с места:

— Вам было поручено концерт организовать, а вы что?!

— А это чем не концерт? — вступились зрители.— Двое всю программу тянут, ценить нужно.

— Не в том цена, чтобы двоим всю программу тянуть.

— Попробовали бы вы побыть на моем месте,— перешел в наступление Бутузов.— Где их возьмешь, выступающих, если никто не хочет?

— Как никто не хочет? А вот он хочет выступить! — крикнули из толпы.

— Да иди, иди, не робей! — Ребята подталкивали к «сцене» здоровенного круглолицего парня. Тот вышел, сконфуженно снял и скомкал свою фуражку. Сережа Бутузов невозмутимо исполнял роль конферансье. Он профессионально подставил ухо, ожидая, что шепнет «артист».

— Федор Луцев! Исполнитель казахских народных песен. Прошу!

Еще не смолкла песня Федора Луцева, а к «сцене» уже пробирался невысокий юноша в футболке.

— Акробатический этюд! Гимнаст первого разряда Георгий Шаврыгин!

Мелькнуло и перевернулось в воздухе послушное, тренированное тело. Зрители ахнули. А гимнаст уже ходил колесом, делал сложные сальто и после самых замысловатых кувырканий ловко становился на ноги.

— Бис! — кричали зрители.— Браво!

Началась настоящая самодеятельность. Оля Штырева прочитала басню, нашлись плясуны.

— А здорово получилось, правда? — говорили комсомольцы Сереже Бутузову после концерта.

На другой день на голубом продтоварном фургоне появилось объявление: «В совхозе «Кайракты» начал работу кружок художественной самодеятельности. Желающие принять участие могут записаться у комсомольца Бутузова».

Смелые люди

В совхозе появились коровы и лошади, которых нужно кормить всю зиму. Поэтому приказом директора была образована сенокосная бригада. За исключением бригадира и тракториста вся она состояла из девушек.

Бригада выехала в степь, разбила палатки и стала заготавливать корм. Самоходная косилка ездила взад и вперед по степи, подрезая травы. Механические грабли сгребали сено в валки, а трактор при помощи волокуш подтаскивал его к месту скирдования. Девятнадцать стогов стояло уже в ложбине между двумя сопками.

Этот день начался, как и все предыдущие дни. В тишине и безветрии поднялось солнце. Почти одновременно машина главного агронома Василия Арсентьевича Горбаченко отъехала от центральной усадьбы совхоза и устремилась в степь.

В восьмом часу утра по степи пробежал первый ветерок. Он дул с упрямой, устойчивой силой. В сенокосной бригаде не любили ветер, потому что он мешал скирдовать сено, трепал его, срывал с вил, разносил по степи. С другой стороны, к нему привыкли и удивились бы, если бы он не появился в определенный час.

К обеду в сенокосную бригаду приехала передвижная лавка. Из кабины вышел человек, откинул брезент и начал раскладывать товары. Молодежь толпилась вокруг.

— Лезвия «Нева» обязательно нужны молодым людям,— говорил продавец, кладя лезвия на видное место.— Туалетное мыло необходимо каждое утро, как и зубная паста!

Мыло и паста появлялись из недр машины.

— А чемодан продается?

— Нет, чемодан мы возим для себя.

Футболки, губная помада, расчески, зеркальца, заколки, капроновые чулки, мужские ботинки, писчая бумага, конверты, мулине — все это продавец медленно извлекал нивесть откуда и раскладывал на виду.

— Скоро ли вы торговать будете? — спрашивали нетерпеливые покупатели.

— Куда спешить молодым людям? Сейчас все разложу и буду торговать.

Минут тридцать продавец раскладывал свои товары. За пять минут у него было куплено все необходимое. Тогда он так же торжественно «свернулся» и уехал в другую бригаду, чтобы все повторить сначала.

Это было как раз перед обедом, потому что, едва лавка уехала, все пошли к кухне. Неизвестно, кто первый закричал: «Смотрите, смотрите, степь горит!»

В трех километрах от полевого стана сено-

Когда молодожены Володя и Галя Яковлевы вышли из машины, им преподнесли по букету арелых колосьев. Пшеница первого целинного урожая дороже любых цветов!

косной бригады из-за гребня продолговатой сопки клубами поднимался седой дым. Все бросили еду и побежали туда. Когда выбежали на гребень сопки, картина прояснилась. Широким фронтом по степи шел огонь с дымом. Все погибало на его пути. Оставалась черная земля да редкие обгоревшие стебли сочного морковника. Птицы, насекомые, степные звери — все уходило от огня. Положено уходить от него и человеку. Но с сопки очень хорошо было видно, что на пути страшной огненно-дымной лавины стоят девятнадцать стогов совхозного сена, сметанных руками девушек из сенокосной бригады. А чуть дальше за скирдами тысяча гектаров почти готовой к уборке пшеницы. И девушки вместе со своим бригадиром Геной Карнауховым побежали навстречу степному пожару, не зная и, пожалуй, не думая о том, смогут ли они остановить его. Люди бежали к огню, а огонь катился им навстречу со скоростью морского прибоя. Неподалеку от пожара оказался главный агроном Василий Арсентьевич Горбаченко. Он сказал своему шоферу Грише Пятилеткину, чтобы тот как можно быстрее ехал к трактору, работавшему в отдалении. Тракторист из первой бригады Бурнос опустил плуги и на предельной скорости поехал вдоль фронта огня, стремясь отрезать его и не пустить дальше. Девушки видели еще издалека, как пламя наткнулось на черную полосу земли, перескочило через нее и захлестнуло трактор. Мотор мгновенно заглох. Бурнос и Пятилеткин, обжигаясь и задыхаясь в дыму, стали кидать в трактор комья земли, пытаясь сбить пламя. Но Василий Арсентьевич Горбаченко отозвал шофера:

— Давай в третью бригаду. Пусть как можно быстрее едут сюда.

Газик умчался. Бурнос остался у трактора один. Между тем пожар надвигался на скирды, и в это время подбежали к нему девушки. Пламя до метра высотой, раздуваемое ветром, мчалось по траве, и та мгновенно сгорала, потрескивая. Думать было некогда. С кофточками в руках, с платками, с пучками травы, со спецовками девушки вступили в единоборство с огнем. И там, где они боролись, пламя стало продвигаться медленнее, чем на флангах, так что скирды оказывались как бы в мешке. Все же девушки вынуждены были отходить все ближе и ближе к стогам. При сильном порыве ветра пламя продвигалось вперед большими бросками. И когда до сена оставались какие-нибудь десятки метров, когда к девушкам пришли боль и слезы бессилия, а вместе с ними и смертельная усталость, из-за сопки показалась колонна тракторов.

Свыше двадцати благоустроенных домов построено на центральной усадьбе совхоза. На снимке: работница совхоза Татьяна Кулик в день новоселья.

Тракторы шли на третьей скорости. Трактористы с ходу опустили плуги, и черная, непреодолимая для огня полоса отделила степь от пожарища. Огонь бросился было на пахоту, поднялся на дыбы и рухнул. Кое-где дотлевали травинки, и на этих местах вспыхивали белые дымки да виднелся трактор Бурноса.

В дороге

Сегодня заседал комитет комсомола, обсуждая списки представленных к награждению почетными значками «За освоение целинных земель». Лучшие люди удостоены чести носить эти значки. Заседание комитета затянулось, и директор Мамонтов, присутствовавший на нем, возвращался домой ночью. По ровной, хорошо укатанной дороге машина шла быстро. Стрелка на спидометре все время дрожала около цифры «60». Много у совхоза земли. Далеко друг от друга раскинули свои станы его бригады. Еще дальше отстоят они от центральной усадьбы. Колеся по степи целыми днями, Мамонтов привык не замечать скорости. Разве какой-нибудь сильный толчок выведет из задумчивости. Но шофер Витя аккуратно водит машину.

Наступила пора итогов. Мамонтов вспоминает, как пять месяцев назад он впервые проехал по массиву совхоза. Везла его тогда весело трусящая лошаденка. Лежали вокруг полутораметровой глубины снега, а под ними мороженая, поросшая ковылем земля, которой никогда не касалось железо плуга. Существовало название совхоза, были у Мамонтова печать и штамп, а самого совхоза, людей его, техники его и, самое главное, дел его не было на земле. Потом появились люди — двести комсомольцев, приехавших из разных концов страны. Позже появились машины. Но все это нельзя было назвать совхозом. Среди приехавших различались боевые и тихие. Казалось бы, смелые и, казалось бы, робкие. Казалось бы, смелые составили на первых порах актив совхоза. Так, Сашу Ермоленко выбрали секретарем комсомольской организации, Иванников и Кизима стали бригадирами тракторных бригад, Данильченко и Фоменко вошли в комитет комсомола. Потом начал происходить закономерный и очень важный процесс. Тихие да работящие, кого сначала и видно не было, стали завоевывать устойчивый и здоровый авторитет, а шумливые — терять его. Все переместилось в совхозе. Сашу Ермоленко комсомольцы прогнали из секретарей на очень гневном и бурном собрании. Данильченко и Фоменко вывели из комитета, бригадиров Иванникова и Кизиму директор снял с работы. В это же самое время тракторист Володя Яковлев стал помощником бригадира, комсомолец Седов был прицепщиком — стал трактористом. Емельянчука назначили бригадиром и выбрали секретарем комсомольской организации.

Вспоминает Николай Максимович Мамонтов, пока машина везет его из бригад на усадьбу. Приехал в совхоз Василий Арсентьевич Горбаченко, главный агроном. К тому времени уже стаял снег, люди перебрались в степь, жили в палатках. Пошли агроном и директор смотреть участки. Грязь прилипала к ногам, идти было трудно, а массив раскинулся на десятки километров. К ночи пришли домой, еле передвигая ноги. Зашли в полевой вагончик, не успели головой коснуться подушки — уснули. Наутро проснулись на час позже обычного, переглянулись:

— Ну как, снова пойдем?

— Надо идти, пойдем!

И снова ушли месить весеннюю грязь.

Да, было время, вспоминает Николай Максимович Мамонтов, было время... Два месяца назад стояли на месте центральной усадьбы одни палатки, а сейчас — настоящий поселок. Странно звучит здесь выражение: «было время». Давно ли проложили первую борозду, а на днях закончили плановый подъем целины и начали пахать сверх плана. Двадцать тысяч гектаров перевернули, не шутка! Давно ли бросили в землю первую горсть пшеницы, а теперь идет уборка целинного урожая. И вот все это вместе — и то, что перевыполняют план подъема целины, и то, что созрел урожай, и то, что построили поселок, а самое главное, то, что проявились и слились в коллектив люди,— все это и есть рождение совхоза «Кайракты» — одного из девяноста двух новых совхозов Казахстана...

Далеко впереди, слева, показался свет фар. Он пересек дорогу и углубился дальше в степь.

— Что это за машина? — не то у себя, не то у шофера спросил Мамонтов.

— Не знаю,— ответил Витя.— Первый час ночи, кому бы ездить?

— Помигай ей, нужно выяснить.

Виктор резко свернул в сторону и поехал на сближение с той далекой машиной. Обогнав ее, он повернулся к ней «лицом» и начал выключать и включать фары. Яркая полоса света глубоко-глубоко врезалась в степную ночь, выхватила из темноты сухую траву, черные комья земли, мелькающих птиц. Машина заметила сигналы и пошла на сближение. Когда она выключила свет, сразу появились ее контуры, и стало ясно, что это «летучка» — техническая помощь. Из темноты выступил и подошел к директору главный инженер совхоза Валентин Семенович Коняхин.

— Далеко ли?

— В первой бригаде два трактора стоят, везу запасные части.

Николаю Максимовичу захотелось крепко пожать руку, чуть ли не обнять главного инженера. Ну что ему за нужда трястись в час ночи по степи? Рабочий день давно кончился, люди спят, и он имеет полное право отдохнуть. Никто ему не заплатит лишнего рубля за то, что он не спит вот уж которую ночь.

— Вечно в этой первой бригаде неполадки. Помню, Шулипа, когда я назначил его бригадиром, спросил, какой номер будет носить его бригада. Ну, дали ему первую бригаду, а занимает она четвертое место. Что у них с водой сегодня произошло?

— Водовоз виноват. Вместо того, чтобы воду во-время доставить, он начал ею сусликов из нор выгонять. Ну, и вылил всю цистерну, а люди из радиаторов кипяток пили. В такую-то жару!

— Да, разный народ бывает. Ну, поезжайте, Валентин Семенович, утром увидимся.

И опять вспоминает Николай Максимович Мамонтов. В совхоз начали приходить письма от юношей и девушек из разных городов страны. Среди многих проскальзывают и такие: «Уважаемый товарищ директор!

Я, Николай Корольков, работаю слесарем на паровозоремонтном заводе. По призыву партии я тоже хочу поехать на освоение целинных земель. Сообщите мне, пожалуйста, какие условия работы в вашем совхозе. Какой рабочий день и какой заработок...»

Или вот другое письмо:

«Здравствуйте, товарищ Мамонтов!

...Мы, девушки прядильного цеха, решили тоже поехать на всенародное дело — освоение целинных и залежных земель. Мы хотим, как и другие комсомольцы, выполнить свой долг. Напишите, как у вас с квартирами, можем ли мы получить отдельные комнаты или будем жить в общежитии...»

Что написать им? Законен ли их вопрос об условиях работы и квартирах? Конечно, законен. Но спросите у Яковлева и Просвирина, у Седова и Карнаухова, у Емельянчука и Пантелеймонова, у Серегиной и Синенко, спросите у тех, кто приехал сюда в апреле, когда держались еще морозы, а здесь не было даже и палаток,— спросите у них, на какие условия и в какие квартиры ехали они! Или, может быть, главный агроном Василий Арсентьевич Горбаченко справлялся об условиях, проходя по весенней распутице десятки километров пешком и падая от усталости. Или, может быть, спрашивал об условиях главный инженер, что подъезжает сейчас, во втором часу ночи, к первой бригаде, везя запасные части. И директору показались особенно дороги люди совхоза, пусть с недостатками, пусть с ошибками, но все же смелые, настоящие люди.

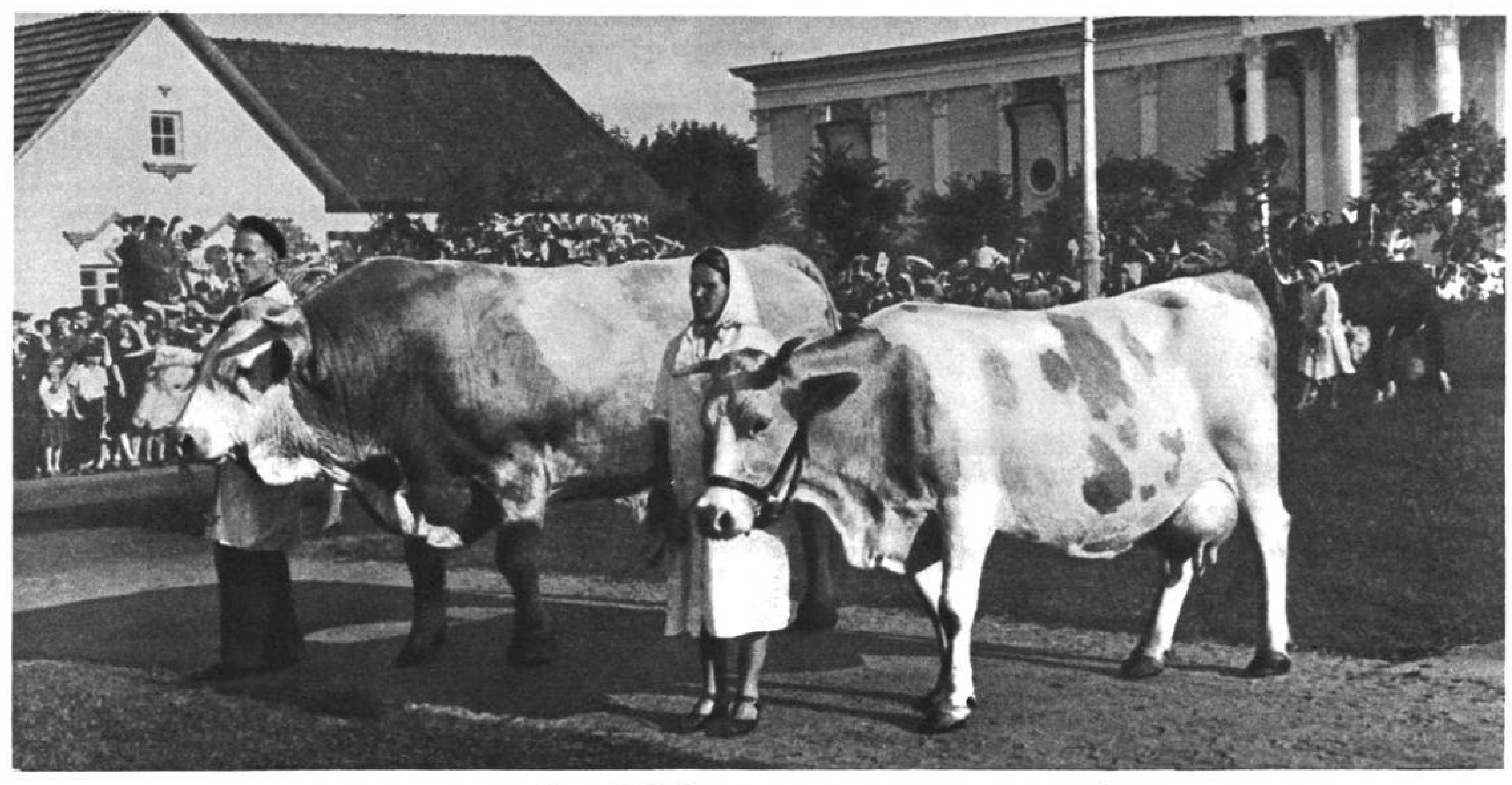
Машина выскочила на сопку, и внизу показались огни центральной усадьбы. Больница, огонек бани, красный уголок, контора,— узнавал директор. Оживает степь, еще и не так оживет! Петухи запоют на рассветной заре!

— Ну-ка, Виктор, нажми, ветру мало...

В приоткрытых стеклах кабины загудел и захлопал степной, пахнущий соломой ветер. Огни усадьбы бежали навстречу.

Совхоз «Кайракты». Казахская ССР.

ЧЕМПИОНЫ ВЫСТАВКИ

На выводном кругу. Доярка М. Н. Стельмах вывела на прогулку рекордистку Зозулю.

Обрамленный цветами и зеленью, выводной круг с трибунами — своеобразный центр животноводческого городка Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Просторная площадь эта образована павильонами, где разместились сотни животных, лучшие из лучших, доставленные сюда передовиками и новаторами колхозов и совхозов Советской страны.

Многоголосый поток экскурсантов и посетителей заполняет с утра широкий проход, который перерезает демонстрационный зал Павильона крупного рогатого скота. Даже когда павильон закрывают, чтобы почистить, покормить и подоить животных, к окнам приникают люди.

Действительно, тут есть что посмотреть — одна корова краше другой, один бык лучше другого. Пришедшие подолгу задерживаются у животных костромской породы, списывают в блокноты краткую характеристику, данную на планшете, засыпают вопросами экскурсовода.

Костромская — новая порода, выведенная за короткий срок в совхозе «Караваево», Костромской области, талантливым коллективом животноводов под руководством лауреата Сталинской премии С. И. Штеймана. Сейчас свыше ста тысяч голов этой породы выращивается на колхозных пастбищах и семь с половиной тысяч — на совхозных.

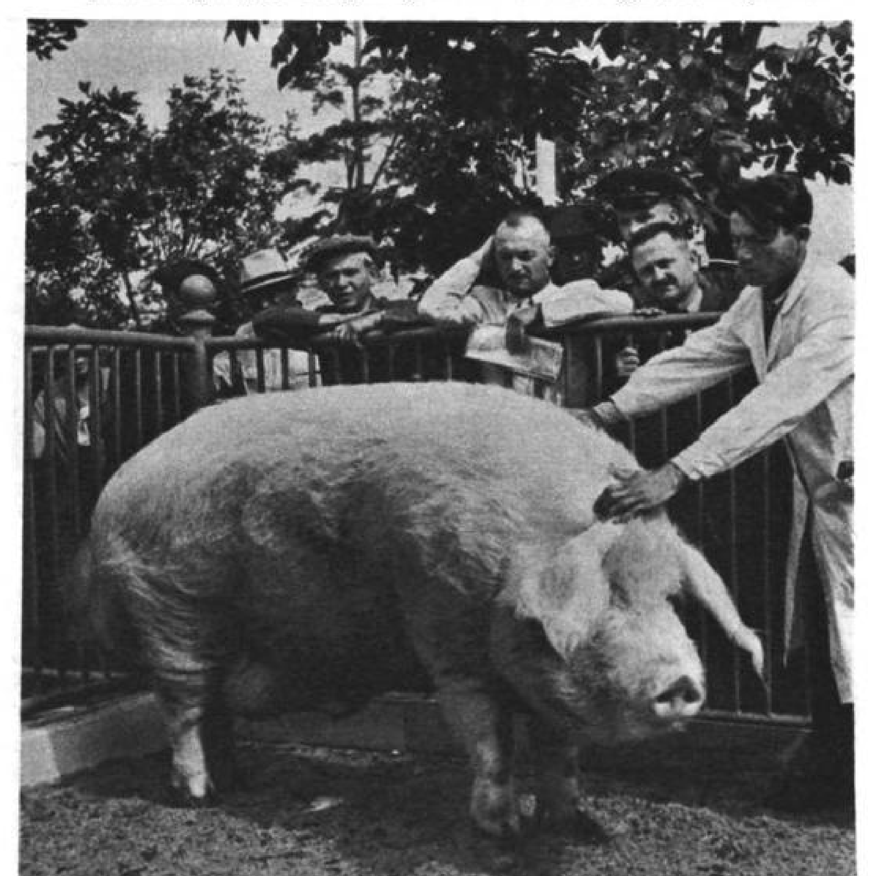
Караваевцы привезли на выставку целое стадо — тридцать две коровы, три быка и молодняк. Среди них знаменитая корова Комса, годовой надой которой составляет тринадцать с половиной тысяч литров молока.

Комса и ее соседки по стойлу отличаются крепким сложением, широкой грудью, прямой спиной, вымя по окружности равно почти метру. Весят такие коровы в среднем шестьсот — семьсот килограммов, а быки — свыше тонны. Вдвое больше, чем обычные.

— Наша Комса понравилась москвичам и экскурсантам, видите, не отходят,— говорит Анна Павловна Соловьева, Герой Социалистического Труда, доярка совхоза.— Да и не удивительно: разве есть еще такая красавица! Недаром ее нарекли чемпионкой выставки.

Мария Яковлевна Олексенко, Герой Социалистического Труда, доярка колхоза имени Кирова, Черниговской области, вырастила Зозулю, суточный надой которой достигает почти шестидесяти литров. Это без малого два с половиной килограмма масла, не считая творога. За последние три года Зозуля дала тридцать тысяч литров молока.

Хряк Самоучка, за которым ухаживает свиновод И. Т. Науменко.

— А ведь эта наша симменталка,— рассказывает Мария Николаевна Стельмах, доярка этого колхоза,— раньше меньше двух литров в день давала. Ее даже из-за этого год использовали как тягловую силу. Марии Яковлевне Олексенко поручили ее подправить, хотя на это и не надеялись. Но она постаралась, приложила руки, раздоила. Теперь Зозуля — чемпионка выставки.

Труда и заботы пришлось положить немало. Победила техника доения, массаж и умелое кормление, превратившие «тягловую силу» в высокопродуктивную рекордистку. Экскурсанты аккуратно заносят в записные книжки суточный рацион Зозули, показанный в натуре под стеклом витрины.

В животноводческом городке демонстрируются десятки пород крупного рогатого скота, такие, например, как холмогорская, созданная лет триста назад на пойменных лугах Северной Двины, и молодые, едва перевалившие во второе десятилетие.

Впервые показаны в Москве новые породы, выведенные советскими учеными в содружестве с животноводами-практиками в послевоенные годы. Среди них нельзя не упомянуть, кроме костромской, лебединскую, сычевскую, курганскую, алатаускую, казахскую белоголовую, которые сейчас распространились во многих областях.

Семьсот с лишним голов отборного крупного рогатого скота насчитывает выставочное стадо. На сорока гектарах, почти четвертой части территории, разбросаны павильоны и различные животноводческие сооружения — типовые кол-

хозные фермы, прогулочные площадки, манеж, комбикормовый и молочный заводы, помещения для верблюдов и оленей — пантовых и северных.

* * *

Свои достижения показывают и передовики свиноводства, доставившие на выставку свыше трехсот животных.

Многие экскурсанты останавливаются, чтобы получше обозреть розово-белого хряка, который отзывается на кличку Самоучка. Простая деревенская свинья рядом с этим великаном покажется мелкой и щуплой. Хряк, прибывший из совхоза «Венцы Заря», Краснодарского края, прекрасно сложен и упитан.

Когда хряка взвесили, то оказалось, что в нем пятьсот тридцать килограммов — тридцать три пуда! Длина туловища — без десяти сантиметров два метра, а грудная клетка в обхвате — два метра.

Самоучка — средних лет, ему четыре с половиной года. Свиновод совхоза Иван Терентьевич Науменко охотно рассказывает:

— Потомство Самоучки составляет шестьсот тридцать голов, они поддерживают славу своего родителя — чемпиона выставки — в колхозах и совхозах не только нашего Краснодарского края.

Ф. Т. Постриган с асканийскими баранами.

* * *

Свинью в просторечье часто называют фабрикой сала и мяса, а овцу также справедливо зовут клубком шерсти и мяса. Это вдвойне справедливо по отношению к молодым породам. Баран-меринос дает десять — пятнадцать килограммов шерсти в год и весит свыше ста тридцати килограммов.

Больше трети века ухаживает за овцами чабан научно-исследовательского института в Аскании-Нова Филипп Титович Постриган. Он привез оттуда пять асканийских мериносов. По ряду причин Ф. Т. Постриган не смог выехать своевременно и, чтобы не опоздать, доставил свою группу на самолете. Путешествие по воздуху животные хорошо перенесли и сейчас находятся в Павильоне овцеводства.

Один из тонкорунных асканийских баранов, № 3370, завоевал звание чемпиона. В среднем каждый баран весит по сто пятьдесят килограммов, а один из них — сто шестьдесят шесть. Каждый дает шерсти, которой хватит на пятнадцать — двадцать метров первосортной ткани. Да какая это шерсть! Мягкая, шелковистая, рука тонет в ней, длина — десять — одиннадцать сантиметров.

Ф. Т. Постриган хорошо помнит академика М. Ф. Иванова, который вывел эту высокопродуктивную породу, усовершенствованную его учениками и последователями.

— Тринадцать тысяч голов, — говорит Филипп Титович,— выращенных в хозяйстве института, мы передали колхозам и совхозам. Хорошо принимают наших питомцев всюду. А почему? Большой доход приносит асканийский меринос коллективному хозяйству.

Всего экспонировано на выставке около девятисот маток и баранов пятидесяти пород и помесей. Впервые представлены новые породы — грозненская, сальская, казахская тонкорунная и архаромеринос. Прошли путь совершенствования и старые породы, те, что были на довоенной выставке.

* * *

Многообразен мир домашних животных, достойные представители которых заняли свое место в павильонах и на образцовых фермах. И куда бы мы ни заглянули, всюду есть чему поучиться.

Вот, например, кролиководство. На выставке свыше двухсот кроликов двадцати пород. И среди них есть свои чемпионы. В центре зала павильона возвышается скульптура, поставленная в честь крольчихи породы шиншилла. Крольчихи славятся своей плодовитостью, и на этом поприще им трудно выделиться. Однако та, что заслужила «увековечения», видимо, самая плодовитая среди плодовитых. Мы не знаем, какой кличкой нарекла эту крольчиху Варвара Михайловна Поспелова, которая вот уже два десятилетия занимается кролиководством в колхозе «Путь к коммунизму», Молотовской области. В течение одного года крольчиха и ее многочисленное потомство, рожденное в том же году, произвели на свет двести шестнадцать кроликов!

Иначе говоря, крольчиха вместе со своим потомством дала за год двести пятьдесят килограммов вкусного мяса — столько же, сколько обыкновенная корова. И не только мяса. Под стеклом витрины мы видим, что можно изготовить из шкурок кроликов: воротники и шапки, шубки и рукавицы. Как известно, шкурки кролика обрабатываются под дорогие меха — котик, соболь, крот, хорь, леопард. Шкурок этой крольчихи и ее потомства за год хватит, чтобы сшить четыре дамских меховых пальто или десять шубок для детей.

А кролики ангорской породы дают, кроме мяса, отличный теплый пух. От одной крольчихи с приплодом получают за год килограмм пуха. Из него можно связать десять вещей: шаль, кофту, варежки, берет, кашне...

* * *

Лай предупреждает о том, что поблизости находятся вольеры с собаками. Они собраны со всех концов нашей страны. Здесь овчарки и лайки, легавые — пойнтеры и сеттеры, спаниели и борзые, сторожевые, охотничьи, спортивные и промысловые собаки.

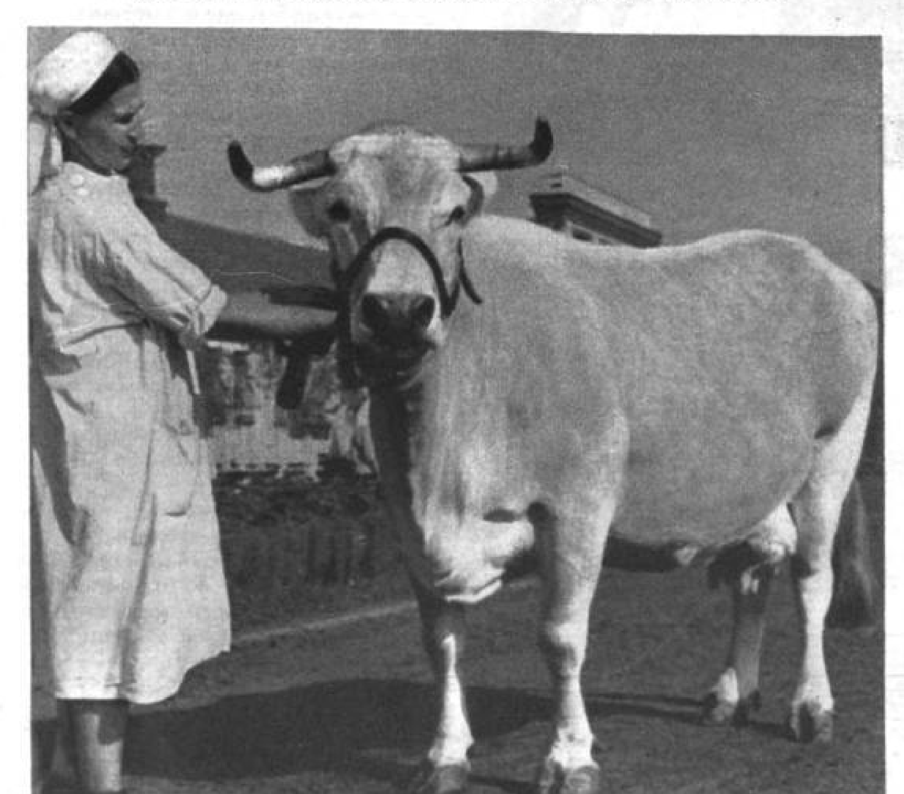
Вот одну вывели на прогулку. Этот чемпион выставки — борзой по кличке Гордый — принадлежит Московскому обществу охотников. Охотятся с ним без ружья. Борзой, пущенный по зайцу или лисице, догоняет зверя, берет его и ожидает своего хозяина. За день с таким борзым можно добыть шесть — семь зайцев, двух лисиц.

* * *

Во второй половине дня, перед вечером, на выводном кругу играет духовой оркестр. Плотной стеной стоят экскурсанты и посетители, с интересом наблюдая за животными, выведенными на прогулку. Проносятся чудесные орловские рысаки, горячие ахал-текинцы и другие верховые лошади; не торопясь, выступают могучие тяжеловозы отечественной породы. Важно шествуют двугорбые верблюды; медленно передвигаются, похрюкивая, свиньи; сбиваются в кучу мериносы.

Животноводческий городок — один из интереснейших разделов выставки, где показаны достижения и успехи передовиков, новаторов колхозов и совхозов. Их богатый опыт изучают тысячи экскурсантов, прибывающих со всех концов Советского Союза. Они учатся в этой замечательной школе передового опыта.

Г. БЛОК
Фото Е. Умнова, А. Гостева и Г. Санько.

Доярка А. П. Соловьева и выращенная ею корова Комса.

Борзой Гордый на прогулке.

ИНДИЙСКИЕ ГОСТИ В МОСКВЕ

По приглашению Министерства культуры СССР 26 августа в Москву прибыла делегация деятелей культуры и искусства Индии, возглавляемая заместителем Министра здравоохранения г-жой М. Чандрасекхар. Среди членов делегации — известные индийские артисты, исполнители народных песен и танцев. На Центральном аэродроме гостей радушно встречали представители общественности Москвы, деятели культуры и искусства. С приветственными речами выступили заместитель Министра культуры СССР Н. Е. Твердохлебов и президент Академии художеств СССР А. М. Герасимов.

На снимке: руководительница делегации г-жа М. Чандрасекхар произносит ответное слово.

В Академии художеств СССР состоялась торжественная церемония передачи Министерству культуры СССР двадцати произведений индийского изобразительного искусства — дар правительства Индии. Присутствовавшие на церемонии Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Индии в СССР г-н К. П. Ш. Менон и заместитель Министра культуры СССР С. В. Кафтанов обменялись речами.

Попросив посла передать благодарность правительству Республики Индии и премьер-министру Джавахарлалу Неру за ценный подарок, товарищ Кафтанов заявил, что эти картины будут выставлены в лучших советских музеях.

На снимке: после церемонии передачи произведений индийских художников.

Фото В. Мастюкова и В. Савостьянова (ТАСС).

В Большом театре СССР состоялся первый концерт индийских мастеров искусства — посланцев дружественного народа Индии. Индийские артисты показали большую и многообразную программу, включающую классические и народные танцы, музыку, пение.

На снимках: слева — артистка Тара Чоудри исполняет «Алариппу», танец классического стиля, справа — артистки Сурьямукхи и Томбино Деви исполняют старинный классический танец о Кришне и Радхе.

Фото М. Кухтарева.

Мелитопольские арбузы

Мелитопольщина славится своими замечательными арбузами. В этом году на полях колхозов и совхозов района созрел богатый урожай бахчевых. Особенно хорош урожай в колхозе имени Кирова. Крупнейшая сельхозартель района, возглавляемая депутатом Верховного Совета СССР Г. М. Зубенко, уже продала государству около 800 тонн арбузов.

На снимке: колхозница Т. Дуда (слева) и звеньевая бахчеводческого звена А. Мироненко готовят к отправке на заготовительный пункт арбузы сорта «мелитопольский».

Фото В. Максимова.

Ткачи металла

На первый взгляд это обычный ткацкий цех, каких много на текстильных фабриках. Удивляешься только огромному размеру станков. Мерно то вверх, то вниз «шагают» ремизы, быстро пролетают челноки, и ткачи внимательно следят за тем, чтобы не произошел обрыв нити... Но нить, из которой машины ткут полотно, не обычная: она сделана из тончайшей проволоки. Ее диаметр порой не превышает 55 микронов — это толщина человеческого волоса.

Из проволочных нитей ткут металлические сетки для бумагоделательных машин. При изготовлении папиросной бумаги, например, применяются особенно густые сетки, сделанные из самой тонкой проволоки. Это настоящее металлическое полотно, напоминающее по внешнему виду золотистый шелк.

Краснокамский завод металлических сеток — предприятие, оснащенное передовой техникой. Чтобы превратиться в тончайшую нить, а затем и в полотно, проволока должна проделать длинный путь. В фильерной мастерской завода готовится алмазная фильера для протягивания проволочных нитей. В алмазе величиной с булавочную головку просверливается отверстие, которое едва различимо невооруженным глазом. Оно должно точно соответствовать диаметру проволочной нити. Работа эта требует высокой квалификации. Для того, чтобы просверлить отверстие в одном алмазе, требуется сто пять часов.

В волочильном цехе сырье — толстая проволока — пропускается через машины грубого, среднего, тонкого и тончайшего волочения. Проходя через трубки электропечей, она подвергается периодическому обжигу, становится все мягче и эластичнее. Для получения тончайшей пряжи проволочные нити пропускаются через отверстие алмаза. Один метр проволоки диаметром в 3,4 миллиметра превращается в металлическую нить длиной почти в четыре километра.

Тонкие нити сетки для бумагоделательной машины сшивают вручную, пользуясь лупой. Это требует от «портных» исключительной внимательности, высокого мастерства. Однако за последнее время все шире применяется механическое сращивание металлического полотна с помощью электрических приборов.

А. ГРИГОРЬЕВ

Ткацкий цех Краснокамского завода металлических сеток.

Фото И. Богданова.

Запорожский комбайнер в Казахстане

На колхозные поля Казахстана в районы освоения целинных и залежных земель прибыли сотни комбайнеров Украины, закончивших уборку в своих МТС.

В Красивенской МТС Акмолинской области работает группа комбайнеров из Запорожской области. Среди них знатный комбайнер Богдановской МТС И. Ф. Шевченко, награжденный орденом Ленина. Он прибыл со своим комбайном «Сталинец-6», которым убрал на полях Украины за 8 лет более 5 тысяч гектаров хлебов. Теперь И. Ф. Шевченко убирает пшеницу в колхозе имени Хрущева, Есильского района, Акмолинской области, на массиве поднятой этой весной целинной земли.

Фото С. Кропивницкого (ТАСС).

На собственной яхте

Скоро обед будет готов...

Фото автора.

В последний раз мелькнул над водой золотой обрез огненного шара, и темные очертания дальнего леса всплыли вдруг непрерывной синеватой чертой. Потом небо насупилось, и под веселые раскаты грома зашумел ливень...

— Ну, Лева, давай к берегу причаливать, на ночевку... Будем в своей каюте-люкс от дождя укрываться.

И вот, послушная воле командира-отца и его помощника-сына, маленькая морская килевая яхта Каюковых пристает к лесистому берегу. Спущен своеобразный якорь— двухпудовая гиря, которую по утрам Лев Николаевич легко подбрасывает вверх. Теперь, после большого дневного перехода, можно и на покой; две койки в каюте к услугам путешественников. Что касается ужина, то, пожалуй, придется обойтись без горячего: костра под этаким дождем не разведешь. А жаль: нет ничего вкуснее каши, сваренной на костре. Через час — другой пассажиры яхты погружаются в сладостный сон, чтобы на рассвете с попутным ветром снова отправиться в путь-дорогу...

Так, плавая на яхте по Волге, провел свой отпуск слесарь-лекальщик Ярославского автозавода Лев Николаевич Каюков. Яхта эта построена им самим.

Почти двадцать лет он занимается парусным спортом. Он участвовал в волжских парусных регатах, ходил на швerботах и до Куйбышева и в неспокойное Рыбинское море. Активный член спортивного общества «Торпедо», Л. Н. Каюков после войны решил построить собственную яхту. Три года он никуда не уезжал в отпуск, занимался яхтой. Сам конструировал ее, готовил чертежи, слесарил, плотничал. И вот в семье Каюковых большое празднество: торжественно в присутствии родных и друзей новенькая яхта спущена на воду.

Нынешним летом Каюков отправился отдыхать с сыном Левой. Из Ярославля спустились вниз по Волге, до Кинешмы, а потом — в обратный путь, намереваясь несколько дней провести в Плесе. В этом живописно раскинувшемся на холмистом волжском берегу городке прошли детство и юность Каюкова. Надо встретиться со старыми друзьями, сводить сына на бывшую дачу Шаляпина, на Левитановскую горку; тут художник создавал свои полотна... В Плесе мы и познакомились со Львом Николаевичем. Хорошо сложенный волгарь, с порыжевшими усами на обветренном лице, он с гордостью демонстрировал свою яхту и, по-волжски окая, говорил:

— Нет лучшего отдыха, чем на яхте. И сына пристрастил. Купаемся, загораем, рыбачим, у костра обед готовим, вместе дневник ведем. Где понравится, там и остановимся. Места на Волге всюду красивые. Особенно здесь, на Плесе. А чуть повыше — для охотника благодать. Сегодня по радио передавали, охота в наших краях уже разрешена...

И в глубине его глаз появились задорные огоньки.

Л. ЛЕРОВ

Победы советских спортсменов

СТАДИОН «НЕЙФИЛЬД»

Соревнования на первенство Европы по легкой атлетике проводятся раз в четыре года. В первый раз такое соревнование было проведено в Турине двадцать лет назад. После войны соревнования возобновились в 1946 году. Тогда на старт впервые вышли советские спортсмены.

25 августа в Берне открылся пятый чемпионат Европы, в котором приняло участие рекордное число стран — 28. Соревнования продолжались пять дней, и только последний день порадовал спортсменов хорошей солнечной погодой, до этого шли дожди. Непогода, однако, не нарушила хода на редкость увлекательных состязаний, привлекших множество туристов из различных стран. Небольшой стадион на окраине Берна «Нейфильд» все время был переполнен. Большинству зрителей приходилось стоять.

Мужчины соревновались по двадцати двум видам легкой атлетики, а женщины — по десяти, не считая эстафет. В итоге пятидневной борьбы советские легкоатлеты добились внушительных успехов. Они завоевали 41 медаль (20 золотых, 11 серебряных, 10 бронзовых). Англичанам было вручено 17 медалей (3 золотые, 7 серебряных и 7 бронзовых), спортсменам Чехословакии — 11 медалей (4 золотые, 2 серебряные, 5 бронзовых). Советские легкоатлеты добились полного преимущества в командном зачете, хотя официально командное первенство не разыгрывается. Наши спортсмены набрали 221 очко, англичане — 91,5 очка.

В дни состязаний в Берне много говорили о Владимире Куце и Михаиле Кривоносове. В. Куц стартовал вместе с сильнейшими стайерами Европы на 5 тысяч метров. Он сразу же предложил очень быстрый темп и намного сумел оторваться от своих соперников. Видимо, никто не предполагал, что Куц сумеет удержать такой темп, но советский спортсмен сохранил лидерство и первым закончил бег, установив новый мировой рекорд — 13 минут 56,6 секунды. Второе место занял К. Чатауэй (Англия) и третье — знаменитый чехословацкий бегун Э. Затопек.

В метании молота победу одержал Михаил Кривоносов. Сначала ход состязаний сложился не в пользу Кривоносова, и создалось впечатление, что первое место займет норвежец С. Страндли. Он метнул молот на 61 метр 7 сантиметров. И все же Кривоносов нашел в себе силы в решающей попытке метнуть молот на 63 метра 34 сантиметра. Это новый мировой рекорд.

М. Кривоносов.

Помимо Куца и Кривоносова, звание чемпиона Европы присуждено: Г. Зыбиной, Н. Пономаревой, Н. Откаленко, И. Туровой, А. Чудиной, М. Голубничей, М. Иткиной, женской команде СССР в эстафете 4 × 100 метров в составе В. Крепкиной, Р. Улиткиной, М. Иткиной и И. Туровой, а также Л. Щербакову, В. Ухову, А. Игнатьеву, В. Кузнецову, Е. Буланчику и А. Юлину.

В. Куц на дистанции.

Фото Н. Волкова.

Четко и уверенно действовала судейская коллегия. Запомнился такой случай. За нарушение правил бега был снят с дистанции Поль (Западная Германия). Находившиеся на стадионе туристы из Западной Германии — их было здесь особенно много — устроили обструкцию. Тогда диктор на немецком языке (заметим кстати, что информация велась на английском, французском и немецком языках) заявил следующее: «Здесь не Соединенные Штаты Америки и не зона оккупации. Тут строго соблюдаются правила, и решение судейской коллегии не будет изменено».

В воскресенье вечером, после окончания соревнований, у гостиницы «Савой», где остановилась советская команда, в течение долгого времени собирались большие толпы людей: всем хотелось пожать руку советским спортсменам, взять у них на память автограф. Особенно настойчиво «атаковали» Куца.

Советские легкоатлеты достойным образом защитили спортивную честь Советского Союза в крупнейших соревнованиях нынешнего сезона.

Г. КОРОБКОВ,
мастер спорта.

Берн. (По телефону).

КАНАЛ БОСБААН

В прошлом году Международная федерация гребного спорта по предложению и настоянию советской делегации приняла решение с 1954 года проводить соревнования на первенство Европы по академической гребле для женщин. И вот эти состязания состоялись в предместьях Амстердама, на специально сооруженном для гребных гонок канале Босбаан.

Советские спортсменки одержали замечательную победу, выйдя на первое место во всех пяти заездах. Чемпионами Европы стали: среди одиночек — Р. Чуманова, на двойке парной — Л. Чаусова, З. Ракицкая; на четверке парной с рулевым — команда с загребной К. Улоговой, рулевой Р. Шереметьевой; на четверке распашной с рулевым — команда с загребной Н. Морозовой, рулевой В. Огородниковой; на восьмерке — команда с загребной Е. Лукатиной, рулевой В. Огородниковой.

Несколькими днями позже на старт вышли мужчины. Наши спортсмены победили в заездах на восьмерке (загребной — В. Крюков, рулевой — Н. Колосовский) и четверке (загребной — Е. Сиротинский, рулевой — С. Носов).

Почта на колесах

Погожим летним утром в подмосковную деревню Золотьково прибыл голубой автобус. Радостным криком «Почта приехала!» встретила его детвора, собрались и взрослые. Раскрылись задние дверцы кузова, и передвижное отделение связи приступило к работе.

Золотьково — деревня маленькая, клиентов было немного, и через двадцать минут автобус двинулся дальше. В тот же день он побывал еще в нескольких селениях, заехал в дом отдыха, на МТС...

Отделение связи на колесах оборудовано экспериментальными мастерскими Московского почтамта. Предприятия Министерства связи должны в этом году смонтировать в специальных автобусах сто таких передвижек. Большая их часть будет направлена в восточные районы страны, на целинные земли.

Первые автобусы курсируют по Верейскому району, Московской области, и обслуживают ежедневно около двадцати пяти сел и деревень. Работают они по строгому расписанию. Автобусы производят все почтово-телеграфные операции; тут же можно подписаться на периодические издания.

Раньше, чтобы из иного пункта отправить посылку, приходилось добираться до ближайшей почты, расположенной в 10—15 километрах.

Г. НОВОСЕЛЬСКИЙ

Почтовый автобус прибыл в село.

Н. С. Шустов (1838—1869). ИВАН III РАЗРЫВАЕТ ХАНСКУЮ ГРАМОТУ. 1858 ГОД.

Сумской государственный художественный музей.

ИЗ ФОНДОВ СУМСКОГО МУЗЕЯ

Автор картины «Иван III разрывает ханскую грамоту» передвижник Н. С. Шустов учился в Петербургской Академии художеств, считаясь одним из самых талантливых среди своих сверстников. За это полотно, восстанавливающее один из эпизодов русской истории, Шустову присвоили звание академика.

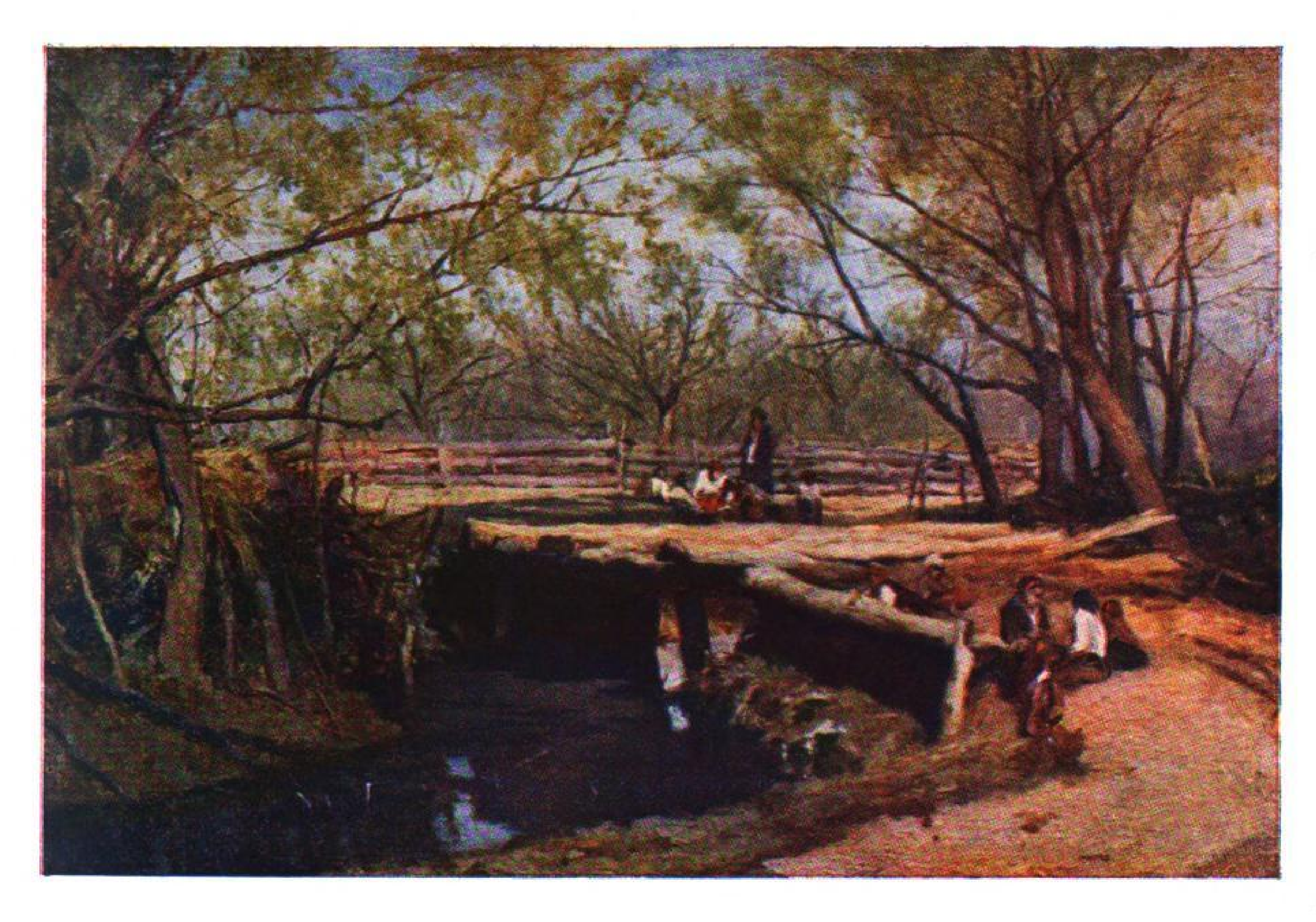
Картина находится в Сумском государственном художественном музее. В нем собрано много интересных произведений русской и украинской живописи.

Нежны и лиричны пейзажи С. И. Светославского, не раз выставлявшиеся у передвижников; его «Весенний разлив» и «Мостик» перекликаются с работами Левитана. Светославский был тонким и вдумчивым наблюдателем природы. Немало его произведений экспонировано в Государственной Третьяковской галерее: картины «К весне», «Начало весны», «Постоялый двор в Москве», этюд «Из окна Московского училища живописи». Творчество Светославского представлено и во многих областных музеях.

К. Е. Маковский много и трудолюбиво работал как в портретной, так и в исторической живописи. «Запорожский казак», очевидно, представляет собой этюд с натуры.

Значительный интерес вызывает полотно Н. П. Богданова-Бельского «Горе». Автор популярной картины «Устный счет» постоянно работал над жанровыми зарисовками из крестьянской жизни. Сюжет воспроизведенной в этом номере «Огонька» картины прост и трагичен: крестьянин потерял жену, дети остались сиротами. Выразительна, правдива композиция картины.

Е. ЕМЕЛЬЯНОВ

С. И. Светославский

(1857—1931).

МОСТИК.

Сумской государственный художественный музей.

С. И. Светославский.

ВЕСЕННИЙ РАЗЛИВ.

Сумской государственный художественный музей.

ПЕРЕВАЛ

Рассказ

Нора АДАМЯН

Рисунки П. Пинкисевича.

Очень хороша была Теберда в конце августа. Стояли ясные, солнечные дни, густо пахнущие хвоей. У берега ледяной Хатипары вылезали круглобокие твердые боровики. Я любила возвращаться домой с тяжелой корзиной мимо скошенных лугов, полных стрекота кузнечиков, по сырым лесным дорогам, заросшим высокими папоротниками. В голубом небе резко вырисовывались вершины ледников. В самый жаркий день от них веяло свежим ветерком.

Но неугомонный Костя сказал:

— А не пойти ли нам через перевал? Мы здесь прожили месяц. Хватит. Теперь недели две проживем на море.

Сперва эта мысль показалась неосуществимой. Куда девать чемодан с вещами? Пройдет ли перевал Маринка? Девочке всего двенадцать лет, и зимой у нее был бронхоаденит.

Пока мы решали да собирались, турбаза в Теберде уже закрылась. Но два экскурсовода, закончив работу, решили идти в Сухуми через перевал и согласились взять нас с собой.

Уже второй день, в колючих шерстяных носках, в лыжных штанах и широкополых соломенных шляпах, мы сидим и томимся среди пышных цветов нашего садика.

Маринка с Костей каждый час отправляются на турбазу и приносят новости:

— Жоре еще не заплатили денег: у него не хватает котелков.

— Каких котелков?

— За ним числилось подотчетное имущество, и завхоз чего-то недосчитывается.

Посидели, посидели и опять пошли.

— Ирочка отказывается идти. Она с Гиги поссорилась.

— Кто такая эта Ирочка, будь она неладна?

— Ну, мама, как ты не понимаешь? — рассудительно говорит Маринка.— Ирочка раньше была отдыхающая, а теперь она и Гиги — влюбленная пара. Она ждала, пока турбаза закроется, чтоб пойти с ним через перевал.

Когда мы уже совсем разморились и решили от скуки пообедать, с улицы прибежала возбужденная Маринка.

— Скорей, скорей, машина пришла!

Мы схватили свои мешки и накинули лямки на плечи, хотя до машины было всего несколько шагов.

В кузове сидела девушка. Она безразлично посмотрела на нас и отвернулась. Невысокий, коренастый юноша с тяжелыми прядями каштановых волос молча помог нам снять рюкзаки и, легко вспрыгнув в грузовик, аккуратно сложил их в уголок.

— Это Жора,— сообщила мне Маринка.

«Что ж это будет,— со страхом подумала я,— два шага пронесла мешок, а уже плечи оттянуло...»

На пустынной улице показался шофер турбазы и Гиги — молодой человек, широкий в плечах и суживающийся книзу.

Девушка, сидевшая в машине, стала внимательно рассматривать верхушки сосен. Конечно, это была Ирочка.

— Ученого еще нет? — спросил Гиги, усаживаясь в кабину.

— Я ждать не буду,— заявил шофер.— Мне надо засветло обернуться.

Машина задрожала, и мы поехали, но совсем не в ту сторону, куда лежал наш путь. Грузовик, переваливаясь, влез в узенький переулочек и загудел.

— Глеб Александрович! — зычно крикнул Гиги.

Из маленького дома вышел человек. При одном взгляде на него мы сразу почувствовали убожество своего снаряжения. Глеб Александрович был в замшевом спортивном костюме без пуговиц — на одних молниях, на плече он нес новый рюкзак со множеством карманов. В одной руке у него была связка блестящих инструментов — ледоруб, топорик, лопатка и еще что-то, в другой он держал свернутую желтую веревку.

— Он чудно одет, да, мама? — с нескрываемой завистью прошептала Маринка.

Глеб Александрович с помощью Жоры и Гиги очутился в кузове.

— Прошу прощения,— вежливо, но без улыбки, сказал он, отодвинув в сторону мой рюкзак и укладывая свои вещи.

Мы с Ирочкой посмотрели друг на друга. Она подмигнула мне и кивнула в сторону нашего нового спутника. Я ответила ей улыбкой. Нас уже объединяло чувство старожилов.

Покоренная блеском альпинистского снаряжения Глеба Александровича, Марина коснулась пальцем новенького ледоруба.

— Девочка, это трогать нельзя,— внушительно проговорил Глеб Александрович,— это не игрушки.

Маринка отдернула руку и сразу притихла.

Костя вступился за дочку:

— Я думаю, что эти игрушки не очень понадобятся вам в предстоящем походе.

— Это вы так думаете! — ответил Глеб Александрович.— Разрешите узнать: который раз вы переходите Клухорский перевал?

Посрамленный, Костя замолчал.

И тут совершенно неожиданно выяснилось, что даже Гиги и Жора идут через перевал впервые. Они были экскурсоводами по Теберде, а в Сухуми туристов водил другой человек.

— А я совершил этот поход еще в тридцать девятом году,— веско заявил Глеб Александрович.

Сквозь деревья мелькнуло черно-зеленое озеро, в котором мы столько раз купались. Потом пошли знакомые места — дорога на водопад Шумку, березовая роща. Мы не остановились ни у бешеной речки Муруджу, которая состоит из одной молочной пены, ни возле сурового потока Куначкира. Ущелье суживалось. Горы становились выше. Недвижно стояли темные прямые сосны.

Прощай, Теберда!

Марина все еще переживала обиду. Она сидела сосредоточенная, потом обхватила меня за шею и прошептала на ухо:

— По-моему, он хам!

Я укоризненно покачала головой.

— Наоборот. Он очень вежливый человек. А тебе урок: не трогай чужие вещи.

Глаза девочки подозрительно заблестели. Тогда Жора, сидящий на борту машины, отстегнул от своей клетчатой рубашки маленький туристский значок и приладил его к платью Марины.

— Теперь ты настоящая туристка!

Дорога шла все вверх. Костя и Маринка напевали свою любимую песню:

Эх, дороги, пыль да туман...

Ирочка тянула высоким голоском:

Для тебя я, молодая,
В сад зеленый вышла!

Запел и Глеб Александрович неожиданно сильным баритоном:

Торреадор, смелее в бой...

Так весело мы доехали до Северного приюта.

Навстречу машине выбежала курносая девушка и завела с шофером оживленный разговор о делах, к которым мы не имели никакого отношения.

Деревянный, очень декоративный дом стоял на самом берегу реки, а в двух шагах от него поднималась гора, изрезанная продольным серпантином дороги. Отсюда начинался подъем на перевал.

Стены домика были испещрены надписями: «Выходим на освоение перевала. Кто кого! Вася и Алеша».

«Прощай, Любочка! Встретимся в Сухуми!» «Кавказ подо мною! Арнольд Карапетян».

— Мы тоже напишем что-нибудь, хорошо? — загорелась Маринка.

Все три комнаты дома представляли собой печальное зрелище покидаемого жилища. На полу валялись бумажки, консервные банки. Свернутые полосатые матрацы были стянуты широкой кумачовой лентой с надписью: «Добро пожаловать!» Курносая девушка вытаскивала из дома узлы и складные кровати.

— На чем же мы будем спать? — тихо спросила я у Кости.

— Может быть, они оставят спальные мешки... — пожал плечами Костя.

Наши проводники о ночлеге не думали. Гиги стоял с Ириной у берега реки, а Жора помогал шоферу грузить вещи.

— Маруся, оставь нам котелок, — уговаривал он девушку.

Мне стало ясно, что никаких мешков не будет. А у нас только одно тонкое байковое одеяло.

«Надо вернуться на этой же машине», — подумала я.

Сердитая река скатывалась по зеленым каменным глыбам. От нее тянуло холодом. Черные ели, покрытые седой, косматой паутиной, обступили разоренный дом.

Как назло Маринка и Костя полезли на гору за малиной. Мне необходимо было человеческое сочувствие, совет.

— Наверное, нам лучше возвратиться в Теберду, — сказала я Глебу Александровичу, — здесь негде спать. Я боюсь за ребенка.

— Это еще не самое худшее, — готовно ответил он. — Учтите, что впереди ледник.

— Но ведь столько народу ходит через перевал!

— Ну, не знаю, не знаю... Дороги в горах изобилуют неожиданностями. В леднике могут быть трещины...

— Костя! Сюда! — закричала я во весь голос, но в это время машина тронулась.

— Котелок я у нее все-таки выпросил, — сказал Жора, подходя к нам.

Мы собрались перед домом у большого плоского камня со следами костра. Глеб Александрович развязал свой рюкзак, вынул термос и стал пить горячий кофе. Гиги и Жора обменивались между собой короткими, малопонятными фразами.

— Здесь ночевать не будем, — объявил Гиги. — Пока светло, тронемся на подъем.

— Позвольте, — сказал Глеб Александрович, — куда на подъем? Здесь хоть крыша над головой, а там до Южного приюта ничего нет. Я эти места знаю!

Ни Жора, ни Гиги не удостоили его ответом. На камне расстелили газетный лист и достали еду. Маринку очень волновало, как мы будем питаться.

— Все вместе будем, правда, мама? Все вместе, — убеждала она, пока я доставала из мешка жареных цыплят.

Гиги извлек из своего рюкзака копченую колбасу.

— Вот что, товарищи, — сказал Костя, — надо поступать целесообразно. Сперва будем есть то, что может испортиться. Колбаса подождет.

Никто не возражал.

— Присаживайтесь ближе, — предложила я Глебу Александровичу.

— Благодарю. Я закусил, — ответил он и отошел в сторонку.

Ира ела нехотя. Она была безучастна ко всему окружающему. Ее большие светлоголубые глаза были обращены в сторону Гиги. О чем бы он ни говорил, она слушала его, широко улыбаясь.

Но Гиги говорил мало.

— Пошли! — скомандовал он, едва мы покончили с цыплятами.

Нам было все равно — идти, так идти. Мы вполне сознавали свою зависимость от проводников и покорно взяли мешки. Но Глеб Александрович запротестовал:

— Это — безумие. Нас в горах застигнет ночь.

— Наверху есть старые блиндажи, — пояснил Жора. — Сейчас по холодку осилим подъем, а утром перевалим.

Пошли мы не по серпантину, а по прямой туристской дорожке. Лес кончился. Тропинку обступали высокие травы. Позади меня шел недовольный Глеб Александрович, но я не прислушивалась к его ворчанию. Мне было очень трудно идти. Болели оттянутые мешком плечи, прерывалось дыхание, кровь стучала в висках. Примерно через каждые десять минут Гиги давал нам коротенькую передышку, и это было именно тогда, когда я уже не могла сделать ни одного шага.

На одной из остановок Жора молча снял с меня рюкзак, накинул его ремни себе на плечо и пошел рядом со мной.

Нести свой мешок всю дорогу было вопросом самолюбия. Марина никому не отдала свою ношу. Но уж бог с ним, с самолюбием! Я сразу ожила и огляделась вокруг. Травы уже не стояли стеной, а стелились по земле. Внизу, в сумраке ущелья, темнели леса. А мы догнали солнце, которое горело на белых вершинах. Низко сползали языки ледников, изрезанные голубыми полосами, будто следами от гигантских лыж. Неприступные громады возвышались над нами.

— Нет, какие же они неприступные! — сказал Жора, деловито оглядевшись. — Они давно все освоены. На каждой вершине по десятку консервных банок с записками есть.

Мы разговорились. Жора был самый старший в семье и после смерти отца помогал матери поднимать детей. О себе он говорил скупо. Все переводил разговор на Гиги.

— Гиги уже на третий курс перешел. Географом будет. Он очень способный. Вообще у них вся семья такая; сестра умная, красивая — мы с ней дружим. Отец — колхозник, герой труда, замечательный старик. С одной стороны, вполне передовой, справедливый человек, а вместе с тем старых обычаев сильно придерживается. Например, когда мы у них на свадьбе гуляли, стаканов на столе не было, вино в турьи рога наливали. Туда больше литра входит, а на стол его не поставишь: не держится. Ну, надо пить.

— Это чья же свадьба была?

Жора помолчал, потом неохотно ответил:

— Так, одна свадьба...

Мы остановились, поджидая Глеба Александровича, который сильно отстал.

— Ну где, где оно, это ваше жилье? — еще издали закричал он.

— Самое трудное пройдено, — сообщил Гиги. — Здесь мы переночуем. — Он махнул рукой вверх.

Сперва мы ничего не увидели — гора и гора. Потом, как на загадочной картинке, глазам нашим сразу открылся домик, наполовину выбитый в горе, наполовину сложенный из камня и бревен. Грубая печь и выщербленные доски пола оказались покрытыми толстым слоем желтоватой пыли.

— Пыль веков, — пошутила я.

— Может быть, пыль войны, — серьезно сказал Жора. — Это последние военные укрепления в горах. Дальше фашисты не прошли.

Он уже где-то нашел тесину и ловко раскалывал ее складным ножом.

— У него есть топорик, — сказала я шепотом, указывая на Глеба Александровича.

— У другого можно взять и без спросу, — ответил Жора, — а этот человек сам должен предложить.

Но человек и не думал предлагать. Он снова вытащил термос и пил свой кофе.

Мужчины налаживали костер. Ира, как и прежде, мечтательно смотрела на Гиги. Это мне уже не понравилось.

— Ира, — сказала я, — пойдемте за водой.

Девушка удивленно взглянула на меня, но встала. Мы спустились к речушке, вытекающей из-под ледникового языка, и, пока переполаскивали посуду, я узнала, что Ира — техник, живет в Ленинграде, работает на станкостроительном заводе. В Теберду она попала по путевке: завод премировал лучших производственников. На Кавказе девушка никогда не была, и меня удивило не то чтоб безразличие, а какое-то спокойствие, с которым она смотрела на величие окружающей нас природы.

— Вам не нравятся горы, Ирина?

— Отчего ж, горы хорошие, — ответила она.

Больше спрашивать было не о чем.

Солнце уже зашло. Ледники стали розовыми, а воздух резким и холодным. Печка в нашем убежище отчаянно дымила. Едкий дым зеленоватыми плотными струйками выползал из ее бесчисленных щелей. Только низко пригнувшись к земле, можно было спастись от дыма.

Пока ужинали, я старалась не думать о том, как мы будем спать. Глеб Александрович уже забрался в спальный мешок облегченного типа — небольшой, но, видимо, достаточно теплый.

— Ничего, — сказал Жора, — и мы сейчас отлично устроимся!

У ребят оказался кусок брезента. Мы расстелили его на полу. Маринку я укрыла сложенным вдвое одеялом. Она заснула быстро, а для нас началась бесконечная ночь с коротками провалами в сон. Сперва никак не удавалось улечься на жестком полу. Потом я все же задремала, но скоро проснулась, дрожа от холода.

Видимо, стужа разбудила не только меня. Гиги сидел перед печкой и подкладывал в нее щепки, а Ира, облокотившись на свой мешок, говорила ему шепотом:

— Ты сказал, оставайся, я осталась. Я не посчиталась, что отпуск свой просрочила, что с работы меня могут снять. А ты все молчишь. И ничего я не знаю. Ничего ты мне не сказал.

— А тебе обязательно слова нужны?

— Ну а как же иначе объясняются люди? Я от товарищей отстала, иду с тобой. А куда?

Зачем? Как во сне... Не знаю даже, любишь ты меня...

— Вот! — сказал Гиги. — Именно этого твоя душа хочет. Но я еще ни одной женщине не сказал, что я ее люблю. И не скажу! Без слов понимать надо. Я тебе предложил: пойдем со мной. Ну, и конец. И все!

«Ах, мальчишка! Ах, хвастун!» — подумала я и неожиданно задремала. А когда у меня одеревенела шея и я снова открыла глаза, Гиги уже спал, а Ирина лежала рядом со мной.

Наконец стало светать. Костя первым вышел из блиндажа, но тотчас вернулся обратно.

— Вы только посмотрите, что творится! Ночью выпал снег. Не удивительно, что мы так зябли...

Все вокруг было в снегу. У наших ног лежали плотные, волнисто-кудрявые облака. Над собой мы видели белые вершины гор, но внизу уже ничего нельзя было разглядеть.

— Скверное положение,— сказал Глеб Александрович,— я эти места знаю. Не меньше трех дней здесь просидим.

Я пришла в ужас от его слов, но, увидев, какой он встрепанный и измятый, сообразила, что сама выгляжу не лучше, и это меня испугало еще больше.

Одна Маринка отлично выспалась и чувствовала себя хорошо. Мы умылись снежком и сели вокруг костра, который развели у дома.

— Может быть, распределим продукты на несколько дней? — мужественно предложил Костя.

— Это зачем? — презрительно спросил Гиги.

— Ну, на случай, если погода не изменится и нам придется здесь задержаться.

— Для чего нам задерживаться? — мягко сказал Жора.— Вот позавтракаем и тронемся.

Глеб Александрович пил кофе из своего термоса.

— Последняя,— с торжеством шепнула мне Маринка.

— Что последняя? — не поняла я.

— Кружка последняя. Уже все вылил из термоса!

— А тебе-то что?

— Теперь у нас будет просить котелок. А мы не дадим.

— Кто это не даст?

— Жора не даст. Мы так решили. Пусть с нами питается.

— На что он тебе нужен? — никак не могла я понять.

У нас было множество вкусных вещей: и шоколад, и печенье, и пирожки. А Глеб Александрович ел только крутые яйца и сухие галеты. Да и не такая была девочка Марина, чтоб польститься даже на самую вкусную еду. А все-таки я чувствовала, что для нее было очень важно присоединить Глеба Александровича к общему столу.

— Кстати, о продуктах,— мрачно сказал мне Костя, когда мы после завтрака пошли размять ноги. — Ты знаешь, ночью произошла очень неприятная вещь. Я даже сперва не хотел тебе говорить.

Он покосился на Марину, которая собирала чернику, стряхивая снег с зеленых кустиков.

— Понимаешь, вчера, когда мы поднимались, Жора все спрашивал Маринку, что находится у меня в рюкзаке. Я сам слышал, как он спросил: «Кроме еды, ничего нет?» А ночью я своими глазами видел: он вытащил из моего мешка эту проклятую бутылку коньяку и консервы.

Я ничего не смогла ему ответить.

— Черт с ним, с коньяком! — все больше распалялся Костя.— Мне за парня обидно. Что ты молчишь? — рассердился он на меня.

— Он самый хороший... а вы... вы глупые люди! — крикнула вдруг Марина. Она стояла вся красная и впервые в жизни говорила с нами таким тоном. — Он еще вчера сказал Гиги: «Я у него что-нибудь незаметно вытащу, ему с непривычки тяжело». Гиги сказал: «Не связывайся, еще не так подумают». А Жора сказал: «Это не такие люди. Они плохо не подумают». А вы взяли и подумали...

Марина заплакала. Мы с Костей поняли в эту минуту, что не выдержали одного из жизненных экзаменов.

— Не плачь, — сказала я, — мы ведь не знали... Мы больше никогда так не будем думать.

Костя молча прижал девочку к себе.

В это время с невероятной быстротой под нами разошлись и растаяли облака. Внизу тянулся лес, желтела полоска дороги, зеленели полянки. А мы стояли в снегу.

— Кончай ночевать! — крикнул Гиги. — Тронулись!

На этот раз я несла свой рюкзак сама. Тропинку замело снегом, и мы выбрались на серпантин. Солнце взошло, но вокруг было странно тихо — ни чириканья птиц, ни стрекота кузнечиков. Исчезла всякая зелень, ближе надвинулись ледники.

За одним из поворотов дороги меня ждал Жора. Он был мрачен.

— Скажите Ирине,— начал он требовательно,— пусть едет домой! Вы как пожилая женщина сумеете это лучше сказать...

Это был такой серьезный разговор, что я даже не реагировала на «пожилую женщину».

— Почему Ира должна ехать домой?

— Гиги женат. У него двое детей есть.

Жора сумрачно смотрел перед собой и по временам резко откидывал со лба тяжелые пряди волос. Я вспомнила восторженные глаза девушки. Как ей сказать об этом?

Жора огорченно цокнул языком.

— Не хотите? Ну что ж, тогда я сам...

— Нет уж! — сказала я. — Это надо осторожно сделать.

— Куда вы? Куда? — раздался за нами чей-то голос. Мы обернулись. Отставший Глеб Александрович размахивал руками и истошно кричал: — Для чего вы зашли сюда? Совершенно лишний крюк! Вон за той скалой надо повернуть!

Я вопросительно посмотрела на Жору.

— Идите за нами, я вас очень прошу, — твердо проговорил он и тронулся вперед.

— Я вижу, что мне придется встречать вас в Сухуми,— язвительно бросил Глеб Александрович и повернул обратно.

— Так нельзя, товарищи, — взволнованно сказала я, когда догнала всю группу. — Мы оставили человека одного в горах.

— Далеко не уйдет, — ответил Гиги сквозь зубы, — только хлопот нам наделает...

Ира засмеялась заливчато и радостно. Я с удивлением посмотрела на нее, не находя повода для такого веселья. Глаза девушки светились счастьем. Может быть, она добилась нужного ей слова?

Но Костя не так понял смех Ирины.

— Хорош смех! — сказал он возмущенно. — Как-никак, мы все за него отвечаем!

— Смешно слушать, — невозмутимо пожал плечами Гиги. — Мне времени жалко, а то бы я ему хороший урок дал. Я бы его до вечера одного оставил.

Он взял Иру под руку и отвел ее в сторону.

— Гиги верно говорит, — пояснил Жора, — ему ничего не стоит разыскать в горах человека. Когда мы на Эльбрусе работали, он несколько человек спас. Очень талантливый альпинист.

— А ты?— требовательно спросила Маринка.

— У меня тоже третья степень, — будто неохотно ответил Жора.

Мы долго сидели над неподвижным изумрудно-зеленым Клухорским озером. Марина и Костя дремали. Несмотря на близость ледников, солнце припекало довольно сильно, но стоило передвинуться в тень скалы, как становилось холодно.

— А что, в Грузии совсем не бывает зимы? — спрашивала меня Ира. — А заводы большие есть?

Это был удобный момент, чтобы поговорить с девушкой.

— Вы собираетесь переехать из Ленинграда, Ира?

— Все может быть,— сказала она, тряхнув светлыми колечками волос.— А скорее всего я и совсем не вернусь туда.

— Но ведь это серьезный шаг. И как можно...

— Я все наперед знаю, что вы мне скажете,— прервала меня Ира,— и знаю, что вы мне добра хотите. Но ведь и я себе счастья хочу. А для меня сейчас только одно...

Обычно медлительная, несколько флегматичная, девушка сейчас торопилась высказать что-то важное для себя.

— Я до сих пор думала: пусть меня крепко полюбят, а я так, с прохладцей... А теперь поняла: лучше всего, когда сама любишь. Только это — настоящее.

Тут я смалодушничала. Не сказала простыми, короткими словами того, что нужно было знать Ире. Я придумывала, как бы это сделать помягче, а в это время на дороге показались три мужские фигуры, и девушка побежала им навстречу.

— Вот веревка и пригодилась, — насмешливо сказал Гиги, бросая на землю размотанную желтую веревку и роскошный рюкзак.— Одного не понимаю: каким образом вы влезли на эту скалу?

Я ничего не стала спрашивать у Глеба Александровича. Было жалко смотреть, как он плелся без своего рюкзака в промокшем и отяжелевшем замшевом костюме.

— Вы знаете, там, кажется, раньше действительно была дорога, а потом ее закрыли, — соврала я, чтобы дать Глебу Александровичу возможность оправдаться.

— Если вы об этом знали, следовало предупредить меня заранее, — с раздражением отозвался он.

— Схлопотала? — с тихим злорадством сказал мне Костя.

Край неба покрылся тучей, озеро потемнело, ледники из голубых стали серыми. Пора было идти дальше.

— Я вас не задерживаю,— заносчиво заявил Глеб Александрович.

— Что это вы, не хотите идти с нами?

— Не могу. Физически не могу. Я растер ноги.

Глеб Александрович стянул свои подбитые шипами ботинки, и мы увидели разодранные клетчатые носки и огромные водяные мозоли на пятках.

— Эх, пижонство! — с досадой плюнул Гиги. — Кто в такие ботинки шелковые носочки надевает?

Глебу Александровичу густо смазали ноги вазелином и обули его в старые костины тапки.

— Хорошо, что мы их не выбросили, — рассудительно заметила по этому поводу Маринка.

Нам предстояло пройти полкилометра по леднику. Надо было двигаться цепочкой, след в след. Гиги возглавил колонну.

Дул очень холодный ветер. Даже не дул, а непрерывно тянул, как гигантский сквозняк. Все вокруг заволокло туманом. Ледник был присыпан свежим снежком. Когда мы наконец ступили на твердую землю, я почувствовала большое облегчение. Еще некоторое время продолжался подъем. Потом вдруг идти стало удивительно легко, хотя дорога не изменилась. Это была та же припорошенная снегом каменистая тропа. Но нас как будто понесло — выпрямились плечи, грудь вздохнула свободно.

— Перевалили, — сказал Гиги. — Здесь где-то должен быть столбик — опознавательный знак перевала.

Столбика мы в тумане так и не нашли.

За перевалом туман рассеялся. Одна за другой открывались вершины гор. Мы очень торопились, наверстывая время, и «резали» серпантин, скатываясь напрямик — то ползком, помогая себе руками, а то и просто на «пятой точке», как говорил Гиги.

— Главное, смотри себе под ноги, — убеждал меня Костя, — и послушайся моего совета — предоставь двум взрослым людям самим улаживать свои дела.

Я была сердита на Костю за его советы и на себя за то, что передала ему свой разговор с Жорой. Недовольна я была еще и потому, что Глеб Александрович, шагающий позади нас, уловил суть дела.

— Мы не имеем права проходить мимо подобных явлений, — строго объявил он Косте.

Я очень испугалась.

— Глеб Александрович, не говорите им ничего, прошу вас.

Глеб Александрович снисходительно усмехнулся.

— Вряд ли кто-нибудь сделает это лучше меня, — сказал он. — Мне неоднократно приходилось читать лекции о морали, о нормах поведения, так что это как раз та область, в которой я кое-что смыслю.

Я боялась взглянуть на Костю, а он в этот момент прыгнул с откоса и широко зашагал с горы. Снизу нам махали руками Ира и Маринка. Они собрали по большому пучку крокусов — гигантских подснежников, которые росли у самых ледников, — и теперь стояли вблизи огромного водопада.

— Люди все-таки иногда очень правильно дают названия — Клыч! — глубокомысленно заметила Марина.

Грохочущий, клубящийся Клыч с такой силой скатывался меж двух скал, будто торопился выполнить срочную работу. Он обдал нас водяной пылью, и тотчас, будто по его распоряжению, заморосил мелкий, унылый дождик. Пережидать его не было смысла. Мы шли, уже не боясь промокнуть, шагали прямо по воде, переходя бесчисленные мелкие водопадики, слетающие со скал на нашем пути.

Незаметно вокруг нас снова вырос лес, зашумели листья и травы, остро запахли мокрые папоротники.

Южный приют лежал в низине около дороги. Тут не было никаких построек. Видимо, туристов размещали в палатках. Сейчас здесь остался только большой шатер. Но убогий вид Южного приюта вполне искупался радушием его хозяев. Навстречу нам выскочил краснощекий, плотный мужчина с черными усами.

— Дорогие гости! — кричал он, протягивая к нам руки. — Добро пожаловать! Милости просим!

— Он наш знакомый? — спросила Марина.

— Нет, наверное, он знакомый Жоры или Гиги, — ответила я.

Мы были приглашены в шатер, где горел большой очаг. От нашей одежды тотчас пошел пар. Все, насколько возможно, разделись и стали просушивать обувь и одежду у очага.

В шатер часто входила толстая старушка. Не обращая на нас внимания, она все время выносила из помещения какие-то вещи — маслобойку, корыто, ведро.

В шатер заглянул Костя, беседовавший с хозяином.

— Ну, все отлично! — сообщил он. — Южный приют сегодня снимается. Сейчас сюда придет машина забирать вещи. На этой машине мы доедем до Ажар, переночуем, а наутро автобусом прямо до Сухуми.

— Ох, как хорошо! — обрадовалась я. — У меня все косточки болят. Больше ни шагу не могу ступить!

— Снимаем приют, снимаем! — воодушевленно говорил мужчина с усиками. — Вам повезло, товарищи: завтра здесь уже ничего не будет.

— А вы нас отвезете в Ажары? — осторожно спросила Маринка.

— А как же! Разве можно гостей не отвезти? Вы будьте спокойны — отдыхайте, закусывайте. Скоро машина придет.

Это был очень энергичный мужчина. Он бегал на коротеньких ножках взад и вперед, стаскивал на лужайку какие-то жерди и бревна.

Настроение у нас улучшилось. Мы наварили манной каши. В обеде, к великому удовольствию Марины, приняли участие все без исключения. Я со страхом ждала от Глеба Александровича выпадов против Гиги, но он ограничился тем, что проявлял рыцарское внимание к Ире: заботливо подавал ей хлеб, предложил свой стаканчик.

— Почему так долго нет машины? — томилась Маринка. — А вдруг она совсем не придет?

— Как можно? Что ты говоришь, барышня? — вмешался наш вездесущий хозяин. — Я уже сейчас этот шатер снимаю. Как может машина не придти?

Мы забрали свои вещи и вышли на лужайку. Хозяин хлопотал вокруг шатра.

— А ну, поможем, поможем, — приглашал он нас.

— А что ж, поможем, — согласился Костя. — Давайте все, друзья!

Жора распутывал веревки, Костя вытаскивал шесты, на которые был натянут брезент, и скоро наше последнее прибежище осело на землю, как приземлившийся парашют.

— Дружно! Взяли! — кричал хозяин. — Туже, туже затягивай! — суетился он, пока свернутый брезентовый шатер не стал похож на большое веретено.

Потом он попросил ребят подтащить к дороге большие бревна. Маринка и я ловили в кустах удивительно голосистых и увертливых поросят. Толстая старушка — мамаша заведующего — связывала поросятам ножки и укладывала их в большую корзину.

— А они не задохнутся? — волновалась Маринка.

— Ничего, ничего, все хорошо будет, — благодушно отвечала женщина.

Машина пришла, когда уже стало смеркаться. Шофер, маленький, щуплый, с безразличным видом сел на пенек и сказал скучающим голосом:

— Грузите, что ли...

— Сейчас, дорогой, сию минуту, — заверил его заведующий.

Наши ребята грузили машину с полным знанием дела. Сперва положили большие круглые бревна, на них палатки и свернутый шатер. По углам рассовали большие бочки. Затем наступил черед всякой хозяйственной утвари. Тут были лохань, ведра, бидоны, клетка с курами. Между вещами заведующий старательно заложил не менее двух кубометров напиленных дров.

На этом этапе укладки у меня возникли первые сомнения. Я остановила Костю, который тащил в машину какую-то корягу.

— Костя, а мы поместимся?

— Не беспокойся. Ты не знаешь этих машин. Всегда кажется, что совсем уже нет места, а потом все размещаются.

В кустах оказались складные кровати — погрузили и их. Особенно старалась мамаша. Она тащила невыделанные овечьи и телячьи шкуры, узлы, мешки.

— Ну, — сказала я Ирочке и Марине, — вы, может быть, тут как-нибудь и поместитесь, а я определенно нет.

Наконец на самую верхушку водрузили корзину с поросятами и уложили огромную связанную свинью. Рядом со свиньей уселась мамаша, держа в объятиях большую керосиновую лампу. Хозяин поднял борт машины, укрепил его крючьями и, улыбаясь, направился к кабине. Неразговорчивый шофер докурил папиросу, плюнул и, не торопясь, пошел на свое место.

Мы стояли на дороге в полной боевой готовности.

— Да! — вдруг радостно воскликнул хозяин Южного приюта. — А где же мы поместим наших дорогих гостей?

— А нигде мы не поместим дорогих гостей, — сумрачно объявил шофер. — Я еще не сошел с ума — на такую груженую машину пассажиров брать. Я себе не враг.

— Но уже ночь! — с отчаянием сказала я.

— Ай-ай-ай! — заворковал заведующий. — Ну, ничего, ничего, тут прямая дорога, хорошая дорога. Каких-нибудь тринадцать километров до селения Гвандра. Там прекрасно переночуете.

Он поднял кепку над головой и покрутил ею в воздухе.

— До свидания, дорогие товарищи, до свидания!

Загудела машина, захрюкала свинья, но, заглушая все звуки, наш новый знакомый кричал:

— До скорой встречи в Ажарах, дорогие!

— Вот прохвост! — удивленно сказал Костя.

Жора сокрушенно качал головой:

— Ах, какие люди бывают...

— Это все потому получается, что вы не хотите жить, как все, — срывающимся от досады голосом сказала Маринка, — потому что вы не любите отдыхать ни на турбазе, ни в санатории. Вам не нравится по звонку обедать и спать. А вот если люди не дикие, а настоящие туристы, никто не имеет права так с ними поступать, ни в Северном приюте, ни здесь...

— Детка моя, ты устала? — беспомощно задала я совершенно праздный вопрос.

Конечно, она устала, хотела спать, была сердита и обижена.

— Пойдем, — сурово сказал Гиги, — быстро пойдем. Через два часа будем в Гвандре.

Он вынул из кармана небольшой револьвер и тщательно его зарядил.

— Здесь есть волки? — осведомилась Марина.

— Ну, волки сейчас не нападут, — ответил ей Жора, — это так, на всякий случай. Вдруг

кабан выйдет на дорогу или мишка. Они не страшные.

— Сдается мне, что у кого-то в рюкзаке есть добрая бутылочка коньяку,— бодро провозгласил Костя.— Подать ее сюда!

В сгущающейся темноте мы стояли вокруг огромного старого пня и следили, как Жора разливает по кружкам коньяк.

— Ну, посошок на дорожку, — сказал он.

— Позвольте! — остановил его Глеб Александрович.— Мне хочется сказать маленькое слово.

— Тост, — вздохнула Марина.

— Ксенофонт говорил...— солидно начал Глеб Александрович... и пошел!

Он привел несколько цитат из древних греков, сослался на классическую литературу. Слова: «Долг», «Самосознание», «Обязанность» — произносились им с большой буквы.

«Может быть, пронесет стороной», — с тоской думала я.

Заговорив о моральной красоте человека, Глеб Александрович скромно привел в пример себя. Его жизнь лежала перед ним прямая, без сучка и задоринки, как достойный пример для подражания. С вершин своей чистоты он требовал гармонии и порядка в общественной и личной жизни каждого из нас. Он не называл имен. Он многозначительно сказал:

— Не надо обмана. Помните о своих священных обязанностях по отношению к своей семье, к своим малюткам. Преодолейте мимолетное увлечение! — и потянулся своей кружкой к Гиги.

Гиги швырнул свою кружку на землю. Он не смотрел на Глеба Александровича. Он обернулся к Жоре.

— Друг! — сказал он с брезгливым презрением. — За сколько продал?

Затем резко дернул плечами, поправляя лямки мешка, и, подняв голову, ушел от нас в черные кусты.

Темнота мешала мне рассмотреть лицо Иры. Я только видела, что она сидит неподвижно, держа в руках белую кружку.

— Непонятно: к чему вы все это говорили? — вдруг раздался ее спокойный голос. — И откуда вы все это взяли? Никто никого не обманывал. Все ж таки сперва надо разобраться, как и что, а потом тосты произносить.

Мы молчали. Черный лес окружал нас со всех сторон.

— А если на дорогу выйдут мишка или кабан, — вдруг спросила Маринка, — из чего мы будем стрелять?

— Ну какой там кабан! Они все спят сейчас, — ответил ей Жора. — А мы пойдем, как на леднике, — цепочкой след в след. Гнать сильно не будем.

Стало совсем темно. Самым неприятным было ощущение неизвестности: куда ступит нога? Глеб Александрович то и дело зажигал спички, от чего еще больше вокруг сгущалась темнота. Впереди громко смеялась Ира.

— Странная девушка,— вздохнул Глеб Александрович.— Вы не находите?

— Не нахожу,— ответила я резко.— И не понимаю: для чего вы устроили всю эту комедию?

К моему удивлению, Глеб Александрович не рассердился.

— Вам кажется, что получилось не очень хорошо? — спросил он унылым голосом. — Видимо, я чего-то недоучел.

Некоторое время мы во мраке осваивали крутой спуск лесной дороги.

— Личные взаимоотношения — очень сложная область,— грустно изливался Глеб Александрович.— Вот я недавно проявлял внимание к одной аспирантке... Я всегда стремлюсь к ясности и определенности. Разве это плохо? Если меня спрашивают: «Который час?»,— я отвечаю: «Без двух минут пять» или «Тридцать две минуты третьего». Вы можете понять девушку, которая на этом основании отказывается выйти замуж? Разве это повод для разрыва? Если бы она сказала: «Я вас не люблю», — ну, это определенно и понятно.

— Да, тогда уж действительно понятно, — согласилась я.

Понемногу мрак прояснился. Возможно, это был свет звезд, может быть, наши глаза освоились с темнотой, но я уже различала рытвины и камни на дороге. До меня все время доносился голос Жоры. Он разговаривал с девочками и смеялся, хотя я знала, что ему сейчас совсем не до смеха. Мы приготовились к долгому пути. Возможно, поэтому он и кончился раньше, чем все этого ожидали. Злобно и хрипло залаяли псы.

— Гвандра, — сказал Жора.

Я различила несколько темных строений. Подойти к ним было страшно: уж очень надрывались и гремели цепями собаки. Маленький красный огонек отделился от забора и поплыл к нам.

— Светлячок? — удивилась я.

— Гиги, — тихо сказал Жора.

Держа папиросу в зубах, к нам подошел Гиги.

— В доме одни женщины, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Меня не пустили. Надо им показать, что с нами есть женщины.

В три голоса мы стали проситься переночевать. Кто-то вынес во двор зажженную лампу, нам открыли калитку и ввели в огромную комнату. Вся мебель: стол, кровать и стулья — была подстать комнате, громоздкая, из толстых дубовых досок.

— Это — жилище великанов! — сказала изумленная Маринка.

В доме действительно оказались одни женщины. Мужчины этого маленького селения ушли в Ажары чинить размытую дождем дорогу.

Стройная молчаливая девушка вскипятила нам котел воды и настелила на пол сена. Мы выбились из сил. Один Жора открывал консервы и нарезал хлеб. Гиги присел на корточки у самой двери и курил, выпуская дым в дверную щель.

Пересиливая изнеможение, я подошла к Ирине, которая рылась в своем мешке, подозрительно склонив над ним голову. Я тихо коснулась ее волос, но Ира сразу посмотрела на меня, вопросительно подняв брови.

— Ах, горячее какао! Какая прелесть! — сказала она. — Гиги, что ты там возишься? Твоя кружка в моем мешке.

Поверх сена мы постелили наш испытанный брезент. Это был самый лучший ночлег в нашей жизни, самая удобная постель, самый крепкий сон. Мы ни о чем не разговаривали, только, когда уже была потушена лампа, Марина спросила шепотом:

— Ты не знаешь, какие у Гиги малютки: мальчики или девочки?— И тут же философски добавила: — Ничего, у Иры тоже будут дети...

Утро было солнечное, омытое вчерашним дождем. В лесу росли фруктовые деревья. Марина с азартом собирала в свой мешок некрупные, но очень ароматные груши. Мы с Ириной медленно шли по дороге. Впереди виднелось селение — все в садах, огородах, зеленом плюще.

Ира первая заговорила со мной.

— Я виновата перед вами, — сказала она.— Вы вчера подошли ко мне, а я вас оттолкнула. Я понимаю: вы меня утешить хотели, но ведь это невозможно.

Я очень встревожилась, но лицо девушки было попрежнему серьезно-спокойным.

— Мне это самой изжить надо, — продолжала она. — Но только мы с вами сегодня расстанемся, может быть, навсегда, и мне не хочется, чтоб вы думали обо мне плохо. Это не легкомыслие было, поверьте...

— Я вам верю, Ирочка.

— Ну вот,— вздохнула, будто провела черту, Ирина. — Что ж делать! Я ни от кого в жизни обмана не ждала.

Меня удивило, что она ни слова не сказала о Гиги. Со вчерашнего вечера он держался отчужденно, и только одна Ира говорила с ним короткими, деловыми фразами.

По дороге бежал Костя.

— Что вы так отстали? Мы машину подрядили до самого Сухуми...

Кончалось наше путешествие. Мы ехали все вниз и вниз на большом добротном грузовике. Шире расступались горы, рядом с нами бежала река Кодор. Пихту и ель заменили сероватые кроны грецкого ореха и узорчатые листья каштана. Было очень хорошо. Сладко отдыхали натруженные мускулы. Все молчали. Только разок Глеб Александрович затянул: «Я тот, кого никто не любит...» Но сразу осекся и виновато сказал:

— Вы знаете, я занимаюсь пением в кружке при Доме ученых, и мне необходимо каждый день упражнять голос.

За одним из крутых поворотов наш шофер остановил машину.

— Я предупреждал, — веско сказал он, — здесь постоим: впереди дорога попорчена.

Огромная масса земли, подмытая водой, сползла с горы и села на дорогу. Колхозники ближайших сел и дорожные рабочие расчищали путь.

Костя не мог долго оставаться бездеятельным.

— Что ж мы так и будем сидеть? Может быть, наша бригада включится в работу?

И наша бригада — один за другим — выскочила из машины. Шествие открывал Глеб Александрович, размахивая своими инструментами, которые наконец действительно пригодились.

А я, разомлевшая под солнышком, не вылезла. Я даже чуть вздремнула под шум Кодора и щебет каких-то пичужек.

Первой на дороге показалась Ира. Она шла к машине, разрумяненная и растрепанная, отряхивая с платья пыль. Когда она поровнялась с грузовиком, из-за кустов вышел Гиги:

— Ты что, говорить со мной не хочешь? — вызывающе спросил он.

— Я с тобой говорю, — ответила Ирина. — Пусть люди не думают больше того, что есть. А так — о чем мне с тобой говорить?

— Вы все тут дурака из меня сделали. В чем дело? Я перед тобой виноват? Я тебе что-нибудь обещал? Ну, скажи! — требовал Гиги, и сам не знал, что ему нужно.

— Успокойся ты! — презрительно отвечала Ира. — Ничего ты мне не обещал, ни в чем ты меня не заверял. Ты себя осторожненько вел.

— И это тоже плохо? Я, может быть, о тебе думал.

— Ты обо мне не думай. Ты о себе подумай. Ты одного себя любишь. Ты в нашей жизни несчастным человеком будешь...

К машине подходили наши ребята — пыльные, веселые, с мозолями на натруженных ладонях.

— Наша бригада минимум на полчаса сократила стоянку! — кричал Костя.

Гиги прислонился к кабинке. Мимо него прошел Жора, высоко держа свою каштановую голову.

— Георгий,— позвал его Гиги.— Кто из нас кому должен?

Нагловатый тон этой фразы был начисто стерт протянутой рукой и тревожным, почти просительным взглядом.

Жора ничего не ответил. Он подсадил в кузов Иру и Маринку и вспрыгнул за ними, даже не взглянув в сторону Гиги. Беспечно насвистывая, Гиги устроился в кабине.

Мы ехали гордые и бесстрашные. Мы не вылезли из грузовика, когда дорога узким карнизом нависла над пропастью и машина медленно продвигалась по склону отвесных Багатских скал. Перед нами открылась зеленая Цебельда. Только здесь я поняла слова поэта:

«На холмы Грузии легла ночная мгла».

Ночной мглы не было. Но холмы поднимались волнистыми линиями, разграфленные посевами табака, виноградниками, рядами круглых мандариновых деревьев.

«Мы парни бравые, бравые, бравые!» — затянул Костя. У него не было ни голоса, ни слуха. Но песню поддержал и понес мягкий баритон Глеба Александровича, взлелеянный в певческом кружке Дома ученых. В нее вплелись и наши, невозделанные, но достаточно мажорные голоса:

«В дорогу дальнюю, дальнюю, дальнюю идем...»

Я обернулась к Ирине. Она тихо подпевала нам и смотрела вперед — туда, где на горизонте появилось наконец блистающее синее море.

СТРОИТЕЛИ

К. НЕПОМНЯЩИЙ
Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Поправка маленького Богумила

В Болгарии озер мало, и они невелики. Эту фразу вы часто можете встретить в болгарских учебниках географии. В прошлом в Болгарии за воду дрались, водой торговали. Теперь озер в стране стало много больше. Их создают в засушливых районах, где крестьяне веками мучились от недостатка воды, а таких районов здесь немало.

Каждую весну крестьяне Павликенской и Севлиевской околий встречали со страхом: как бы не было наводнения! Каждое лето с тоской ожидали засухи. Бурная и коварная Росица, протекающая в этих краях, то высыхала, обрекая поля на гибель, то бушевала, разливаясь и разрушая сотни крестьянских домов. Так уж с давних времен повелось: либо слишком много воды, либо совсем мало.

Около пятидесяти лет назад появились первые проекты постройки плотины и водохранилища на берегах Росицы в районе Павликены — Севлиево. В Софийском архиве нам показали один из этих проектов. На пожелтевших чертежах, приложенных к обстоятельной записке, красовалось несколько размашистых резолюций:

«Слишком смело».

«Средств нет и не будет».

«Таких мечтателей надо сажать в тюрьму, дабы они не вызывали нездоровых настроений в народе».

Надписи, решившие судьбу проекта, принадлежали болгарским сановникам. Было это лет тридцать назад.

Сейчас, накануне десятого Дня свободы — болгарского национального праздника,— в этом районе в строй действующих предприятий республики вступает искусственное озеро, по-болгарски язовир, мощная электростанция и оросительная система. Штаб стройки находится в деревне, близ города Павликены.

Мы ехали из Софии по дорогам, указанным на карте, изданной совсем недавно, и... заблудились. Эти дороги привели нас к берегам озера, которое мы долго и безуспешно разыскивали на карте. Вокруг не было ни души, и мы решили было уже поворачивать назад, когда неожиданно увидели отряд ребятишек. Их головы были украшены самодельными бескозырками, какие носят обычно моряки. Старший из них, тринадцатилетний босой крепыш, которого все почему-то называли капитаном Богумилом, узнав, что мы из Советского Союза, предложил нам осмотреть грот нового озера, где он со своими товарищами строит шхуну «Красная звезда». Было удивительно приятно беседовать в еще недавно безводных краях с будущим капитаном будущей шхуны.

— Можно ли по этой дороге проехать в Павликены? — спросил я, развернув карту околии.

Бросив взгляд на карту, капитан засмеялся:

— По этой дороге, другари, можно попасть только... на пляж. Зря вы смотрите эту карту,— продолжал он, положив на нее свою маленькую, почерневшую от загара руку.— Она уже давно никуда не годится.

— Как не годится? Ведь она издана всего два года назад!

— Э-э-э,— протянул Богумил,— два года назад! Мы в школе эту карту уже два раза исправляли и учебник тоже. Поезжайте назад по тому шоссе, что ехали, и на перекрестке сверните направо. Там будет новая дорога. Да что вы снова на карту смотрите? На ней этой дороги еще нет.

Поблагодарив Богумила и его друзей, мы отправились в путь и минут через сорок уже знакомились с невысоким молодым человеком в спортивной куртке. Это был главный инженер строительства нового озера Димитр Гиргинов. Он повел нас к берегу Росицы, на ходу рассказывая о печальной славе этой реки.

— Нынешней весной,— прокричал он, стараясь перекрыть шум машин,— крестьяне впервые не боялись наводнения...

Мы перешли временный мостик через Росицу, которая выглядела сейчас очень смирной, и по предложению инженера поднялись на высокую гору, чтобы увидеть все строительство.

Прямо перед нами меж двух огромных скал возвышалась плотина.

— Шестьдесят три метра высоты,— сообщает Гиргинов,— триста двадцать метров длины. А слева здание гидроэлектростанции. К девятому сентября она должна быть сдана в эксплуатацию.

Чем выше мы поднимались, тем величественней становилась панорама сражения за воду, развертывающаяся внизу. Поражало обилие машин и механизмов, среди которых выделялись первые болгарские подъемные краны, названные «Росстроевцами» в честь этой стройки.

В свое время болгарская буржуазия внушала, что Болгарии на роду написано быть бедной аграрной страной, что она никогда не сможет иметь своей промышленности. От иголки до электромотора — все ввозилось из-за границы. Но сегодня на любой стройке, подобной Росстрою, можно увидеть металл, машины и топливо Софии, Димитровграда, Родопского края, который здесь называют болгарским Уралом, и других новых промышленных районов страны.

Поднимемся по узкой тропинке еще выше, и вот оно сверкает зеркальной гладью, новое озеро! Длина его — 18 километров. Здесь берет начало большой магистральный канал, проложенный параллельно дороге на Павликены. Там, вдали, он делится на десятки и сотни других, меньших каналов, несущих воду селам Павликенской и Севлиевской околий.

В последнем издании нового болгарского учебника географии сообщается: общая длина каналов сейчас достигает 800 километров. Но маленькому Богумилу вскоре придется сделать еще одну поправку в учебнике: до конца пятилетки протяженность каналов увеличится вдвое.

Лет пятнадцать назад, когда Росица затопила все вокруг, впервые в околии появились немецкие инженеры из Гамбурга. Гиргинов помнит только одно — они обращались с болгарами высокомерно и все покрикивали: «Шнель, шнель!»

Они вскоре уехали, так ничего и не сделав.

Строительная площадка пустовала до освобождения Болгарии. Тогда здесь появились болгарские инженеры. Но у них было мало опыта, и болгарское правительство обратилось в Москву с просьбой прислать в помощь советских специалистов.

— Костин, Шустик, Моисеев, Лафитский... Мы всегда вспоминаем наших учителей с благодарностью,— говорит инженер Гиргинов, и усталое лицо его светлеет.— Наши советские товарищи разработали генеральный план стройки. Они предложили нам вместо бетонной стены плотины воздвигнуть стену из сухой, каменной кладки. Просто и прочно. Они вместе с нами ползали по дну озера и укладывали камни между скал.

* * *

Папка документов. В каждом из них цифры урожаев до строительства озера и после. В селах Недан, Хотница, Белая Черква, Сухиндол, где в прошлом крестьяне мечтали о воде, как о несбыточном счастье, ныне собирают свеклы, ячменя, риса, кукурузы, пшеницы в полтора, два и даже три раза больше, чем в самые урожайные из прежних лет.

Во время наших бесед с крестьянами во всех этих селах мы часто вспоминали маленького капитана Богумила и снова думали, что ему еще не раз придется вносить серьезные поправки в свои учебники.

В селе Сухиндол

Стоит одним взглядом окинуть Сухиндол, чтобы понять: это вовсе не село, а целый город. Дело не только в мощеных улицах, в двух- и трехэтажных каменных домах и не в афишах о спектакле местного театра оперетты. Видные болгарские экономисты утверждают, что село Сухиндол по своему удельному весу в народном хозяйстве не уступит некоторым околийским городам. Здесь находится центр крупного виноградарского района...

Раннее утро. Распахиваются двери сухиндольских домов. Крестьяне направляются в поле, к виноградникам. На работу идут с

красным знаменем, хотя сегодня будний день. Здесь люди живут в атмосфере бодрости, у них хорошее настроение. Говорят о новом, четвертом по счету снижении цен на промышленные товары, о росте доходов кооператива.

— Мы теперь миллионеры, — произносит молодой парень, широко размахивая длинными руками.

Его товарищ вчера вечером вернулся со стройки нового водохранилища, находящейся, как нам уже известно, рядом с Сухиндолом. Он сообщает новость: прибыли новые механизмы из Союза. Парень прерывает свой рассказ, увидев, что к группе крестьянок присоединяется стройная девушка с белыми розами, вплетенными в косы.

— Здравствуй, Рада, — кланяется он девушке и с этой минуты уже, конечно, не слышит обращенных к нему вопросов.

Легко понять его. Прислушайтесь к песне, которую запевают крестьянки в это изумительное раннее утро болгарского лета:

Загорелась на заре звезда,
Загорелась над широким полем,
Над полем без единой
полосочки.
Нет, то не звезда на заре
загорелась,
Это наша звеньевая Рада из
дома вышла.
В волосах цветы, росой
окропленные,
Белые розы с холодной росой.
На плече у нее чучулига
певучая,
А вокруг нее рой девушек.
Они бегут к виноградной лозе,
К лозе виноградной бегут на
заре,
Косы ветер развевает, солнце в
глаза глядит.
А далеко-далеко трактора
шумят.
Легко им идти по широкому
полю,
По ровному полю без единой
полосочки,
И звонка, как чучулига, песня
их.

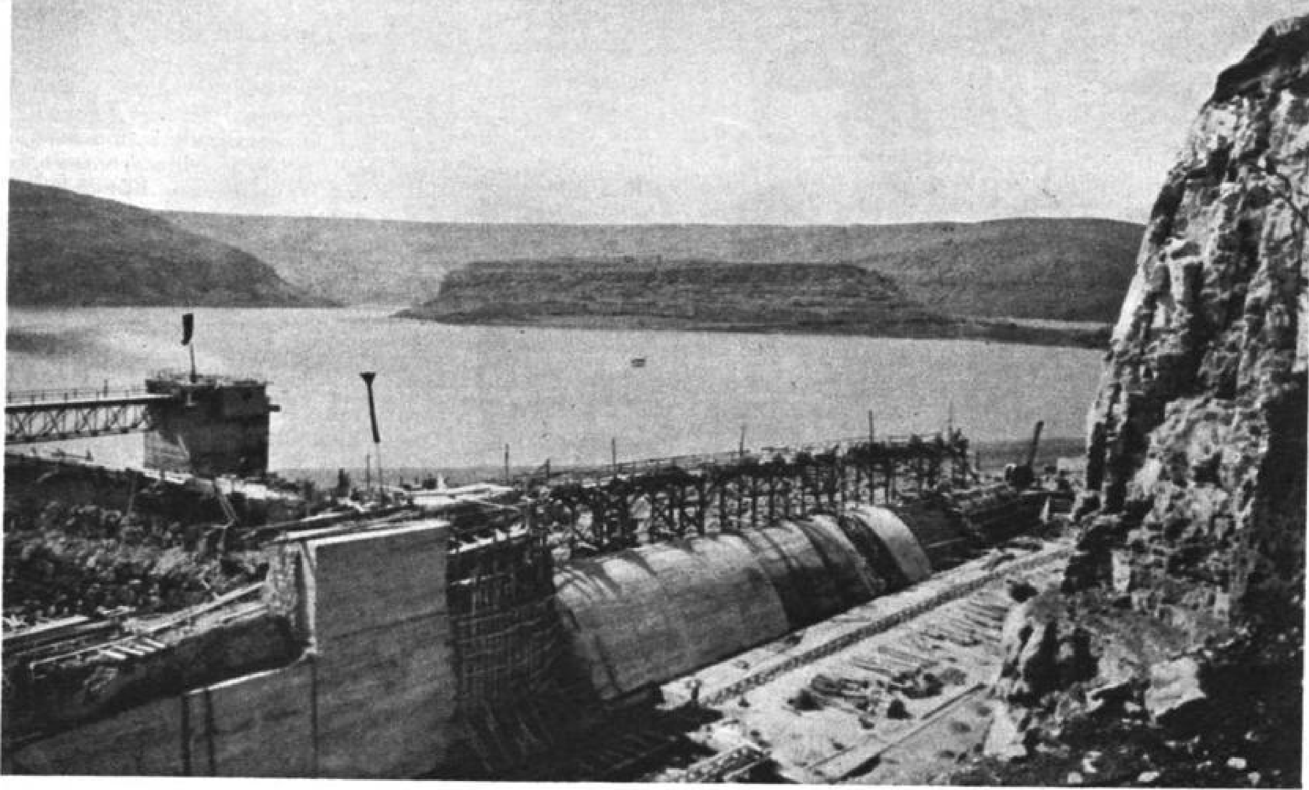
Кооператив в Сухиндоле существует уже более пяти лет. Вначале в него вступило только 100 хозяйств из 1 300, а через два года, когда крестьяне своими глазами увидели первые плоды коллективного труда, кооператив уже насчитывал 1 260 хозяйств.

О том, как идея коллективного труда овладела крестьянами, вам лучше всего расскажут в народном совете. Видите, впереди слева, на горе, среди деревьев, новое двухэтажное здание? Это и есть народный совет. Еще нет семи утра, а председатель Боян Димитров Обретенчев уже на месте. На вид председателю лет пятьдесят. Лицо доброе, улыбчивое, говорит он неторопливо и негромко — чувствуется, привык к тому, чтобы земляки слушали его со вниманием.

На столе председателя лежала книга Шолохова «Поднятая целина» на болгарском языке. Она имела довольно потрепанный вид.

— У нас в читалище, — говорит председатель,— только девятнадцать экземпляров «Поднятой целины».

Многие строки были подчеркнуты карандашом, одни красным, другие черным. На полях чьи-то торопливые замечания, восклицательные и вопросительные знаки. На одной из страниц, где описываются хитрые повадки Якова Лукича, пометка: «Очень важно».

Часть плотины, воздвигнутой на берегах Росицы.

Есть ли в Сухиндоле свой Яков Лукич, свой Майданников и Нагульнов? Возможно, что вопрос был поставлен слишком прямо. Боян Обретенчев, однако, не удивился.

— Я вас кое с кем познакомлю, — говорит он и снова берется за трубку телефона, но мы его просим рассказать о себе.

По словам Обретенчева, в его биографии нет ничего такого, о чем стоило бы рассказывать. Он рядовой рабочий. Родился здесь, в Сухиндоле. В 1923 году, когда отец начал строить дом, град побил посевы. Семейные долги выросли втрое, и молодому Бояну с трудом удалось закончить школу. Здешний Яков Лукич обещал помочь. Так Боян начал работать на кулака Влаева. Он помнит тот день, когда в село приехала на подводе вдова, совсем старая, больная женщина. Она привезла в Сухиндол виноград. Молодой Боян уже знал, сколько крестьянских мук и горечи содержит в себе порой кисть винограда, такая сочная и сладкая.

Влаев в то время диктовал цены на виноград не только здесь, в Сухиндоле,— во всей околии. Он знал, что вдове некуда податься — приехала она издалека, — и назначил ей цену. Боян уже сейчас не помнит, сколько, но только это были гроши. Он был молодой и горячий, и он сказал Влаеву при вдове, что это, мол, не цена, а издевательство. В тот же день Влаев выгнал парня на улицу.

— А где же он теперь, этот Влаев?

— Вон идет, — сказал Боян, посмотрев в окно.

Через минуту послышался осторожный стук в дверь.

На пороге стоял высокий, еще не старый мужчина с длинными черными усами и таким большим животом, какой обычно увидишь лишь на карикатурах. На нем была засаленная меховая жилетка, из-под которой выглядывала нечистая клетчатая рубашка. Он сухо поздоровался со всеми, кто сидел за столом, и сказал, что землю, которую ему выделил народный совет, он использовать не может.

— Помнится, раньше вы говорили другое, — ответил Обретенчев. — Теперь мы не можем взять обратно этот участок. Почему же раньше вы об этом ничего не говорили?

— Раньше? — переспрашивает Влаев. — Не сказал, и все тут.

— Но почему?

— Одним словом, земля пустует, — говорит Влаев. — Делайте с ней, что хотите.

— Время упущено. Теперь и мы не сможем использовать хороший участок.

— Мне все равно... Я вас поставил в известность.

Влаев поворачивается и уходит.

— Вот вам и Яков Лукич! Похож?..

Не очень — тот, пожалуй, был похитрее...

До приезда в Сухиндол нам привелось побывать в соседнем селе Белая Черква. Разговор зашел о событиях, которые происходили несколько лет назад, но которые хорошо помнят и в Белой Черкве и здесь, в Сухиндоле. Одним из закадычных друзей Влаева был некий господин Рапчев, бывший фабрикант и владелец большого леса. После утверждения конституции республики все леса Болгарии, как известно, стали собственностью государства. Но Рапчев с этим не желал согласиться. Однажды он уговорил не-

Хор женщин села Сухиндол.

Перед экзаменом в музыкальной школе села Сухиндол Оля и Ваня Божковы по очереди демонстрируют свои успехи дедушке Ивану Петрову Божкову.

скольких крестьян поехать за дровами в лес, который еще недавно принадлежал ему.

— Руби его! — кричал он остервенело.— Это мой лес! Мой лес, вали его, бери, кому сколько угодно!

В тот день было срублено много деревьев. Рапчева и тех, кто рубил лес по его уговору, вскоре вызвали в околийский суд.

— Разве вы не знали, что этот лес принадлежит государству? — спросил судья.

Рапчев молчал.

— Знал он, конечно, знал! — вскочил со своего места один из крестьян.

Постепенно крестьяне, обманутые Рапчевым, из подсудимых становились обвинителями. Они прижали Рапчева к стене своими прямыми и жесткими вопросами. Он знал, что это — преступление, но хотел скрыть его. Крестьяне сами подсказали суду справедливое решение — штраф за каждое дерево. Тысячу левов, не меньше.

Суд приговорил Рапчева к штрафу по 400 левов за каждое дерево.

Сухиндольский председатель Обретенчев, конечно, слышал об этом процессе.

— Трудностей, — говорит он, — у нас немало, но народ растет, и сегодня не обманешь уже крестьянина, как это случилось в Белой Черкве.

Мы снова вспоминаем «Поднятую целину» и ее героев.

— Давыдов? — переспрашивает Обретенчев с улыбкой. — Все мы немножко Давыдовы. — Он поднимает трубку и просит председателя правления кооператива «Сентябрь» зайти в народный совет.

— Добре дошли, — обращается с приветствием Обретенчев к невысокому худощавому человеку.

Это и есть Пеню Христов Гырбов, председатель кооператива «Сентябрь».

Высокий лоб Гырбова изрезан морщинами, движения не быстрые, но уверенные и точные. Он работает председателем почти с основания кооператива. Нет, не бедняк. Из середняков. С самых ранних лет остался сиротой, приехал из села в город, работал на заводе, окончил гимназию в Габрово — городе мастеровых. Его профессия — экономические науки. Недавно он защитил диплом в институте экономики.

— Об успехах наших довольно много написано, — говорит он. — О трудностях и грешках мало. — Грешки — по-болгарски ошибки.

В чем же испытывает кооператив трудности?

Главное, по мнению Гырбова, заключается в том, что молодые руководители кооператива не имеют опыта, не сумели сразу верно расставить силы в кооперативе. Например, очень быстро в селе выросло поголовье скота, а помещение заранее не построили. Корма заготовили, оказалось, мало.

— Многих грешков,— продолжает Гырбов,— помогла нам избежать «Поднятая целина». Мы обсуждали эту книгу на собраниях в бригадах и звеньях. Она всем помогла, а мне особенно.— Он говорит о книге, как о живом существе, осторожно берет ее в руки...

Вскинув голову, председатель неожиданно спрашивает:

— Вы были в нашем читалище? Ну, тогда вы не знаете еще Сухиндола!

Читалище в Сухиндоле одно из старейших в стране. У него большие традиции и большие заслуги. Здесь работают люди, влюбленные в свое дело. Они расскажут вам о том, что более 150 молодых жителей Сухиндола учится в Софии. Такого раньше не было и не могло быть... Десять лет назад в Сухиндоле было одиннадцать читателей, сейчас их более восьмисот...

В этом же здании находится и известный всей Болгарии сухиндольский театр оперетты. Сегодня «Лиляна». Зал переполнен. Приехал сюда народ из соседних деревень и из самого города Павликены. Один из героев оперетты, тот парень, что вчера вечером приехал со стройки, поет теперь о своей любви. Он протягивает руки в зал, и многие, увидев в первом ряду звеньевую Раду, с которой мы встретились нынче утром, понимают, почему особенно хорошо поет сегодня со сцены ее друг.

Идите, смотрите!

Димитр **МЕТОДИЕВ**

Веками купается в солнечном зное
гайдуцких Балкан крутизна —
земля, где с рожденья все сердцу родное,
где даль неоглядно ясна.
Как мать, видя бедный очаг свой, давно ли
под солнцем, стоящим в зените,
земля наша в муках стонала от боли:
— Идите, смотрите!

Идите, смотрите! Мрачнее ущелья
трущобы — извечный приют.
Душа рвалась к свету из тьмы подземелья,
кляла изнурительный труд.
С утра и до ночи в ярме подневольном
мы ход ускоряли событий.
Эй, слышите вы! Надоело! Довольно!
Идите, смотрите!

А факелы гнева метались ночами,
пылала отвага сердец,
и партии знамя взвилось над плечами,
сражались и сын и отец.
Мы сердцем вас, братья советские, ждали
в мечтах о надежной защите!
Клич радости нашей услышали дали:
— Идите, смотрите!

Я помню: ликуют и солнце и горы,
струится живительный жар,
и русские, взглядом окинув просторы,
любуются пылом болгар:
— Братушки! Из пепла страна возродится,
связали нас крепкие нити.
Лет десять, товарищи, только промчится —
идите, смотрите!

Купается в льющемся солнечном зное
сентябрьский сверкающий свод.
Отпразднуй, отечество наше родное,
отпразднуй победу, народ!
Повсюду, повсюду взлетают знамена!
На солнце, знамена, горите!
Зовем на заводы, поля, стадионы:
— Идите, смотрите!

Фабричные отблески над городами...
Речные плотины блестят,
и под электрическими проводами
в долине и нива и сад.
И скорость, летя, набирают составы,
а рельсы поют басовитей,
гудки затрубили средь гор величавых:
— Идите, смотрите!

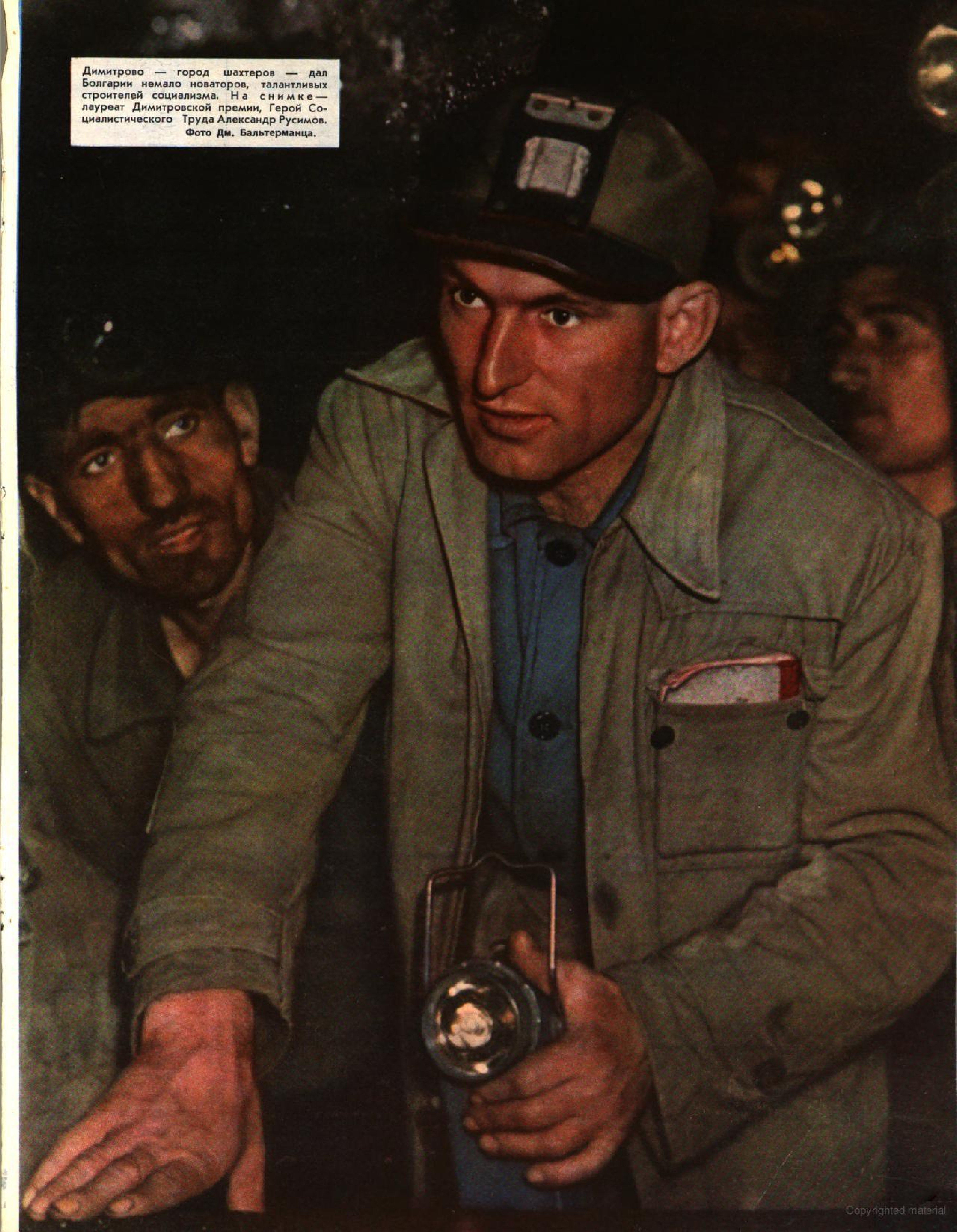
Идите, смотрите! Согнулись в поклоне
тяжелые ветви садов,
и осень с дарами встречает на склоне,
выносит корзины плодов.
Советский комбайн среди волн урожая,
синеющей дымкой обвитый,
и трактор рокочет, поля оглашая:
— Идите, смотрите!

Идите, смотрите! Запели фанфары,
гремит и гремит барабан,
навстречу мечте пионеры-болгары
идут по дорогам Балкан.
Весенняя радость и в песне осенней!
В горах, где орлов лишь обитель,
той песне откликнулось эхо в мгновенье:
— Идите, смотрите!

Напрасно слепые от злобы пророки,
как змеи, шипят из гнезда,
своей клеветы извергают потоки.
Спокойствие, эй, господа!
Умолкните в ямах помойных, болотных
и бешенства пену утрите!
Ничто не сбылось из пророчеств бессчетных!
Идите, смотрите!

Веками купается в солнечном зное
гайдуцких Балкан крутизна —
земля, где с рожденья все сердцу родное,
где даль неоглядно ясна.
Идем, вековые преграды свергая,
к свершению новых открытий.
С десятилетьем, страна дорогая!
Идите, смотрите!

Авторизованный перевод с болгарского А. КУДРЕЙКО.

Димитрово — город шахтеров — дал Болгарии немало новаторов, талантливых строителей социализма. На снимке — лауреат Димитровской премии, Герой Социалистического Труда Александр Русимов.

Фото Дм. Бальтерманца.

НОВ
ОЗЕ

Много новых озер-водохран
ние годы на болгарской земл

В центре — часть водохр
болгарского общественного де
лийского и плотина, воздвигнут
реки Росицы.

Вверху слева — один из
сущий воду трудовым земле
Павликенской и Севлиевской
ва — село Горско-Косово, пер
Внизу слева — мастер клад
инженер строительства Димитр
ва — члены трудового земл
имени Андрея Вышинского воз
вых работ.

ВОЕ
ЕРО

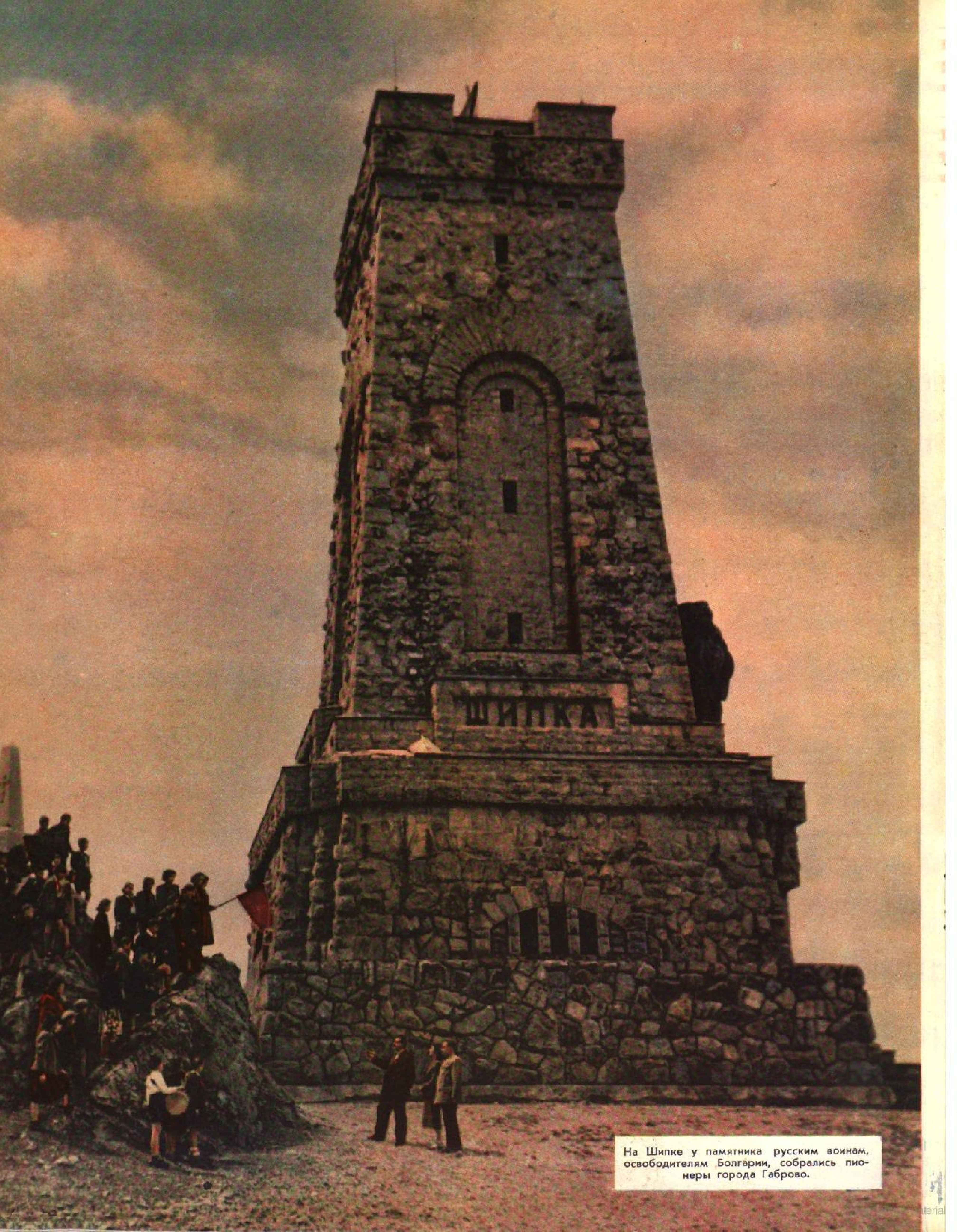

нилищ появилось в послед-
ле.

ранилища имени известного
деятеля Александра Стамбо-
утая в этом году на берегах

з оросительных каналов, не-
едельческим кооперативам
околий. **В в е р х у с п р а-**
еренесенное со дна озера.
адки Иван Колев и главный
тр Гиргинов. **В н и з у с п р а-**
ледельческого кооператива
озвращаются домой с поле-

На Шипке у памятника русским воинам, освободителям Болгарии, собрались пионеры города Габрово.

НА БЕРЕГАХ ЯНЦЗЫ

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Рассказ

Рисунки О. Верейского.

В Ханькоу, в портовом клубе, после просмотра советского кинофильма «Нефтяники Каспия» я познакомился с капитаном буксирного парохода товарищем Дун Чжи-сяном.

Это был человек невысокого роста, коротконогий, узкоплечий, с непомерно большой головой и необычайно подвижным лицом, иссеченным синими шрамами.

Протягивая руку, лишенную двух пальцев, он сказал взволнованно:

— Я не нахожу достойных слов, чтобы выразить свое восхищение кинокартиной. — И проникновенно добавил: — Я видел землю и людей, где строят коммунизм. И сердце гонгом у меня звенит, звенит, звенит!

— А вы, оказывается, поэт!

Дун Чжи-сян вынул пачку сигарет, закурил и, жадно глотая дым, сказал задумчиво и серьезно:

— Сочинять стихи в шестьдесят лет непосильно. Но когда я был тянульщиком судов, мои песенки распевали многие речники Янцзы.

Мы шли вдоль берега реки, мимо бесчисленных причалов, и нельзя было не заметить, с какой почтительностью матросы и грузчики приветствовали старого капитана.

А он, находясь под впечатлением фильма, рассеянно здороваясь, говорил о том, как много дала ему кинокартина для понимания будущего китайского народа, потому что это будущее воплощено в сегодняшнем дне Советской страны.

У бетонного пирса стояло новенькое буксирное судно, построенное на шанхайской верфи в 1952 году.

Я вспомнил заметку в газете, где сообщалось, что буксир «Труженик», первенец отечественного судостроения, в торжественной обстановке спущен на воду и его принял недавно окончивший мореходное училище народный герой Дун Чжи-сян.

Каюта капитана Дун Чжи-сяна блистала ослепительной чистотой. Над столом, где капитаны всех стран и морей обычно вывешивают портреты жен, детишек, а те, кто помоложе, возлюбленных, я увидел большую красочную репродукцию картины Репина «Бурлаки».

Дун Чжи-сян, разливая из термоса чай в тонкие, словно из яичной скорлупы, чашечки, заметил, с каким радостным удивлением я рассматриваю картину, улыбнулся и вдруг высоким, пронзительным голосом запел, отбивая такт костяными палочками для еды по краю стола:

«О мой товарищ по труду, пой песню, пой.
Ее сложил твой старший брат, великий русский брат.
Когда-то был он, как ты и я, тянульщиком судов.
Когда-то был он, как ты и я, рабом господ, рабом царя и ношу тяжкую носил с утра и до утра.
Ты берега Янцзы топтал, он — Волги берега.
Он землю пóтом поливал, как ты и я, как ты и я.
Но много лет прошло с тех пор. Великий русский брат прогнал царя, прогнал господ в годину Октября.
Великий старший русский брат дворцы построил на реке, и мимо тех дворцов плывут суда, как птицы, по реке. Забыт тяжелый труд тянульщиков судов.
Теперь взгляните на Янцзы, по голубой реке плывут суда навстречу волн, навстречу волн.
И каждый знает: те суда буксирами зовут».

Кончив петь, капитан сконфуженно усмехнулся и объяснил упавшим голосом:

— Самодеятельность у нас. Пристают, вот я и сочиняю иногда после вахты.

Дун Чжи-сян угощал меня лапшой с крабами, проперченной курицей, зажаренной вместе с грецкими орехами, и конфетами из джутового семени и засахаренных корней лотоса.

Он рассказывал, какие большие преимущества дает новый советский метод буксировки судов. Из квартала в квартал увеличивается грузооборот на реке. Ускорилась погрузка и выгрузка судов в главных портах после того, как их оснастили крановым хозяйством. Благодаря диспетчерской службе государственные суда ходят точно по расписанию. Судоходство по реке стало безопасным: фарватер размечен всюду бакенами, а в опасных местах поставлены маяки.

Потом он показывал судно. Водил в машинное отделение, в матросский кубрик и в красный уголок, где была маленькая библиотечка, стоял на столе патефон и висела стенная газета, которая называлась «На полный ход». Мы заглянули в камбуз, где на электрической плите кок готовил матросам ужин.

Но меня все время волновало желание вызвать капитана на разговор о его жизненном пути, очевидно, не простом и не легком.

После ужина мы вышли на палубу. Капитан молча курил, сбрасывая пепел себе в ладонь, а я молча смотрел на воду, и от быстрого течения ее возникало ощущение, будто судно неслышно плывет куда-то.

И я все-таки дождался. Капитан стал рассказывать о себе, правда, не очень охотно и даже равнодушно, словно о человеке, к которому он не испытывает большой симпатии...

Дун Чжи-сян восемнадцать лет работал в верховьях Янцзы тянульщиком судов, по-русски говоря, бурлаком.

Он тянул суда на самом трудном участке, там, где река сжимается тремя ущельями: Силинь, У и Цюйтанским.

Эти теснины так глубоки и узки, что проезжающие по ним на лодках люди почти не видят солнца даже в длинный летний день.

Берега реки здесь скалисты и достигают в высоту тысячи метров. Дно реки покрыто огромными подводными камнями. Река корчится в водоворотах, и течение ее на стремнинах достигает скорости поезда.

Из обширных районов Юго-Западного Китая по воде шли грузы: тунговое масло, зерно, овощи, мясо, щетина... Грузы перевозили на джонках. Перевозками занималось несколько судовладельческих компаний.

Тянульщиками судов были крестьяне-должники, которых помещики под охраной старшинок сдавали в наем судовладельцам. Старшинки жили на берегу реки в каменных домах, похожих на крепости. Во внешних дворах в глинобитных сараях помещались бурлаки. Тем, кто пытался бежать, надевали колодки. Внутри сараев — многоэтажные нары, такие низкие, что даже есть люди могли только лежа.

Когда бурлаки волокли суда, вслед за ними носильщики несли старшинок в открытых паланкинах, и на коленях у старшинок лежали маузеры или японские винтовки.

Там, где путь шел по отвесному берегу, а течение реки достигало наибольшей силы, старшинки привязывали бурлаков к петлям лямок, чтоб в случае опасности они не сбросили их.

И нередко бывало, что обессиленные бурлаки не могли удержать судно, бешеное течение утаскивало его вниз, и тогда вслед за судном на толстом коричневом канате, свитом из пальмового волокна, плыла по реке гроздь разбитых о камни мертвых человеческих тел.

И вот для того, чтобы изможденные, отупевшие от изнурения бурлаки находили в себе силы и волю к борьбе за жизнь, народ

придумал должность шута тянульщиков судов, которую исполнял Дун Чжи-сян.

Его одного не привязывали намертво к лямке. Поэтому он мог в опасных местах сбрасывать ее, забегать вперед бурлаков, бредущих с синими от удушья лицами, выпученными кровавыми глазами и оскаленными, как у умирающего зверя, зубами.

Бурлаки ползли почти на четвереньках, хватаясь руками за каждый куст, за каждый выступ скалы, чтобы удержаться на отвесном берегу.

А внизу хрипела сдавленная скалистыми берегами река и, как стальная гигантская пружина, тянула назад трепыхающееся на волнах судно. Буксирный канат, задевая за вершины сосен, растущих из каменных трещин, перешибал их, словно ударом топора.

Дун Чжи-сян прицеплял себе к заду клок ваты, становился на четвереньки и, вереща и подкидывая высоко ноги, изображал зайца, преследуемого волками.

Потом он брал два плоских камня и, зажав их в руке, отстукивал, словно кастаньетами, плясал и пел:

«Эх, братцы мои двуногие. Посмотрите на жирного борова Чжи. У него брюхо весит десять дзиней и набито рисом, словно амбар. Подойдите ко мне поближе, и я скажу каждому на ушко, что нужно сделать, чтобы всем нам быть сытыми. Распорем брюхо Чжи, как Янцзы распорола горы, чтобы уйти в океан, где свободно живется ее водам, словно партизану в горах».

Дун Чжи-сян кувыркался через голову и, заложив ноги за шею, шел некоторое время на руках. Потом он исполнял новые куплеты, изображая разговор помещика со старшинкой после гибели бурлаков.

— Так где моя двуногая скотина? — спрашивал помещик.

— Она в реке, — отвечал старшинка.

— А что она там делает?

— Красит ее по вашему повелению в красный цвет.

— А кто мне заплатит за это?

— Все, кто пьют воду.

— Так заплати мне первый за ту воду, которую ты пил, — требовал помещик.

— Увы, я не могу этого сделать, великий благодетель, — отвечал старшинка. — Ведь я никогда не пью воду. Я пью только ханжу.

И люди, для которых только смерть была спасением от мучительного труда, слушая Дун Чжи-сяна, делали чудовищные усилия и, рыча, выдирали суда из стремнины. Это был подъем ярости, и благодаря ей люди могли свершить нечеловеческое усилие и спасти себя от гибели. Бурлацкий шут Дун Чжи-сян умел вызвать эту спасительную ярость людей.

По установившейся веками традиции, старшинки никогда не наказывали бурлацких шутов за такие песни, когда они исполнялись в опасных местах скалистых теснин реки.

Но стоило тому же шуту попробовать хотя бы шепотом в бараке или на отдыхе спеть одну из своих песенок, как старшинки задушили бы его на месте веревочной петлей, накручивая ее на короткую палку.

После прохода опасного места шут снова впрягался в лямку, и палка старшинки падала на его плечи чаще, чем на спины других бурлаков.

Самое злое время наступало для бурлаков в зимние месяцы.

Тропинка вдоль скалистого берега реки покрывалась льдом. Непрерывно дул жгучий северо-западный ветер. Иногда он достигал такой силы, что поднимал в воздух вместе со снегом песок и мелкие камни.

У тянульщиков судов не было одежды. Они обертывались соломой, сухой травой, а к босым ногам привязывали деревянные дощечки с шипами из кремня, чтобы не скользить на льду.

Мокрый буксирный канат, обледенев, становился тяжелым, как бревно. На реке обнажались пороги, и бурлакам приходилось перетаскивать суда на катках.

Старшинки зверели и не щадили людей. Они заставляли бурлаков лезть в ледяную воду, чтобы стаскивать с мели суда, и запрещали делать остановку, чтобы люди могли обогреться у костра.

Когда один из бурлаков упал и не смог подняться, несмотря на побои, старшинка наклонился и поджег солому, которой тот был обвязан.

Дун Чжи-сян в самую жестокую стужу ходил с самодельным веером в руках и, обмахиваясь им, изображал человека, томимого зноем.

Он сочинил песенку о том, как помещик, попав в преисподнюю, выбирает сам себе наказание: то он садится на раскаленную сковороду, то на кусок льда. Наконец духи, потеряв терпение, повесили помещика. Песенка кончалась советом бурлакам расплести буксирный канат, свить из него веревки и повесить на них всех помещиков, которых даже духи преисподней не могут терпеть у себя.

Не один раз после гибели бурлаков, разбившихся об обледеневшие скалы, Дун Чжи-сян возвращался один из ущелья. И ему все труднее и труднее было шутить и паясничать перед новыми тянульщиками судов.

В сорок лет он походил на старика: голова облысела, нос был перебит ударом палки, и только глубоко запавшие глаза загорались, как всегда, гневом, когда Дун Чжи-сян распевал свои яростные песни.

В 1943 году среди новых тянульщиков судов оказался рабочий сахарного завода. Он стал бурлаком по заданию подпольного волостного комитета партии для того, чтобы проводить среди тянульщиков разъяснительную работу. Но он не выдержал мук нечеловеческого труда, голода и умер через несколько месяцев от истощения.

Дун Чжи-сян часто ночами беседовал с подпольщиком, и многие его слова запали ему в сердце.

Дун Чжи-сяну жилось сравнительно лучше, чем другим тянульщикам судов. Он промышлял врачеванием старшинок. Дав выпить стар-

шинке большую пиалу тунгового масла, Дун Чжи-сян налеплял ему на живот широкий пластырь, произнося при этом различные заклинания. Потом, когда старшинке после тунгового масла становилось легче, Дун Чжи-сян снимал пластырь и показывал больному. На тряпке пластыря лежал большой червяк, вытянутый из пупка целебной мазью, как утверждал Дун Чжи-сян. Для того, чтобы спрятать такого червяка заранее в банку с мазью, не нужно было особой ловкости.

Как лекарю, старшинки разрешали Дун Чжи-сяну уходить в горы для сбора целебных трав. Он мог легко убежать, но каждый раз возвращался, хотя сам не мог объяснить себе, зачем он это делает.

Однажды он отсутствовал больше полугода. Но все-таки вернулся, зная, что его ждет жестокое наказание палками.

Оправившись после наказания, он спел бурлакам новую ядовитую песенку, которую сочинил, работая гребцом на джонке. Услышав снова сиплый смех тянульщиков, он испытал сладкое и гордое волнение.

Народно-освободительная армия отбрасывала гоминдановцев к берегам Янцзы. Дун Чжи-сян узнавал об этом от крестьян, когда собирал в горах целебную траву и съедобные корни для голодающих бурлаков. Он рассказывал бурлакам о победах народной армии, и получилось так, что он стал главарем бурлаков, и те ждали от него только слова, чтобы прикончить старшинок.

Но Дун Чжи-сян не спешил. Он попрежнему сочинял песенки, плясал и кривлялся перед бурлаками, когда они волокли суда через теснину ущелья, и только в сарае, ночью, он шептал им суровые слова, требуя терпения и выдержки.

И время пришло.

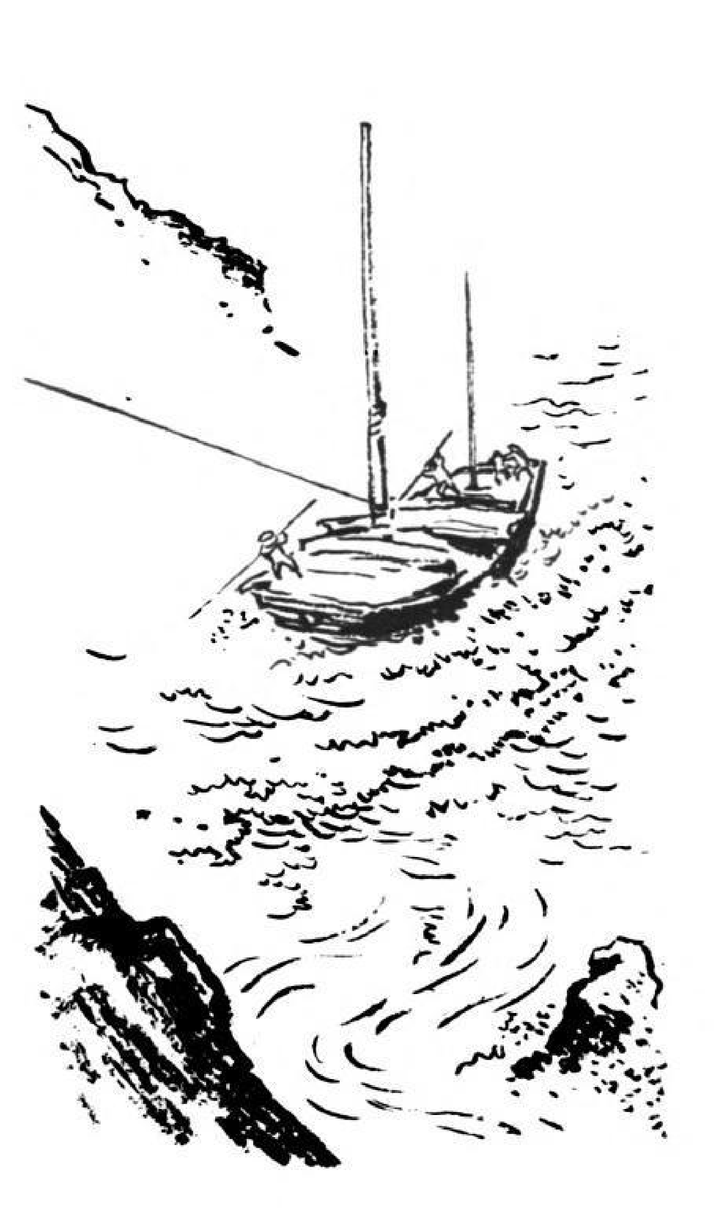
Бурлаки волокли в самом узком и опасном месте ущелья пловучую гоминдановскую батарею.

Как всегда, в опасном месте Дун Чжи-сян сбросил с себя лямку, забежал вперед, но не стал верещать зайцем, кувыркаться и петь новую песню.

Подняв над головой руки со сжатыми кулаками, он крикнул:

— Бей!

Сотни бурлаков одновременно перерезали заранее спрятанными ножами веревки, которыми они были привязаны к лямкам, и бросились на старшинок и на солдат охраны.

Подхваченная бешеным течением реки, пловучая батарея билась о скалы и неслась вниз по клокочущей воде.

Больше года бурлаки партизанили на берегах реки. Тысячи освобожденных тянульщиков пришли к Дун Чжи-сяну, и его отряд стал грозной силой.

После того, как Народно-освободительная армия форсировала Янцзы, отряд Дун Чжи-сяна влился в ее части и ушел на юг, преследуя врага.

Но сам Дун Чжи-сян остался на Янцзы. Он стал начальником обширного района реки, и ему было поручено организовать транспортировку судов к верховью, чтобы вывезти оттуда зерно и мясо для снабжения населения освобожденных районов, разграбленных гоминдановцами.

Вместо тянульщиков судов пришли транспортные бригады, состоящие из рабочих и крестьян — добровольцев, вступивших недавно в ряды Народно-освободительной армии.

Как-то в район приехал один из полководцев Народно-освободительной армии. Он не нашел Дун Чжи-сяна в управлении речного района, но ему сказали, где можно его найти. И он увидел Дун Чжи-сяна в ущелье: там транспортная бригада тащила суда на канатах. Впереди транспортной бригады был Дун Чжи-сян.

Кувыркаясь в пыли, он изображал поединок американского военного советника с гоминдановским генералом из-за кучки сухого навоза, которую каждый из них пытался захватить в качестве военной добычи. Куплеты, которыми сопровождалась пантомима, были густо проперчены словами, которых нет в классической опере.

Командующий терпеливо ждал, пока Дун Чжи-сян кончит свое дело. Потом он сказал Дун Чжи-сяну:

— Я приехал узнать, не нуждаетесь ли вы в помощи.

Дун Чжи-сян опустил голову и произнес подавленно:

— Вы видите, я очень плохой начальник.

— Я вижу, что суда благополучно и во-время проходят через ущелье, — сказал генерал, — и я прошу вас сделать так, чтобы к ночи остальные джонки были на месте.

Дун Чжи-сян тяжело вздохнул, посмотрел скорбно в суровые глаза командующего и произнес тихо:

— Хорошо, я сделаю все, что смогу.

И он повернулся и пошел, сутулый, с темной морщинистой лысиной, обрамленной седыми волосами. Пошел, устало волоча ноги, к транспортной бригаде, буксирующей суда сквозь теснину ущелья.

Но, подходя к людям, Дун Чжи-сян вдруг изменил свою поступь и, выстукивая деревянными дощечками, зажатыми в руке, словно кастаньетами, запел высоким, пронзительным голосом:

Ши, ши, бежит Чан Кай-ши,
Потеряв штаны.
Впереди него
Из Америки дерьмо
С автоматами в руках,
На лице пыль, прах.
Красный ветер их сдул,
С нами наш Мао Цзэ-дун.
Ши, ши, лови Чан Кай-ши.

Он пел и, приплясывая, двигался впереди людей, тянувших на лямках толстый канат. А внизу, в ущелье, навстречу кипящей воде шли джонки, и на мачтах их были красные флажки.

После того, как все суда прошли через ущелье, Дун Чжи-сян явился к командующему армией и сказал, что приказ выполнен и теперь он просит снять с него звание начальника и отпустить снова в тянульщики.

Командующий положил свои руки на горестно опущенные плечи Дун Чжи-сяна и сказал взволнованно:

— Вы настоящий солдат бодрости.

Целый год Дун Чжи-сян находился при политотделе армии в качестве командира агитроты. А потом его послали учиться в мореходное училище. Сначала он плавал помощником, потом стал капитаном.

Теперь он буксирует суда через ущелье там, где раньше волокли их тянульщики...

Черные скользкие волны огромной реки мерно раскачивали судно. По залитой лунным голубым светом воде неслышно проплывали плоты.

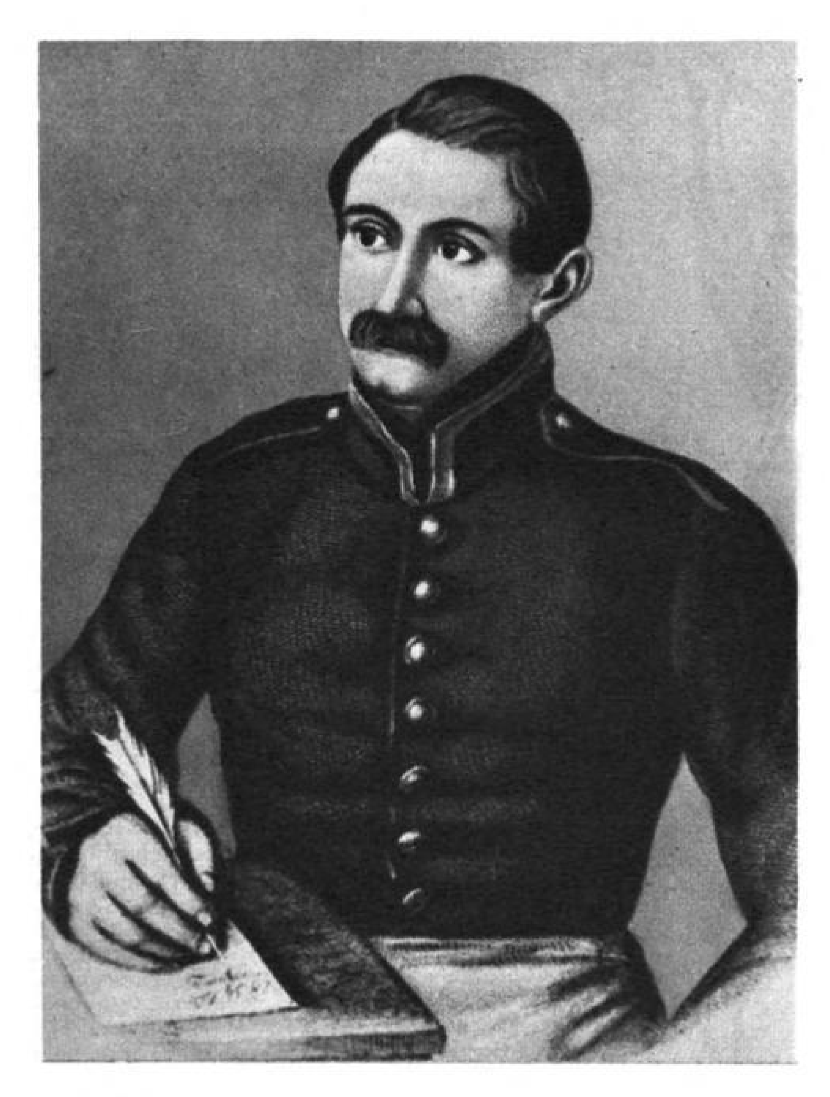
На одном из плотов стоящий у большого рулевого весла рослый человек, притопывая босыми ногами, пел пронзительным голосом песню, но слова ее разобрать отсюда было трудно.

Капитан подошел к борту, облокотился на поручни, прислушался, потом обернулся ко мне и сказал задумчиво:

— Человек поет для самого себя, потому что у него весело на сердце.

Дун Чжи-сян вызвался проводить меня, и когда мы шли мимо многочисленных причалов, освещенных яркими электрическими лампами, матросы, грузчики, портовые рабочие почтительно приветствовали его, и теперь я уже не удивлялся, откуда так много людей знают капитана и почему столь почтительно они его приветствуют.

Неизменный друг свободы

(К стопятидесятилетию со дня рождения А. И. Полежаева)

В 1826 году, тотчас же по окончании Московского университета, поэт Александр Полежаев был сдан в солдаты по распоряжению Николая Первого — этого, по меткому определению М. Горького, «ненасытного пожирателя литераторов». Поводом для столь жестокой расправы послужила поэма «Сашка», в которой молодой автор, обращаясь к своей отчизне, страстно призывал ее «свергнуть с себя бремя своих презренных палачей».

Как рассказывал в «Былом и думах» Герцен, Николай, узнав о крамольной поэме из доноса тайной полиции, вызвал Полежаева к себе в кабинет и заставил читать «Сашку», после чего отправил в казармы. Это случилось через две недели после казни декабристов, 28 июля 1826 года. Почти двенадцать лет Полежаев — неимущий разночинец, без связей и надежд на улучшение своей судьбы — испытывал все ужасы николаевской солдатчины, вплоть до тюремного заключения и телесного наказания за дисциплинарные провинности. Лишь за несколько дней до смерти (поэт умер 16 (28) января 1838 года) ему был «пожалован» офицерский чин.

Александр Иванович Полежаев родился 11 сентября 1804 года. Он жил в те годы, когда люди «разных чинов и званий» все увереннее заполняли университетские аудитории, выступали в литературе и искусстве, объединялись в тайные общества, мечтая о продолжении дела декабристов.

Показательно, что Полежаев был связан с политическими кружками братьев Критских и Сунгурова, а также знаком с участниками кружка Герцена. Именно в таких кружках жили в эпоху, наступившую после разгрома восстания декабристов, оппозиционные настроения, строились планы революционной агитации среди народа, писались и распространялись «дерзкие» сочинения. Источником этого непрекращавшегося революционного брожения были неуклонно усиливавшиеся волнения крепостного крестьянства.

Замечательно, что, даже став бесправным «нижним чином», Полежаев не только не отказался от настроений протеста, но, напротив, с еще большей силой бичевал самодержавие, олицетворением которого был для поэта царь — «палач», «ефрейтор-император». В стихотворении «Александру Петровичу Лозовскому» (1828), написанном в тюрьме, поэт гневно обращается к царю, обвиняя его не только в своих собственных страданиях, но и в бедственном положении народа:

О ты, который возведен
Погибшей вольности на трон,
Или, простее говоря,
Особа русского царя!..
Поймешь ли ты, что царский долг
Есть не душить, как лютый волк,
По алчной прихоти своей
Мильоны страждущих людей...

Здесь же нашло выражение и горькое чувство своего бессилия — сознание борца, не чувствующего еще поддержки народа, но уже ясно понимающего, что виновник народных страданий — царь и что просветительские апелляции к нему бесплодны:

Но что? К чему напрасный гнев?
Он не сомкнет молохов зев:
Бессилен звук в моих устах,
Как меч в заржавленных ножнах...

Позже, в середине тридцатых годов, Полежаев сумел отразить глухой революционный протест солдатской массы. В то время, как официозная литература пыталась изобразить русского солдата несокрушимым оплотом николаевского самодержавия, Полежаев выступил выразителем того бунтарского духа, который жил в солдатской среде и не на шутку пугал царское правительство. «Весь дух народа направлен к одной цели — к освобождению... Крепостное состояние есть пороховой погреб под государством и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же», — так оценивал ситуацию в начале тридцатых годов не кто иной, как Бенкендорф, шеф жандармов.

В стихотворении «Опять нечто» («Ай, ахти! ох, ура!»), написанном под явным влиянием декабристских агитационных песен, Полежаев обращается к царю от имени участников подавления восстания 1825 года. Гнев солдатской массы, обманутой царем, которого солдаты «по братним телам... на престол возвели», звучит грозным предупреждением:

Или думаешь ты
Нами вечно играть?..
Православный наш царь,
Николай государь,
Ты болван наших рук.
Мы склеили тебя
И на тысячу штук
Разобьем, разлюбя!

Лучшие стихотворения Полежаева проникнуты возвышенным политическим пафосом, за который так ценили произведения поэта Белинский, Герцен, Огарев, Добролюбов, Шелгунов, Салтыков-Щедрин. Наиболее известны его лирические стихотворения «Песнь пленного ирокезца», «Песнь погибающего пловца», «Провидение», «Негодование».

Аллегорически, в виде взволнованной предсмертной исповеди индейца, попавшего в плен к американским колонизаторам, поэт воспевает мужество и твердость, необходимые подлинному борцу:

Я умру! На позор палачам
Беззащитное тело отдам!..
Но, как дуб вековой,
Неподвижный от стрел,
Я недвижен и смел
Встречу миг роковой!..

Это стихотворение с волнением читал своей ученице студент Николай Добролюбов. Огареву принадлежит музыкальная обработка этого произведения. Мусоргский использовал текст его при создании либретто незаконченной оперы «Саламбо». Выдающийся украинский поэт-революционер П. А. Грабовский блестяще перевел «Песнь пленного ирокезца» на свой родной язык.

Поэт-разночинец вводит в литературу образы представителей городских «низов» (ранние поэмы «Сашка» и «Рассказ Кузьмы»), картины городского быта. Тем самым Полежаев выступал как один из предшественников «натуральной школы», как новатор, расширяющий сферу изображения действительности. И хотя он еще не мог при изображении «низов» столичной жизни подняться до социального обличения и ограничивался натуралистическим воспроизведением быта, все же он, несомненно, пролагал путь Некрасову.

Важным этапом в развитии демократических тенденций творчества Полежаева являются поэмы «Эрпели» и «Чир-Юрт», написанные в годы пребывания поэта на Кавказе. Обращаясь к изображению событий Кавказской войны, свидетелем и непосредственным участником которых он был в 1829—1833 годах, поэт сделал героями этих произведений простых солдат.

Для кавказских поэм Полежаева характерны естественность речи и бытовые интонации, преодолевающие условность поэтической формы. Не победный грохот барабанов, не тучи порохового дыма, не орудийный гром привлекали внимание поэта. Шагая трудными дорогами войны в солдатской шинели, проходя пылающими селениями, наблюдая «картины гибели и зла», Полежаев глубоко задумывался над всем виденным, сочувствовал страдающему народу, мечтал об «отраде мира»:

Да будет проклят нечестивый,
Извлекший первый меч войны
На те блаженные страны,
Где жил народ миролюбивый!..

Поэт с глубокой симпатией относился к горцам, ввергнутым в борьбу против России стараниями кучки турецких агентов-мюридов, и с надеждой спрашивал:

Когда, признательные очи
Обмыв горячею слезой,
Ты дружбу сына полуночи
Оценишь гордою душой?

Реакционная критика сводила содержание творчества Полежаева к воспеванию тоски и отчаяния и грубо фальсифицировала его идейный облик. Но передовые люди прошлого всегда видели в поэзии Полежаева протест против угнетения, страстный призыв к свободе. Знаменательно, что в 1903 году Петербургский комитет РСДРП назвал в одной из своих листовок «благородного поэта Полежаева» вместе с Радищевым, Пушкиным, Лермонтовым, Белинским в «перечне имен, которыми гордится русская литература».

В наше время имя Полежаева вырвано из забвенья, в котором оно находилось десятки лет. Изданы полные собрания стихотворений поэта, много сделано для изучения его жизни и творчества. В городе Саранске, поблизости от которого родился Полежаев, и в городе Грозном, тесно связанном с кавказским периодом его жизни и деятельности, сооружены памятники поэту.

Нам дорог светлый облик Александра Полежаева, с полным правом называвшего себя «неизменным другом свободы».

Вл. БЕЗЪЯЗЫЧНЫЙ

ГАСТРОЛИ В МОСКВЕ

Нынешним летом театральный сезон в Москве был исключительно богат. Столичный зритель знакомился с театрами различных городов страны. Были здесь коллективы, и прежде гастролировавшие в Москве: Киевский драматический театр имени Франко, Харьковский театр имени Шевченко, Ленинградский театр имени Ленинского комсомола; были и такие, которые впервые выступали на столичной сцене.

Спектакли в Москве — всегда волнующее событие в жизни театрального коллектива: что скажет московский зритель, какую оценку дадут деятели искусства?

Мы обратились к ряду мастеров московских театров с просьбой поделиться своими впечатлениями о спектаклях гастролировавших театров.

Актеры и роли

Мне, знакомому с работой многих местных коллективов и самому в прошлом работавшему на периферии, кажется особенно знаменательным приезд в Москву коллектива Тамбовского драматического театра имени А. В. Луначарского. Если до сих пор в столице показывали свое искусство главным образом театры союзного и республиканского подчинения, то теперь к нам впервые приехал областной театр, так сказать, «второго пояса». И надо прямо сказать, что тамбовчане не случайно получили право выступать в Москве.

Возможность эту коллектив завоевал своим творческим отношением к репертуару. Несколько лет назад Тамбовский театр создал совместно с молодым журналистом Д. Девятовым первый спектакль из жизни колхозов области — «В Лебяжьем», удостоенный Сталинской премии. И после этого успеха коллектив не почил на лаврах и поставил в содружестве с тамбовскими авторами еще два самобытных современных спектакля — «Родник в степи», принадлежащий перу того же Д. Девятова, и «Печать доверия» Н. Архангельского. Обе эти работы были представлены на суд московского зрителя.

Мне довелось познакомиться со спектаклем «Печать доверия»; пьеса эта написана молодым местным врачом. Автор сумел убедительно рассказать о том, как коллектив врачей одной из сельских больниц, проникнутый подлинной заботой о здоровье советских людей, понимает большую и благородную роль медицины в нашей стране.

В образах положительных героев пьесы много настоящей человечности, обаяния. Автор сумел показать и то, что еще мешает росту и процветанию нашей медицины. В пьесе есть верные и тонкие наблюдения. Правда, недостаточная опытность драматурга еще сказывается: характеры порой статичны, не всегда мотивированы некоторые сюжетные положения. И все же спектакль смотрится с интересом. Режиссер В. Галицкий сумел сосредоточить внимание зрителя на самом главном в пьесе — жизни советского коллектива. Театр дает запоминающиеся образы членов этого коллектива: честного, знающего, но мало энергичного старого директора больницы Расина (Д. Патрин), осторожного в своих действиях врача Балашова (А. Балаев), горячего, порывистого хирурга Калитвы (А. Ермак), добродушной хлопотуньи, больничной няни Дуси (М. Коварская). Менее яркое впечатление оставляет исполнение главной роли — Горцевой, заведующей здравотделом,— артисткой Н. Стрелковой, которой, мне кажется, не хватает теплоты и задушевности. Наиболее интересной актерской работой в этом спектакле представляется роль врача Киселева, индивидуалиста и приспособленца, далекого от творческой жизни больничного коллектива. Артист И. Марин играет эту роль скупо и сдержанно и в то же время не боится резких красок.

Кроме произведений местных драматургов, тамбовчане ставят лучшие современные пьесы, получившие уже широкую известность. Так, на тамбовской сцене идет спектакль «Порт-Артур» — сценическое воплощение романа А. Степанова. И, конечно, здесь прежде всего порадовало то, что Тамбовский театр не стремится копировать уже готовые образцы, стараясь дать свое, свежее решение сцен и образов пьесы. В большинстве случаев это ему удается. В центре спектакля яркий, волнующий образ легендарного адмирала Макарова в талантливом исполнении Ю. Заостровского. Не случайно уже первое его появление на сцене зрители встречают аплодисментами. Высокая, представительная фигура, неторопливая, чуть в развалку походка старого моряка, быстрый взгляд умных, точно проникающих в душу собеседника глаз—все сразу привлекает к себе внимание и располагает в его пользу. Макаров в спектакле покоряет зрителя мужеством, благородством, умением найти путь к сердцу человека.

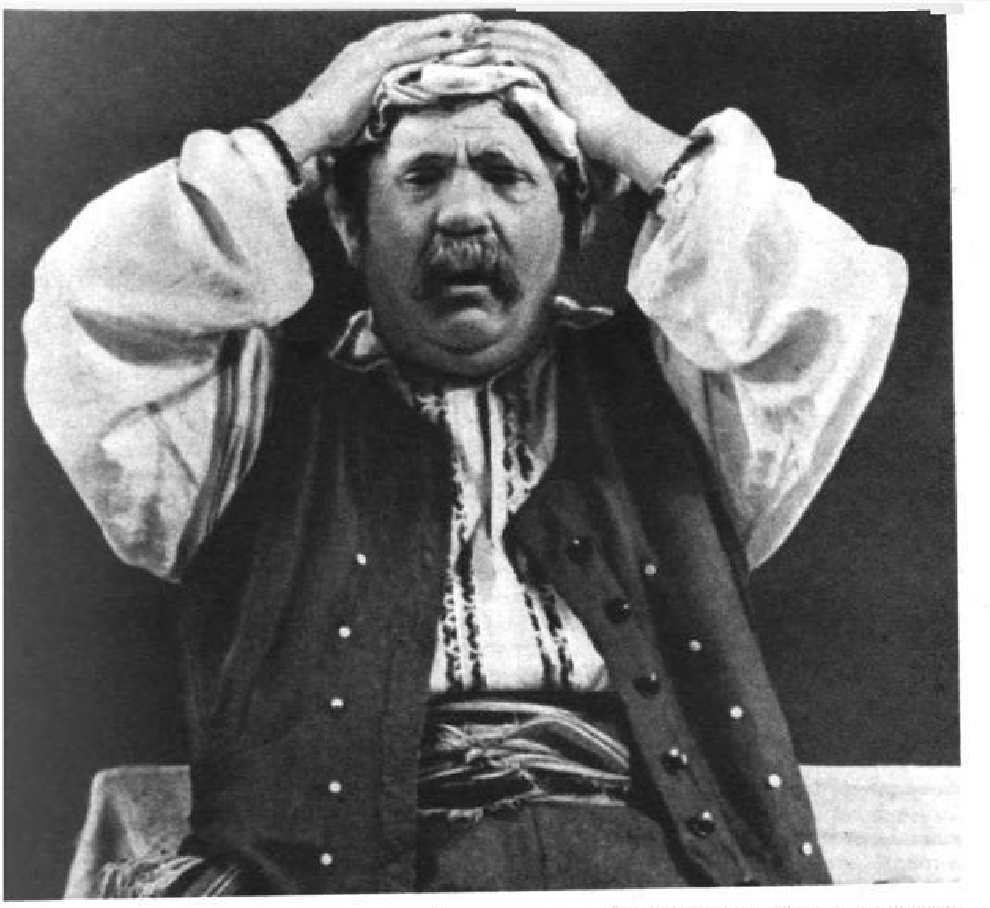
Строгим, честным, справедливым предстает перед зрителем генерал Кондратенко (И. Марин). Бесспорно, удались образы бесстрашных патриотов — простых русских солдат Блохина (Д. Патрин), Родионова (А. Карантаев) и Терешкина (М. Хомутков). Сцены с солдатами — наиболее яркие в спектакле.

Удачно нашел оформление этих сцен и художник Н. Прокофьев. Сначала мы видим где-то вдали ясное небо, спокойную морскую гладь с одиноким горным утесом слева. На этом фоне расположена батарея Борейко. Но вот через несколько минут этот, казалось бы, мирный пейзаж точно преображается. В небе появляется яркое зарево, окрашивающее его в розовый цвет, море приходит в движение, утес то и дело освещается ослепительным светом — вся природа как бы включается в яростную схватку русских людей с врагом. Использование этого своеобразного оформления помогло режиссеру В. Галицкому найти динамичное воплощение важных эпизодов порт-артурской трагедии. Но в спектакле интересно не только это. Режиссер сумел раскрыть острый конфликт пьесы. Наряду с героями, вызывающими нашу симпатию, в постановке не менее выпукло показаны воинствующий в своей тупости и фанфаронстве Стессель (А. Балаев), его хитрая, изворотливая жена (А. Войлошникова), все их бездарное и продажное окружение. Своеобразный сатирический портрет японского шпиона Танаки создал Г. Морэн.

Своему принципу тщательного подбора репертуара театр верен и тогда, когда обращается к классике. Коллектив привез в Москву незаслуженно забытую пьесу А. Островского «Пучина» и никогда не шедшую в Москве комедию О. Гольдсмита «Добрячок». Правда, поставленное театром произведение выдающегося английского драматурга значительно слабее его широко известной «Ночи ошибок». Постановка «Добрячка» требует от актеров безукоризненного умения вести диалог, создания острых сценических положений, внутренней динамики и хорошего ритма. К сожалению, всего этого недостает тамбовчанам. Действие спектакля, поставленного режиссером Л. Брошкевич, развивается крайне медленно, исполнители, за исключением И. Марина, свежо и остро играющего Крокера, не чувствуют ритма комедии, у них отсутствует столь необходимый здесь темперамент. В образе центрального героя комедии Хонивуда драматург метко, хотя и с избытком до-

Сцена из спектакля «Пучина» А. Н. Островского. Фото М. Демиховского.

«В нынешних гастролях Театра имени Франко москвичи с удовольствием увидели и те спектакли, которые дороги всем нам по прежним приездам, являясь «золотым фондом» репертуара вашего театра,— говорил на обсуждении гастролей Театра имени Франко во Всероссийском театральном обществе народный артист РСФСР Б. А. Бабочкин.— Это спектакли «Мартын Боруля» и «Суета».

На фото: Сцена из спектакля «Мартын Боруля» И. Карпенко-Карого в постановке Киевского государственного академического украинского драматического театра имени Ивана Франко. Заглавную роль в этом спектакле неизменно исполняет народный артист СССР Гнат Юра.

бродушия, высмеял человека, помогающего всем без разбора и становящегося жертвой собственной сердечности. В спектакле же мы видим вялого и скучного субъекта, рассеянно взирающего на все происходящее. Актер И. Танин играет эту роль без необходимого чувства юмора, что во многом предрешает неудачу постановки. Еще один пример: двое юных влюбленных — Леонтин и Оливия (в исполнении А. Соколова и А. Губардиной). В пьесе они все время испытывают страх за судьбу своей любви, так как жизнь ставит перед молодыми людьми много препятствий. Сколько тут тревоги, беспокойства, сколько переходов от надежды к отчаянию! Однако в спектакле актеры не обнаруживают никакого волнения, они чинным и излишне рассудительным тоном беседуют друг с другом и напоминают скорей престарелых супругов, нежели юношу и девушку, испытывающих первое, большое чувство.

Хотелось бы высказать театру ряд пожеланий на будущее. Необходимо улучшить гримерный цех, который работает в ряде случаев небрежно. Актерам стоило бы серьезно заняться постановкой голоса, пластикой движений, научиться носить необычный исторический костюм. Театру следует больше и настойчивее помогать начинающим авторам овладевать драматургическим мастерством. Разрешение всех этих задач, несомненно, поможет дальнейшему творческому развитию крепкого, целеустремленного коллектива, каким является Тамбовский театр.

П. ГЕРАГА,
народный артист РСФСР.

Сцена из спектакля «Печать доверия» Н. Архангельского. На фото: Ковригин (И. Танин) и Горцева (Н. Стрелкова).

Два спектакля

Украинский театр всегда славился своей музыкальностью. Пение, танцы, так же как острые шутки, юмор и сатира, социальная заостренность образов,— неотъемлемые черты этого театра. Не случайно главным в своем творчестве Киевский театр музкомедии сделал верность таким традициям. Именно это помогло ему в борьбе с опереточными штампами, безвкусными трюками, в изгнании со сцены условных персонажей. Их место заняли жизненно-полнокровные герои, которых интересно играть актерам, за судьбами которых с увлечением следят зрители.

В гастрольной афише театра 10 названий; возле каждого — фамилии советских авторов, чаще и писателей и композиторов, реже — только композиторов. Но и в последнем случае мы не пеняем на театр, так как тексты этих оперетт принадлежат перу классиков украинской драматургии.

Украинская классика представлена в репертуаре пьесами «Сватанье на Гончаровке» Г. Квитка-Основьяненки и «За двумя зайцами» М. Старицкого. Второй спектакль—остроумная комедия о тех, кто «из мещанства прется в панство».

Постановщик спектакля, главный режиссер театра, заслуженный артист УССР И. Земгано особо подчеркнул сатирическую направленность пьесы. Оперетта зло высмеивает выскочек, которые, кичась своей «образованностью», в действительности невежественны, тупы и жалки.

Этих «мещан во дворянстве» — цирюльника Голохвостого и его невесту Проню — очень остро, смешно, с хорошим вкусом играют молодые артисты Н. Блащук и С. Лауфер.

Я помню, года два тому назад на смотре творчества молодежи Блащук впервые показывался в ответственных ролях. Сейчас, когда видишь, как хорошо молодой исполнитель владеет внешним рисунком роли — движением, жестом, ритмом, подачей текста, насколько постиг он трудный секрет создания яркого театрального и вместе с тем вполне жизненного образа, понимаешь, какую большую школу проходит моло-

дежь в этом коллективе. Здесь есть ей у кого учиться: в театре первоклассные мастера оперетты, которые охотно делятся с молодежью опытом и мастерством.

Все то, что мы говорили о Блащуке, всецело относится и к его партнерше, артистке Лауфер, владеющей и сценическим и вокальным мастерством. Вот где видно, что театр давно отбросил нелепые опереточные амплуа, которые сковывали актера, мешали расширению его творческого диапазона! Лауфер сегодня играет и острые характерные роли Прони и Горпины («Красная калина»), и лирическую роль Яринки в «Свадьбе в Малиновке», и изящную и благородную артистку-француженку Луизу Жермон в «Голубом гусаре». Молодая актриса умеет и в том и в другом случае воплощать на сцене правдивые сценические образы — умение, характерное для многих мастеров театра музкомедии, в чем нас еще раз убедил спектакль «За двумя зайцами». Особенно следует упомянуть исполнителей характерных ролей — Б. Хенкина (Сирко), В. Новинскую (Сирчиха), О. Юровскую (Секлита). Правда, композитор В. Рождественский недостаточно развил в музыкальных характеристиках сатирическую линию спектакля. Зато хоры, некоторые лирические дуэты удались автору и дали возможность исполнителям

«За двумя зайцами» М. Старицкого. Сцена сватовства. Проня — С. Лауфер, Голохвостый — Н. Блащук.

«Красная калина» А. Рябова. Сцена из спектакля.
Фото А. Гладштейна.

порадовать слушателей хорошими вокальными данными.

Мало музыки, мне кажется, в спектакле «Красная калина». Автор, композитор А. Рябов,— создатель многих оперетт: ему принадлежит и «Свадьба в Малиновке», и обошедшие много сцен «Сорочинская ярмарка», «Майская ночь», «Чудесный край», «Коломбина», и «Голубая крепость». Он знает законы музыкального спектакля, в его произведениях всегда точные музыкальные характеристики, запоминающиеся мелодии. И главное — он хорошо владеет интонациями украинских народных песен и танцев. Вот поэтому и жаль, что в «Красной калине» маловато музыки. В ней превосходные хоры, особенно конец 1-го акта и финальный хор, несколько запоминающихся лирических дуэтов (например, Гали и Василия), хорошо написанные арии, порой приобретающие оперное звучание. Но сатирические образы, образы врагов народа — агента Ватикана Стефана, помещика Гаменды, бандита Окатого и всего семейства бывшего сотника Щечки,— почти лишены музыкальных характеристик.

В целом спектакль «Красная калина» в том жанре комедии, в котором он написан,— добротный спектакль, с большим умением поставленный режиссером Земгано, хорошо исполненный коллективом актеров, хором и оркестром.

Зрители с удовольствием отмечают в массовых эпизодах присутствие на сцене живых, заинтересованных в происходящих событиях персонажей, а не безликой толпы статистов. Отлично звучал оркестр под управлением заслуженного деятеля искусств УССР А. Рябова, главного дирижера театра.

Пронизанный народностью и национальной самобытностью, спектакль говорит о характерных для коллектива театра качествах — строгом отборе выразительных средств, чувстве ансамбля, стремлении к художественной и сценической правде.

Г. ЯРОН,
народный артист РСФСР

Сцена и жизнь

Сомкнулись складки занавеса — закончилась первая картина спектакля «Гибель эскадры» А. Корнейчука в исполнении Харьковского театра имени Шевченко. Раздались аплодисменты, горячие, дружные. Не удивительно, что так сердечно приветствовали коллектив талантливых исполнителей и что уже после первой картины лица некоторых зрителей были взволнованы. Заслуженным был успех драматурга А. Корнейчука, режиссера Л. Дубовика, талантливых артистов. «Над вымыслом слезами обольюсь» — эти слова Пушкина как нельзя лучше передают мысли зрителя, его волнение за судьбы героев, созданных на сцене талантом, трудом, фантазией писателя и театра.

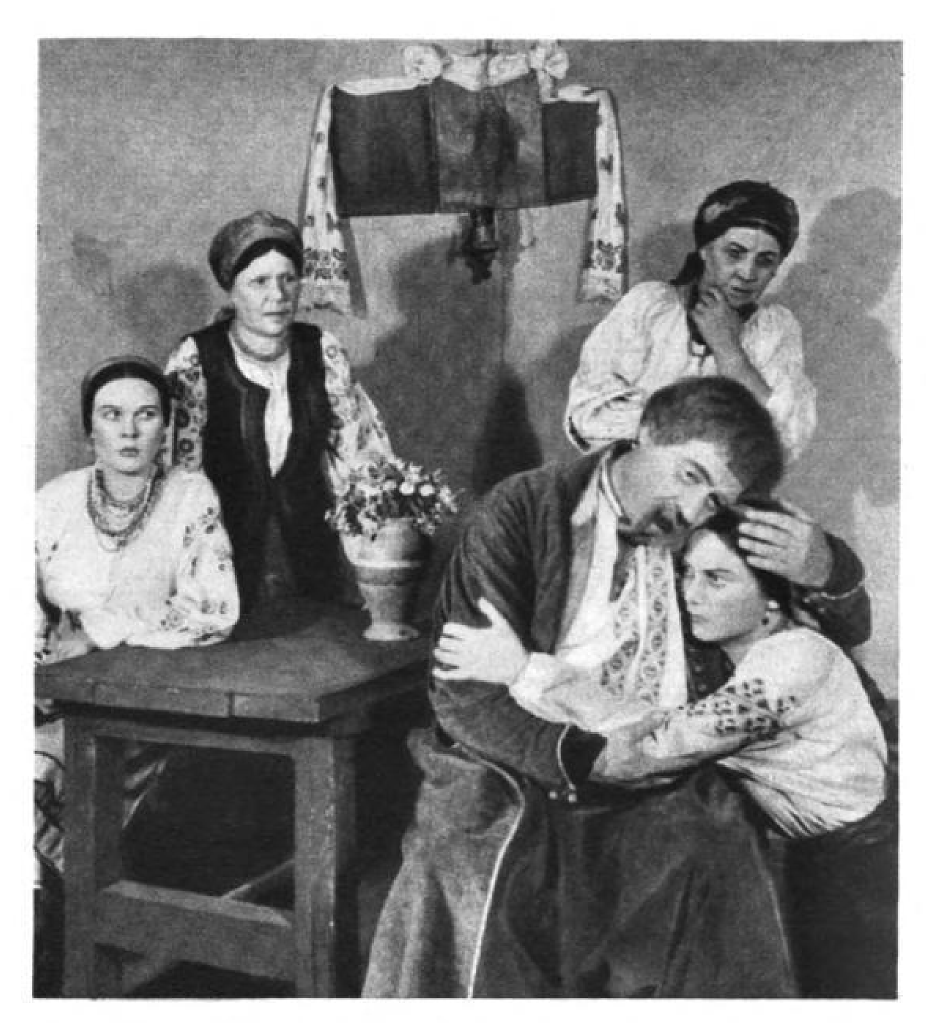
Театр имени Шевченко показал в Москве семь пьес. Московский зритель особенно был взволнован игрой актеров в спектаклях «Гибель эскадры» и «Лымеривна», таких разных, но одинаково сильных по их воздействию. Между сценой и залом протянулись живые нити взаимопонимания.

«Гибель эскадры» — рассказ о борцах за свободу, о жизни людей, борющихся за благо всех трудящихся. В этом спектакле актеры не только воплощают дорогие для нас образы,— не может быть забыто и исполнение массовой сцены первой картины, в которой живет своей жизнью каждый, передавая атмосферу где-то происходящего боя...

Великое дело — чувство современности. Оно не меньше необходимо в классических пьесах и спектаклях. Персонажи пьесы П. Мирного «Лымеривна» живут по жестоким законам своего времени. «Плюнь на свое сердце»,— советует мать дочери — любимой дочери любящая мать. Это она разлучает дочь с Василем и соединяет ее со слабоумным Карпо, чтобы охранить от нищеты. Зато какое страшное раскаяние грызет Лымериху, когда постигла она, на какую жизнь-казнь обрекла Наталью! Пьеса эта — о «бессердечном чистогане», о попирании человеком человеческих сердец. И актриса Л. Криницкая, как советский художник, ставит это прошлое перед нашими глазами, перед глазами современника.

Искусство театра живет и имеет значение тогда, когда оно сливается с действительностью, когда рампа не отделяет барьером сцену от «публики», а объединяет советских людей — тех, кто на сцене, и тех, кто в зрительном зале. Желаю частых радостей такого сближения и прекрасному театру имени Шевченко.

С. БИРМАН,
народная артистка РСФСР

«Лымеривна» П. Мирного. Сцена из спектакля Харьковского государственного академического украинского театра имени Т. Г. Шевченко.

Сцена из спектакля «Гибель эскадры» А. Корнейчука.
Фото Н. Савченко.

Луна зашла

Иван ГОРЕЛОВ

Рисунок Г. Вальна.

Летом в станицу Ново-Кубанскую приехал на каникулы студент Валерий Луценко, сын местного садовника. Статный такой, роста, правда, небольшого, но крепкий и с лица приятный.

И только провел он под гостеприимным родительским кровом одну ночку, как утром кто-то настойчиво постучался в калитку и попросил его срочно выйти на улицу на минутку.

У калитки стояла симпатичная девушка в синем комбинезоне и в золотистой соломенной шляпе. У забора отсвечивал никелем ее мотоцикл. Незнакомка, нисколько не смутившись, сняла с правой руки кожаную перчатку, подала Валерию тонкие пальчики и сказала:

— Здравствуйте, товарищ Луценко-младший. Это я вас побеспокоила. Вы извините меня, пожалуйста, за такое самочинство...

Валерий покраснел почему-то до корней своих русых волос и ответил:

— Здравствуйте... Но, простите: я что-то вас не припомню.

— А вам и нечего припоминать меня. Я Воеводина Лидия Владимировна. Работаю в вашем колхозе с сентября прошлого года агротехником... А беспокою вас потому, что мне сказали: вы химик и уже на четвертом курсе,— спокойно говорит девушка и снимает с головы шляпу, желая показать московскому студенту, что и в станице хорошенькие блондинки не редкость.— Я приехала просить вас, товарищ Луценко, об одном небольшом одолжении.

Они присели на скамейку, и Валерий, смущенно уставившись в землю, говорит:

— Пожалуйста, Лидия Владимировна... Я буду рад исполнить любую вашу просьбу. Я теперь на каникулах и, так сказать, вольный казак.

Лидия говорит:

— Прочтите, пожалуйста, в полевых станах две — три лекции по агрохимии.

Услышав это, Валерий вдруг помрачнел и заерзал по скамейке:

— Просите, что угодно, Лидия Владимировна, а только не лекции. Я по некоторым очень серьезным причинам не могу выполнить этой просьбы...

— Я вас ловлю на слове: вы только что обещали выполнить любую мою просьбу. Будьте, пожалуйста, мужчиной и прежде всего хозяином своего слова. Судя по внешности, вы человек твердой воли...

— Вообще-то я не против того, чтобы прочитать колхозникам несколько лекций по агрохимии. Но беда в том, что все мои конспекты находятся в Москве. А без конспектов я, как без рук.

— А вы нам в общих чертах расскажите. Без формул, без процентов. По памяти, как по грамоте...

— К сожалению, не сумею: привык непременно по конспекту. А привычка, как вы знаете,— вторая натура.

Лидия посмотрела на часики и грустно вздохнула. Валерия, видимо, тронуло это печальное разочарование:

— Но вы особенно не огорчайтесь, Лидия Владимировна. Не стоит. Из всякого безвыходного положения, как известно, находится выход. В общежитии остался мой хороший товарищ Саша Немков. Я пошлю ему телеграмму, и конспекты через неделю будут у меня в руках.

Лидия успокоилась, они дружески пожали руки и мило расстались.

С этой минуты Валерий стал ощущать какое-то приятное покалывание в области сердца. Ему было необычайно радостно, когда кто-нибудь упоминал имя этой деловой и веселой девушки. Все краски вокруг сияли теперь для него как-то особенно торжественно.

Сестра Валерия, Светлана, встретив Лиду, сказала:

— А вы, Лидочка, не удивляйтесь, что наш Валерка без конспекта лекции прочесть не может. Он к этому с малолетства привык. В четвертом классе еще ответы к задачкам на собственных пальцах писал. Он и сейчас шагу не ступит без шпаргалки.

Лида рассмеялась, вскочила на мотоцикл и уехала в бригаду.

А покалывание в сердце Валерия давало, между прочим, о себе знать. Беспокоило, так сказать, немножечко. Особенно к вечеру.

Валерий, сам того не замечая, оделся понаряднее, причесался, пошел к клубу и там нечаянно встретил Лиду. Она тоже принарядилась: на ней было сиреневое платье, а на загорелой шее красиво лежали бусы из крупного янтаря.

Увидев Валерия, Лида улыбнулась:

— Послали телеграмму вашему Немкову? Ну то-то же! Ведь я вас в календарный план включила.

Случайно им оказалось по пути. Они пошли рядом и незаметно очутились на берегу пруда. Сели в лодку и стали кататься. Над прудом, как на грех, плавала полная веселая луна. Она так приятно освещала окрестность, что Валерий и Лида прокатались на лодке до третьих петухов. На другой вечер они снова встретились. Случайно, конечно.

И на третий вечер встретились. Одним словом, Валерий стал задумчив, мягок и немного рассеян. Каждый вечер, как только он встречал Лиду, его подмывало сказать ей что-то особенное, ласковое. Но он никак не решался сделать это. А время шло, и уже приближался день отъезда в институт. Так же неукротимо приближался и роковой час признания в любви, который страшил Валерия больше, чем экзамен по органической химии. Боясь сбиться или потерять стройность мысли, Валерий решил выразить свои откровения лирическими цитатами.

Возвратившись ночью домой, он достал с этажерки Тургенева, Блока, Руставели, Есенина и принялся выписывать изречения о нечаянной радости.

Он так увлекся этой научно-исследовательской деятельностью, что не заметил даже, как взошло солнце.

Светлана незаметно подкралась к задремавшему брату и прочитала на крохотном листочке написанные бисерным почерком слова:

«О любви об изначальной к высшим видам восходящей не сказать словами...»

Дерзкая девчонка громко захлопнула книгу «Витязь в тигровой шкуре» и принялась танцевать, прихлопывая в ладоши:

— А я знаю, что ты пишешь! Знаю!

Валерий очнулся, закрыл рукою листочки и сердито сказал:

— Глупая ты девчонка, Света. А входить без разрешения в чужую комнату — свинство.

— Знаю, знаю, Валерка. Не ругайся! Ты влюбился и готовишь шпаргалку для объяснения...

— Ты нахалка, и с этой минуты я с тобой не разговариваю.

— А какое мне дело, что ты не будешь разговаривать, зато я буду. Ты влюбился в Лидочку.

Валерий поругался немного сгоряча, а потом все-таки признался сестре, что он действительно собирается серьезно поговорить с Лидой.

— Что мне у нее нравится,— съязвила Светлана,— так это мотоцикл: смерть — хочу ездить научиться.

Любовный цитатник уместился на пяти миниатюрных страничках. После завтрака, прикинув, что читать ему придется при неярком лунном освещении, Валерий старательно переписал тушью все отобранное.

День тянулся долго. Но вечер все же наступил. Валерий и Лида пошли на пруд, вытащили из кустов лодку и стали кататься.

В небе снова плавала веселая луна.

Поехали вдоль берега, Лида и говорит:

— Что же это твой Немков молчит?

— Лидочка, милая! Я этому шалопаю пять телеграмм и семь писем послал. Но до сих пор ни ответа, ни привета.

— Ну, хорошо, ласковый мой. О лекциях потом поговорим... А сейчас посмотри вверх: какая луна и какое интересное облако плывет над нами.

Валерий решил, что настала самая ответственная минута в его молодой жизни, и принялся нащупывать в кармане магические листочки.

— Лидочка, дорогая! Как мне с тобой хорошо! — сбивчиво пролепетал он и запнулся.

Ему захотелось сказать теперь что-либо возвышенное, поэтическое. Он обнял Лиду, вытащил из кармана первый листок и украдкой заглянул в него...

Но в это самое время красивое облако сыграло над ним довольно некрасивую шутку: оно настолько приблизилось к луне, что та, соблазнившись уютом, вдруг зашла за него. Сразу же потемнело. Строки на крохотном листочке слились и растаяли. Облако было большое, и Валерий с озлоблением скомкал шпаргалку.

— Что ты там шуршишь? Валечка... Милый!

Валерий набрался наконец мужества, нежно приблизил к себе голову девушки, и губы их слились...

— Славная моя... Цветочек лазоревый... Ласточка быстрокрылая! — взволнованно шептал он слова, подсказанные ему самим сердцем.

Он говорил увлеченно, долго, и речь его, ясная и торжественная, звучала, как напевное стихотворение.

Лида прижалась к нему горячей щекой и слушала с нескрываемой внутренней гордостью...

Прокричали первые петухи. Давно уже вышла из-за облака луна. Все вокруг просияло и торжественно засеребрилось. А Валерий все говорил и говорил. И, представьте себе, без конспекта!

...Сейчас Валерий в Москве. Ежедневно пишет он своей Лидочке нежные послания и, между прочим, сообщает, что на зачеты ходит теперь без шпаргалок.

К. Е. Маковский (1839—1915). ЗАПОРОЖСКИЙ КАЗАК. 1884 ГОД

Сумской государственный художественный музей.

Н. П. Богданов-Бельский (1868—1945). ГОРЕ. 1909 ГОД.

Сумской государственный художественный музей.

ЭНЕРГИЯ АТОМНЫХ ЯДЕР

Профессор А. И. КИТАЙГОРОДСКИЙ

Рисунки А. Катковского.

Весь мир облетело известие о пуске в СССР первой промышленной электростанции на атомной энергии. Наш корреспондент обратился к доктору физико-математических наук профессору А. И. Китайгородскому с просьбой рассказать читателям журнала о значении этого события.

Энергия играет огромную роль в жизни человека. Великим открытием был первобытный костер. Прошли тысячелетия, пока были взяты новые и новые рубежи.

И все же ни великие открытия прошлого, ни самые увлекательные современные проекты не могут соперничать с атомной энергией, обладающей почти немыслимой концентрацией. Недаром она сродни тому неугасимому огню, который поддерживает излучение солнца и звезд. При распаде урана, например, килограмм этого вещества может дать около 20 миллионов киловатт-часов. Чтобы получить такое же количество энергии, надо сжечь, по крайней мере, несколько железнодорожных составов угля!

Другая важнейшая особенность — наличие грандиозных запасов внутриатомной энергии в атомных ядрах любого вещества: в воде, в воздухе, металлах, камнях, в бумаге, на которой напечатаны эти строки. Еще недавно некоторые буржуазные ученые рисовали картину грядущего энергетического голода и гибели промышленности. Атомная энергия, широко разлитая в природе, отводит эту угрозу даже для самого далекого будущего.

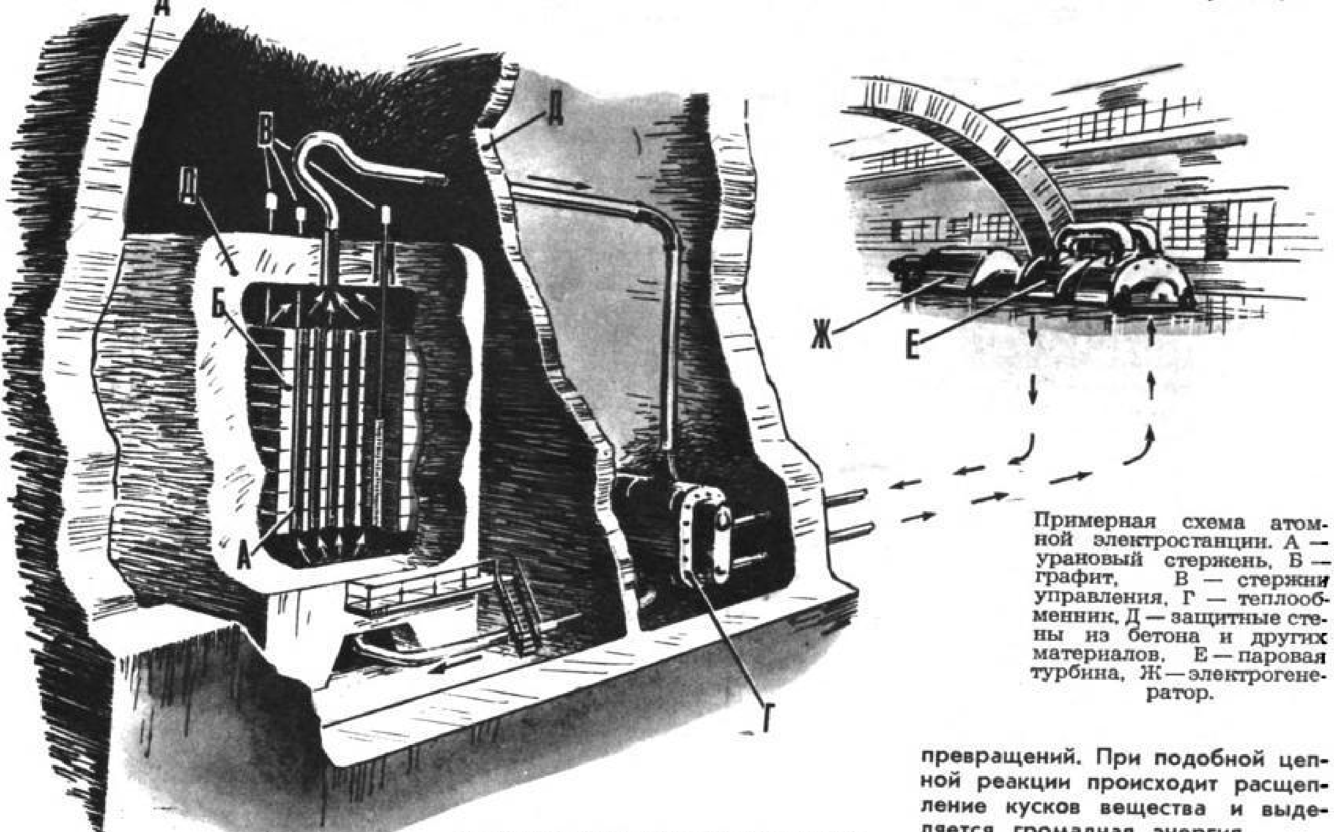
Каких-нибудь 20 лет назад мысль о том, что можно овладеть силами атома, казалась слишком смелой. Однако глубокое проникновение науки XX века в мир мельчайших частиц материи привело к ошеломляющим успехам гораздо раньше, чем можно было ожидать.

Потребовались огромные усилия ума, смелый полет мысли, тончайшее искусство эксперимента и совершенная техника, чтобы неопровержимо убедиться в существовании своеобразного атомного мира, столь отличного от мира повседневной жизни. Еще и сейчас всякий, кто начинает знакомство с ним, поражается его необычностью. А между тем сегодня мы уже умеем измерять и взвешивать атомы, знаем законы их образования и распада.

Замысловатые пятна и нити, появляющиеся на фотографической пленке, сухие щелчки, раздающиеся в чувствительных приборах, — таковы воспринимаемые нами сигналы единичных микрочастиц. Сложный путь умозаключений и изощренный математический анализ позволяют нам разобраться в законах этого загадочного мира, уловить особенности разных типов частиц, определить их энергию.

Теперь мы знаем, что атом — сложная постройка размером в несколько стомиллионных долей сантиметра. Основная масса его заключена в ядре, вокруг которого с огромной скоростью движутся электроны — крупинки отрицательного электричества, образуя как бы облако. Само же ядро — оно по своему объему еще в тысячу миллиардов раз мельче атома — состоит из простейших частиц двух видов: положительно заряженных водородных ядер, протонов, и не имеющих электрического заряда нейтронов. При этом частицы ядра сжаты в нем до чудовищной плотности особыми мощными силами, которые наряду с электромагнитными силами и тяготением оказались третьим основным типом сил, известных в природе. Именно энергия этих ядерных сил притяжения и известна теперь под названием атомной энергии. Она в миллионы раз превосходит энергию химических сил, — проявляющихся в перестройке лишь самых внешних электронных оболочек атомов, — которая освобождается, например, при горении топлива.

С атомной энергией ученые впервые столкнулись в связи с открытием явления так называемой естественной радиоактивности, состоящего в самопроизвольном распаде ядер атомов тяжелых элементов — урана, радия, тория и других. При этом выделялось очень большое количество ядерной энергии (в расчете на один атом). Однако текущие по своим внутренним законам радиоактивные превращения атомов, прежде считавшихся вечными, неизменными и неразрушимыми камнями мироздания, не поддавались никаким воздействиям. Кроме того, этих веществ было так мало и распадались они настолько медленно, что не могли быть практически использованы для получения энергии. Механические и

Примерная схема атомной электростанции. А — урановый стержень, Б — графит, В — стержни управления, Г — теплообменник, Д — защитные стены из бетона и других материалов, Е — паровая турбина, Ж — электрогенератор.

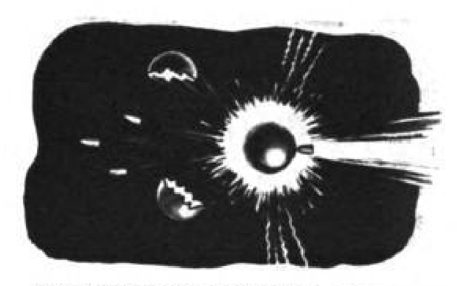
электромагнитные, тепловые и химические средства в бессилии останавливались перед ядром, словно это был какой-то зачарованный замок, в который природа навсегда скрыла от человека свои величайшие энергетические сокровища.

Перелом произошел в самом начале 20-х годов, когда для атаки на ядро были использованы микрочастицы, выбрасываемые при распаде радиоактивных элементов. С помощью подобной «ядерной артиллерии», которую впоследствии подкрепили замечательные приборы, создающие интенсивные пучки сверхбыстрых атомных частиц, удалось осуществить сотни и тысячи взаимных превращений различных элементов. И все-таки даже такой удивительный прыжок в глубины внутриатомного мира не позволял практически подойти к задаче освобождения колоссальной энергии, заключенной в атомных ядрах. Ведь овладев ядерными реакциями, человек подчинил своей воле только созидание и разрушение единичных ядер.

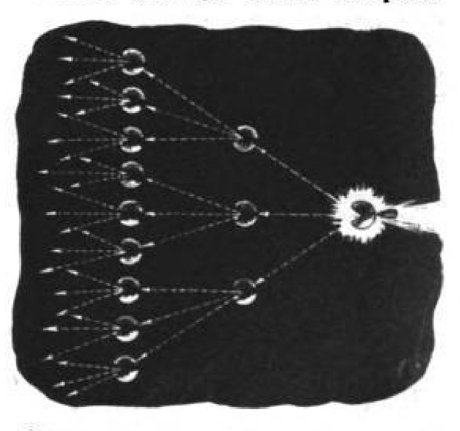
Найти ядерную реакцию, в которой процесс деления охватил бы сразу мириады атомов, удалось только перед второй мировой войной. И это было желанным ключом к решению задачи в производственном масштабе, открывшим наконец доступ в заколдованный замок.

Разгадку принесло изучение урана. Оказалось, что при «обстреле» нейтронами его громоздкое, рыхлое ядро разваливается на два более легких и прочных ядра-осколка. При этом вылетают новые нейтроны, которые вызывают, в свою очередь, деление других урановых ядер. Первоначальный нейтрон, будто горящий факел, поджигает огромную массу ядер, вызывая длинную цепь, а лучше сказать, лавину, ядерных превращений. При подобной цепной реакции происходит расщепление кусков вещества и выделяется громадная энергия.

В обычной урановой бомбе и в «ядерном котле» — основном агрегате атомной электростанции — происходит именно такой процесс. Разница лишь в том, что в атомной бомбе он совершается мгновенно, нося характер взрыва,

Расщепление уранового ядра под действием нейтрона. Ядро разваливается на две части. При этом возникает два—три новых нейтрона.

Один нейтрон вызывает цепную реакцию, которая охватывает громадное количество атомов.

Аппараты Овощникова

На фотопленке двенадцать снимков грудной клетки человека. Рентгеновский аппарат как бы рассек грудь на несколько слоев. Такое послойное исследование человеческого тела рентгеном, помогающее улучшить раннюю диагностику многих заболеваний, стало возможным с появлением нового аппарата — томофлюорографа системы М. С. Овощникова. Сейчас в нашей стране уже работают сотни таких аппаратов. Советским томофлюорографом пользуются и за границей.

Мы попросили руководителя физико-технического отдела Киевского рентгеновского института лауреата Сталинской премии Максимилиана Семеновича Овощникова рассказать о новых работах возглавляемого им коллектива. В одной из лабораторий он обратил наше внимание на аппарат, перед экраном которого мать подняла грудного ребенка.

— Снимок сделан! — сказал лаборант.

— С помощью этого аппарата решается проблема импульсной фотоорографии детей,— сообщил М. С. Овощников.— Прежде чем получить возможность делать рентгеновские снимки детей, ученым пришлось немало потрудиться. Ведь заставить ребенка посидеть спокойно, затаив дыхание, хотя бы несколько секунд очень трудно. Нам удалось сконструировать установку, которая позволяет произвести снимок за тысячные доли секунды.

— А вот другая наша работа. — И М. С. Овощников демонстрирует рентгеновский снимок, на котором в уменьшенном виде человек снят во весь рост. На пленке видны весь скелет, грудная клетка и мягкие ткани.— Никто в мире,— говорит Максимилиан Семенович,— не получал еще такого рентгеновского снимка. Нам удалось это сделать с помощью нового аппарата, который мы назвали тотальным флюорографом.

Киевский рентгеновский институт создал еще несколько интересных аппаратов. Среди них крупнокадровый флюорограф для исследования костей, суставов, томограф для получения изображений поперечных срезов человеческого тела и другие.

В. ШУМОВ

а на атомной станции скорость выделения энергии регулируется.

Стационарный атомный котел — весьма массивное сооружение. Он состоит обычно из брусков природного урана, заключающего атомы двух разновидностей — или, как говорят, «изотопов» — этого элемента: тяжелые и более легкие. Последние, которых в смеси очень мало, «разбиваются» нейтронами и выделяют энергию. Первые, захватывая более быстрые нейтроны, превращаются в искусственный элемент — плутоний, в свою очередь способный расщепляться. Бруски окружены со всех сторон так называемым замедлителем — веществом, которое снижает скорость нейтронов. Это необходимо, так как в результате распада ядер в котле появляются как раз более быстрые нейтроны, которые иначе очень скоро поглотит первая, тяжелая разновидность урана, и цепная реакция прекратится. Регулируют скорость цепного процесса, вводя в котел специальные стержни из кадмия или бористой стали. Котел окружают очень толстыми стенами из бетона и других материалов, чтобы защитить персонал от вредных излучений.

Так как ядерные силы действуют лишь на невообразимо малых расстояниях, осколки развалившихся урановых ядер оказываются уже свободными от их влияния. Вот почему, неся положительные электрические заряды, они с огромной силой отталкиваются друг от друга и приобретают скорости, достигающие 10 тысяч километров в секунду. А вещество замедлителя, обычно графит, тормозит стремительно летящие осколки, отнимает их энергию и вследствие этого разогревается до очень высокой температуры.

Возникшее тепло отводится охлаждающей жидкостью, которая, в свою очередь, может нагревать воду, превращая ее в перегретый пар. Дальше все происходит, как и на обыкновенной тепловой электростанции. Пар поступает в тепловую турбину, которая вращает генератор, дающий ток потребителям.

Количество «ядерного горючего», необходимое для того, чтобы обеспечить работу даже большой атомной электростанции, совершенно ничтожно. Так, например, расходуя меньше двух тонн ядерного топлива в год, атомная станция может иметь мощность, равную мощности величайшей в мире Куйбышевской ГЭС.

Во время работы уранового котла появляется громадное количество радиоактивных веществ. Радиоактивностью обладают прежде всего сами продукты деления урана. А большое число нейтронов, находящихся в котле, позволяет легко получить и радиоактивные разновидности — изотопы — любых других элементов, стоит лишь поместить их на время в котел и подвергнуть облучению.

Применение их для научных целей уже сегодня способствует новым большим успехам в биологии, химии, физике, агрономии. Во многих опытах небольшое количество радиоактивной разновидности подмешивают к обычному элементу. «Меченые атомы» позволяют разобраться в сложнейших превращениях энергии и вещества, которые постоянно совершаются в живых организмах. Они дают возможность проникнуть в тайное тайных сложных химических реакций, изучить поведение тончайших пленок на поверхности веществ, тониной в одну молекулу. Все шире использует радиоактивные вещества медицина в лечении болезней.

Пуск в СССР первой промышленной электростанции на атомной энергии, разумеется, только начало мирного использования неиссякаемой энергии атомного ядра. Как указывалось в правительственном сообщении, уже сегодня советские ученые и инженеры работают над созданием новых, более мощных атомных электростанций.

В будущем широкое применение атомной энергии в нашей стране обеспечит невиданный подъем промышленности и сельского хозяйства, достижение изобилия жизненных благ. Вместе с огромными гидро- и ветростанциями, а, возможно, также и станциями, утилизирующими энергию океанских приливов, земных глубин и солнечных лучей, атомные станции вольют громадные потоки своей энергии в единую энергетическую систему. И она передаст ее плодородным полям, научным лабораториям и гигантским заводам-автоматам.

Преобразится и современный транспорт. Незначительный вес атомного горючего чрезвычайно увеличит полезную грузоподъемность самолетов, сделает доступной неограниченную дальность и сверхвысокие скорости полета. Обыденным делом станут безостановочные кругосветные авиаперелеты.

На кораблях с ядерными котлами можно будет совершать самые далекие плавания без захода в промежуточные порты. Огромные подводные лодки смогут как угодно долго вести исследования, путешествуя на больших глубинах. Неоценимые удобства они представят для длительных плаваний под арктическими льдами.

Атомная энергия приведет в действие мощные турболокомотивы, и они займут свое место на стальных магистралях. Надо думать, что изобретательскую мысль не остановит, конечно, и задача создания легких котлов для «атомных автомобилей», хотя пока трудно довести размеры и вес защитных стенок котлов до достаточно малых величин.

Изменение лица земного шара, реконструкция целых областей нашей планеты окажутся по плечу человеку будущего. И незаменимой помощницей в этих его великих подвигах сможет стать освобожденная энергия атомного ядра. Покорившись человеку, она позволит ему обводнить и озеленить пустыни, передвинуть горы, возвести исполинские дамбы и плотины, смягчить климат Арктики и Антарктики, исправить очертания континентов.

А еще раньше, может быть, уже на глазах ныне живущих поколений, станут возможными первые межпланетные путешествия. Для полета в космическое пространство еще Циолковский предложил использовать ракету, движимую той реактивной силой отдачи, что действует при выстреле и в ружье, ударяя стрелка в плечо. Однако до недавнего времени наука не знала горючего, скорость истечения которого из сопла ракеты удобно обеспечивала бы преодоление земного притяжения. Концентрированное атомное топливо обещает необходимую быстроту истечения рабочего вещества, которым может быть, например, жидкий водород, превращаемый в атомном котле в раскаленный газ. И дело теперь главным образом за достаточно жароупорным материалом для постройки межпланетной ракеты.

Возможно, что первые ракеты придется отправлять без человека, снабдив их автоматическими приборами, сигналы которых позволят нам с Земли наблюдать за перипетиями их рейсов. И только потом нашу планету оставит, наконец, настоящий «корабль Вселенной», и человек впервые увидит Землю над своей головой, плывущей, подобно другим космическим телам, в бесконечных небесных просторах.

Может возникнуть вопрос: каковы запасы атомного сырья, которыми располагает человечество?

Только уран и торий, используемые уже сейчас, надолго обеспечивают наши энергетические потребности. Но, как установлено физиками, атомная энергия может освобождаться при всех процессах, при которых из менее прочных ядер образуются ядра более прочные. А это происходит не только при распаде тяжелых ядер, вроде урановых. Соединение легких ядер в более тяжелое ядро, например, синтез из водорода «солнечного газа» — гелия,— оказалось, как известно, также путем освобождения атомной энергии.

Правда, эта реакция применена только в водородной бомбе. Она называется термоядерной, так как для ее начала требуется температура в миллионы градусов. Но со временем она, как и многие другие ядерные реакции, окажется, вероятно, вполне пригодной для производства энергии в мирных целях.

Большие надежды, вселяемые новейшим прогрессом атомной физики, сегодня еще омрачены в сознании народов лихорадочной гонкой атомного вооружения, которую ведут правящие круги США. Затрачивая свои усилия в области атомной энергии на создание смертоносного оружия, американские империалисты грозят использовать его для массового уничтожения мирного населения и разрушения крупных городов — центров промышленности и культуры. Советский народ, как и широкие массы трудящихся всех стран, требует безоговорочного запрещения атомного и водородного оружия. Советские люди считают, что энергия атомных ядер должна использоваться только в мирных целях.

Освоение атомной энергии не только огромный технический успех. Мы свидетели и современники самого большого торжества человеческого разума за всю историю мировой науки и техники. Все дальше вширь и вглубь раздвигаются границы наших знаний, и начало покорения микромира, быть может, — самое убедительное свидетельство банкротства религиозного мракобесия, философского идеализма. Практическое использование наших знаний о мельчайших частицах материи с необычайной яркостью подтверждает безграничную возможность познания материального мира.

Нет, мир мельчайших частиц — это не мистическая, туманная страна непостижимых символов и математических отвлеченностей, рождаемых «мыслящим духом», как пытаются уверить иные буржуазные физики и философы. Несмотря на все своеобразие, этот мир подчинен строгим законам, и прежде всего он реален, как реальна любая пылинка или самое далекое небесное светило, как реальна вечная и бесконечная Вселенная.

Первоклассники

А. БАРТО

Рисунки О. Верейского.

По дороге в школу

Начинается рассказ
О том, как шли ребята в класс.

Никита шел и книжки нес,
А Таня шла с ним рядом.
Как вдруг навстречу
Страшный пес,—
У Тани слезы градом!

Но тут ее Никита спас,
Он проявил отвагу,
Сказал:
— Иди спокойно в класс,—
И отогнал дворнягу.

Его Танюша по пути
Благодарит за смелость.
Еще разок ее спасти
Никите захотелось.

— Ты потеряешься в лесу,
А я приду, тебя спасу,—
Он предложил Танюшке.

— Ну, нет! — ответила она. —
Я не пойду гулять одна,
Со мной пойдут подружки.

— Ты можешь в речке утонуть!
Вот утони когда-нибудь —
Не дам тебе пойти ко дну! —
Пообещал Никита.

— Я и сама не утону! —
Она в ответ сердито.

Она его не поняла...
Но ведь не в этом дело!
Он всю дорогу до угла
Спасал Танюшу смело.

В мечтах ее от волка спас...
Но тут пришли ребята в класс...

Школьник

Поглядите на парнишку —
У него степенный вид.
Он помчался бы вприпрыжку,
Да фуражка не велит!

Брось, дружок, свои замашки
Раз ты в форменной фуражке.

Соблюдая дисциплину,
Паренек шагает в путь.
Он посмотрится в витрину —
Там идет не кто-нибудь!

Ученик идет в фуражке!
А на новеньком ремне
Серебром сверкает пряжка,
Отражается в окне.

Сонечка

Тронь ее нечаянно,
Сразу: — Караул!
Ольга Николаевна,
Он меня толкнул!

— Ой, я укололась! —
Слышен сонин голос.
— Мне попало что-то в глаз,
Я пожалуюсь на вас.

Дома снова жалобы:
— Голова болит.
Я бы полежала бы,
Мама не велит.

Сговорились мальчики:
— Мы откроем счет:
Сосчитаем жалобы,
Сколько будет в год?

Испугалась Сонечка
И сидит тихонечко.

Что делать с Алексеем?

Что делать с Алексеем?
Он до того рассеян!
Он ворота школьные
Принял за футбольные.

Беда с ним, да и только!
Уроки учит редко
И говорит, что тройка —
Прекрасная отметка.

Не раз его стыдили,
К директору водили
И объясняли долго,
Что значит чувство долга.

Но он привык к упрекам,
Дремал он за уроком.

Вдруг села с ним девчонка,
Она над ним хохочет,
То засмеется звонко:
— Смотрите, вот так почерк!

То шепчет: — Лежебока!
Пришел к концу урока.

Не сдал он в понедельник
Домашнюю работу,
Она кричит: — Бездельник!
Не сдаст он и в субботу.

Закрылся он тетрадкой,
Хотел зевнуть украдкой —
Она смеется снова.
А что же тут смешного?

Теперь девчонка эта
Сживет его со света!

Нет, он ее проучит,
Он в четверти получит
Назло своей соседке
Отличные отметки.

Вот он исправит почерк,
Пускай тогда хохочет!

Я лишний!

Окапывали вишни.
Андрей сказал: — Я лишний,
Пять деревьев, пять ребят, —
Я напрасно вышел в сад.

А как поспели вишни,
Андрей приходит в сад.
— Ну, нет, теперь ты лишний! —
Ребята говорят.

Коза на прополке

(Шутка)

Всю весну мечтал Володя:
— Хорошо бы сделать так,
Чтоб коза на огороде
Прополола весь сорняк.

Он обдумал это дело.
План володин был не плох:
Чтоб коза сорняк поела,
Но не трогала горох.

Что она лежит без толку,
Щурит длинные глаза?
Ведь могла бы на прополку
По утрам ходить коза!

Парашютист покинул борт самолета.

В НЕБЕ НАД СЕНТ-ЯНОМ

П. СТОРЧИЕНКО,
заслуженный мастер спорта

Фото автора.

Достижения советских парашютистов давно уже известны за пределами нашей страны; их успехи, их выдающиеся рекорды стали предметом пристального внимания любителей воздушного спорта. Но до августа нынешнего года борьба с сильнейшими парашютистами других стран носила только заочный характер: наши спортсмены никогда не встречались со своими противниками на соревнованиях и ограничивались тем, что вписывали в таблицу мировых рекордов все новые и новые выдающиеся результаты.

В конце концов обладателями всех шестнадцати регистрируемых рекордов стали спортсмены СССР, и с тем большим интересом было воспринято на Западе сообщение, что в соревнованиях на первенство мира 1954 года примут участие советские парашютисты...

31 июля наша команда прилетела в Париж. В нее входили самые испытанные, самые тренированные парашютисты ДОСААФ'а СССР: Иван Федчишин из Днепропетровска, Василий Марюткин

Мастер спорта Василий Марюткин.

Аэродром Сент-Ян, где проходили соревнования на первенство мира по парашютному спорту.

и Петр Косинов — инструкторы, Валентина Селиверстова — техник из Омска, Феликс Неймарк — московский инженер и парашютист летчик Григорий Мартыненко. Готовить команду к этим ответственным выступлениям было поручено мне.

О наших противниках мы знали немного. Во французской команде имелись два победителя первенства мира 1951 года — Ляр и Моника Ларош, США посылали парашютиста Мэсона, не раз демонстрировавшего свое искусство на крупнейших авиационных праздниках. Сильные команды представляли Англию, Чехословакию, Италию и Югославию.

По отзывам прессы, с которыми мы познакомились, прилетев в Париж, можно было сделать вывод, что основными претендентами на победу считаются французские спортсмены, которых газеты называли «профессорами парашютного спорта». Всячески расписывалось их умение управлять своим телом в воздухе. Это и должно было, по мнению журналистов, выдвинуть команду на первое место в той борьбе, которая должна была начаться в небе над Францией. Нас же газеты называли «великими неизвестными» и, судя по всему, не склонны были видеть среди советских парашютистов будущих чемпионов мира.

Познакомившись с Парижем, побывав на официальном открытии первенства мира в национальном аэроклубе Франции, мы вылетели на самолете в маленький городок Сент-Ян, расположенный в четырехстах километрах от столицы. Здесь находился спортивный центр национального аэроклуба, уже подготовленный к встрече сильнейших парашютистов мира.

Обстановка этих крупнейших соревнований, в которых мы участвовали впервые, необходимость прыгать с французских самолетов, которых мы, естественно, не знали, конечно, волновали всех нас, но мы были уверены в своих силах, в своей подготовке. Все же было решено провести вместе с чехословацкими спортсменами несколько тренировочных прыжков, и так как остальные команды не последовали нашему примеру, то советская команда оказалась в центре внимания. Наблюдая за действиями своих товарищей, я все время следил за тем, какое впечатление производят их прыжки на спортсменов других стран. Я видел озабоченные лица, взволнованную жестикуляцию спортивных обозревателей и не мог сдержать довольной улыбки. На следующее утро газеты были полны описаний наших тренировочных прыжков, и журналисты не скрывали тревоги. Что ж, мы не постеснялись раскрыть свои карты перед началом борьбы, но наши противники держали их закрытыми. Ведь мы до сих пор не видели никого из них в воздухе.

Участники мирового первенства наблюдают за прыжками.

В шесть часов вечера 2 августа состоялось открытие соревнований на первенство мира по парашютному спорту, команды вышли на построение, а на следующее утро парашютисты поднялись в воздух. Им предстоял прыжок с высоты 1 500 метров с задержкой раскрытия парашюта в 20 секунд. Спортсмены должны были, открыв парашюты, приземлиться как можно ближе к центру выложенного на земле креста, который был составлен из двух полос длиной до 32 метров.

Первым в нашей команде совершал прыжок Феликс Неймарк. И каково же было наше огорчение, когда он приземлился в стороне, не попав в зачет! Но вот прыгает Иван Федчишин и, уверенно управляя стропами, при-

Абсолютный чемпион мира по парашютному спорту Иван Федчишин.

земляется в 6,1 метра от центра креста...

В воздухе Валентина Селиверстова. По условиям соревнований, женщины выступают наравне с мужчинами. Но среди участников только две парашютистки — Валентина Селиверстова и Моника Ларош. Они давние соперницы. В свое время Селиверстова побила мировой рекорд француженки, и теперь всем ясно, что их выступления станут в общей борьбе как бы отдельным поединком.

Я слежу за тем, как Валентина Селиверстова покидает борт самолета, как, распластавшись в воздухе, она несется к земле, как над ней вспыхивает разноцветный купол парашюта. Все мы, ее товарищи, наблюдаем за тем, как она управляет стропами, и чувствуем, что ее прыжок не принесет ей удачи. В самом деле, Селиверстова также приземляется в стороне от креста. Как оказалось, шаропилотные данные, сообщенные нам перед прыжком, были неточны, и Селиверстова на основе их взяла слишком большое упреждение. Моника Ларош приземлилась в 30 метрах от центра креста и после первого прыжка оказалась впереди. Но наша парашютистка взяла реванш: ее второй прыжок был удивительно точным (6,39 метра), в то время как француженка не попала в зачет.

Уже после первого упражнения стало ясно, что лидерами первенства являются парашютисты СССР — Федчишин, Марюткин и Косинов. С интересом мы наблюдали за прыжками англичан. Они пользовались специальными спортивными парашютами, но это не помогло им: английские спортсмены оказались на пятом месте.

Однако первая наша победа, видимо, не обескуражила парашютистов Франции. «Ничего, — говорили они, — когда дело дойдет до стиля, мы возьмем реванш». Для того, чтобы убедиться в правоте их слов, надо было дождаться третьего дня соревнований, так как второй день также был посвящен упражнениям на точность приземления. Парашютисты должны были, покинув борт самолета на высоте 600 метров, немедленно открыть парашюты и приземлиться как можно ближе к центру креста. И снова это упражнение принесло победу нашей команде. Отлично прыгают Неймарк, Федчишин, Косинов и Марюткин. Селиверстова два раза попадает в зачет, в то время как Ларош — только один раз с плохим результатом. Таким образом, после двух упражнений Селиверстова опередила свою противницу на 126 очков.

В этот день соревнований всех парашютистов обошла карикатура, сделанная итальянским судьей. На рисунке был изображен Федчишин, снижающийся на парашюте прямо в центре креста; на ботинках его магниты. Но в третий, последний день точность приземления уже не играла никакой роли. Задача была одна: покинув борт самолета на высоте 1 500 метров, пролететь точно 20 секунд плашмя, раскинув руки и ноги в одном положении. Малейшее отклонение грозило штрафом и поражением.

Здесь мы убедились, что французские парашютисты действительно обладают очень красивым стилем затяжного прыжка. Но и наши противники, в свою очередь, увидели, как гармоничны, точны и безошибочны движения советских спортсменов. Федчишин и Косинов получили за свои прыжки 195 очков из 200 возможных. Пять очков были потеряны на том, что парашюты были ими раскрыты на одну десятую секунды раньше. Большого успеха добилась Моника Ларош. Она получила 200 очков. Валентина Селиверстова проиграла ей всего пять очков (тоже за счет точности открытия парашюта) и добилась окончательной победы над своей давней соперницей.

Таким образом, и последнее упражнение, на которое так рассчитывали французские парашютисты, не принесло им победы. В первую пятерку вошли три советских спортсмена.

В сумме трех упражнений победителем мирового первенства оказался советский парашютист Иван Федчишин, набравший 672 очка из 700 возможных. Второе место занял его товарищ Василий Марюткин, третье — француз Шазак, четвертое — Петр Косинов и пятое — югославский парашютист Миличевич. Валентина Селиверстова заняла общее девятое место, Моника Ларош — девятнадцатое. Американский парашютист Мэсон, в единственном лице представлявший воздушных спортсменов США, оказался двадцать первым. Несмотря на неудачу в первом прыжке, Феликс Неймарк вышел на двенадцатое место, а бывший чемпион мира Ляр занял тринадцатое место.

Заслуженный мастер спорта Валентина Селиверстова (справа) и Моника Ларош.

Приземляется заслуженный мастер спорта Иван Федчишин.

Советские спортсмены выиграли и командное первенство. Второе место заняли чехословацкие парашютисты и только третье — французские.

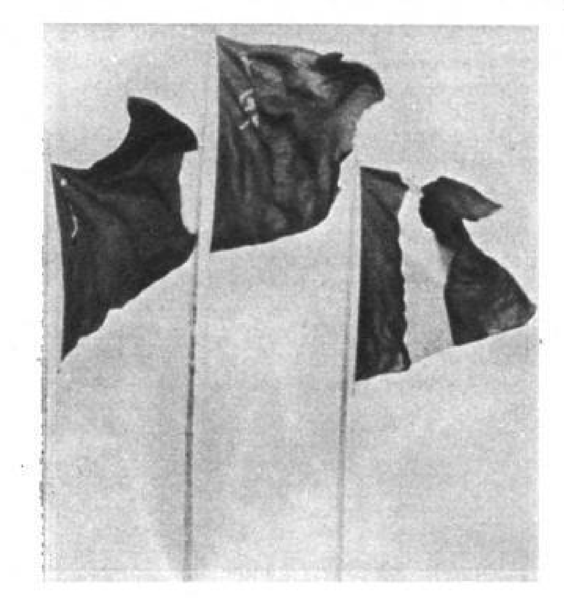
Так закончились соревнования на первенство мира, и надо сказать, что результаты их были по достоинству оценены французской прессой. Вот что писала газета «Фигаро»: «Русские подтвердили свое превосходство в то время, как французы считали себя непобедимыми в свободном падении. Поражение французов было тем более чувствительно, что наши парашютисты выставляли себя учителями. Если они охотно допускали превосходство русских, чехов и югославов в точности приземления, то вместе с тем они давали понять, что это их мало интересует, что в стиле они уж покажут себя».

Газета «Паризьен либере» отмечала: «Русские являются безусловными победителями соревнований, выиграв два первых места».

«С первых дней состязаний советские люди выделялись точностью и блеском своих прыжков», — отмечала газета «Юманите».

Мы же радовались и нашей победе и успеху чехословацких парашютистов. Еще в прошлом году, побывав в Чехословакии и встретившись там на товарищеских соревнованиях с воздушными спортсменами, мы постарались передать им весь свой опыт, все свое мастерство.

Полные огромного удовлетворения, возвращались мы к себе на Родину. Мы были горды тем, что сделали новую запись в почетном списке побед советского спорта.

На пьедестале почета. В центре — Иван Федчишин, слева — Василий Марюткин, справа — Шазак.

Прогулка по бульварам

Лев СЛАВИН

Фото А. УЗЛЯНА.

Смотрели ли вы когда-нибудь на Москву с крыши высотного здания?

Если да, то, несомненно, вам бросилась в глаза гигантская зеленая подкова, прочерченная в каменной толще города. Это — бульварное кольцо. Оно протянулось на много километров и похоже на реку, которая, извиваясь, течет через центр столицы то узенькой струйкой Рождественского бульвара, то разливается за Пушкинской площадью широким зеленым морем.

Нет обычая справлять юбилей бульваров, иначе еще лет тридцать назад было бы отмечено столетие бульварного кольца. Устройство его было закончено в двадцатых годах прошлого века. В те далекие времена бульвары были сплошь березовыми. Шли годы, отмирали деревья, вырастали новые, сменялись поколения, но аллеи «кольца А» были и остались излюбленными бульварами москвичей.

Название это — «кольцо» — не совсем точно. Это скорее дуга, концы которой почти упираются в Москву-реку. На одном крае дуги возвышается легкая арка метро станции «Дворец Советов». Дальше — примыкающая к Гоголевскому бульвару небольшая круглая площадь. Каждый бульвар заканчивается таким асфаль-

Ценители таланта...

← В утренний час.

В обеденный перерыв.

Здесь можно и закусить.

товым пятачком. Здесь торгуют книгами и мороженым, здесь можно навести любую справку в киоске, купить цветы, почистить ботинки, прочесть свежую газету, поговорить по телефону.

Хорош Гоголевский бульвар с его старыми тенистыми деревьями, зеленым сводом над головой, высокими травянистыми откосами!

Многолюдно в аллеях широкого Тверского бульвара. Отсюда видны фонтаны Пушкинской площади, мечущие ввысь серебристую прохладу. Высокие дома на тротуарах в сочетании с нежной и пышной зеленью бульваров — одна из самых пленительных особенностей московского пейзажа.

В утренние часы преобладающее население на бульварах — дети. Здесь все возрасты, начиная от грудных младенцев, которые покоятся в таких сверхобтекаемых колясках, словно собрались ставить какие-то специальные рекорды для новорожденных.

Дети постарше толпятся вокруг игротек. Здесь много настольных игр, головоломок. Под силуэтами животных подпись: «Из каких мы басен?»

Надо признать, что ребят сильнее всяких литературных загадок влекут к себе миниатюрные футбол и хоккей, умещающиеся на столиках.

Впрочем, не только ребят. Солидный гражданин с портфелем, шествующий по аллее, останавливается, привлеченный веселыми голосами ребят, играющих в настольный футбол. Постепенно умиленная улыбка сползает с лица гражданина. В глазах его вспыхивают огоньки азарта.

— Бей в угол! — кричит он.— Обходи его справа! Ну, что же ты?

Он швыряет портфель на скамью, засучивает рукава и включается в игру, пока наконец оттиснутый им белобрысый мальчуган не говорит обиженно:

— Дядя! Тебя, наверно, заждались в министерстве.

Гражданин ловит на себе укоризненный взгляд воспитательницы и быстро удаляется.

Под прямым углом к бульварному кольцу, как пышная ветвь, простертая к площади Коммуны, тянется Самотечный бульвар, едва ли не обширнейший из московских бульваров.

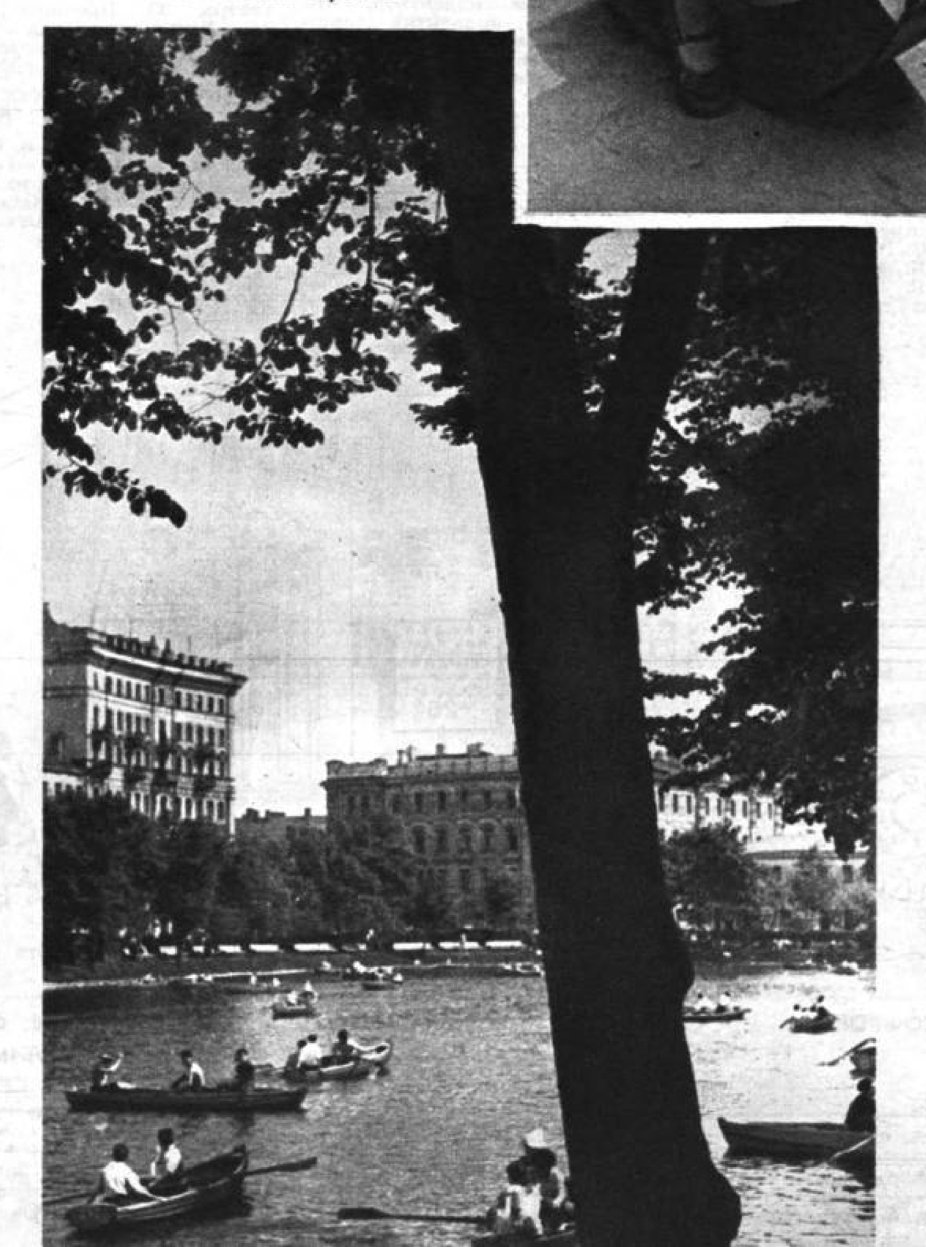
Удаляемся в его тенистую глубину, и если бы не трамвайный шум, пробивающийся сквозь зеленую чащу, можно было подумать, что мы вдали от города. В одном из уголков бульвара душевые кабинки. В другом — летнее кафе.

На бульварах много читают и вяжут. Кое-кто играет в шахматы. Молодые художники пишут этюды. Бульвары — своеобразная дача для горожан, которые не выехали за город. Истомленный жарой, вы делаете всего один шаг с асфальта мостовой на землю бульвара и сразу окунаетесь в зону свежего воздуха. Перемена разительная! Эти мощные зеленые баррикады стойко сопротивляются проникновению бензиновых паров.

После поливки влажная земля источает прохладу. К вечеру сладко пахнут цветы табака. Под деревьями садовники занимаются косьбой, и неповторимое благоухание свежескошенной травы плывет в воздухе.

Смеркается. В зеленой листве, как прозрачные вазы, налитые светом, сияют фонари. Крутясь, летит желтый лист — первая повестка осени. Но деревья еще шумны и многолистны. В этот час на бульварах особенно людно. Это пора прогулок, отдыха, встреч, свиданий. Если сейчас глянуть с крыши высотного здания, бульвары предстанут как пестрая дугообразная непрерывно движущаяся человеческая лента. А над ней озаренные фонарями сияют изваяния Пушкина, Гоголя, Тимирязева.

На Чистых прудах.

Дети постарше собираются у игротек.

Придет ли?..

Из почты «Огонька»

Автор «Красного Знамени» — переводчик И. А. Крылова

В прошлом году «Огонек» (№ 46) сообщил, что автор «Марсельезы» Руже де Лилль перевел на французский язык басню Крылова «Гуси». Любопытно, что другой революционный поэт, автор пролетарской песни «Красное Знамя» Болеслав Червенский, перевел на польский язык басню Крылова «Листы и Корни». Перевод басни был опубликован в сборнике стихов поэта, выпущенном во Львове в 1881 году.

Включая этот перевод в свой сборник, Червенский не указал фамилии автора оригинала, ограничившись указанием, что басня является «мыслью русского поэта».

Почему Червенский не указал фамилии автора басни — И. А. Крылова?

Великого русского баснописца ненавидели господствующие классы и России и Польши, особенно панская шляхта Галиции, жестоко эксплуатировавшая народ Западной Украины. Когда Иван Франко был арестован и брошен в тюрьму, в качестве доказательств его бунтарства послужили басни Крылова, отобранные во время обыска. Как огня, боялись эксплуататоры влияния русской революционно-демократической культуры. Любой ценой пытались они отгородить трудящихся Галиции от революционной бури, надвигающейся с Востока. Указание фамилии автора басни «Листы и Корни», одного из представителей русской прогрессивной культуры, могло бы привести к изъятию сборника.

Юзеф КОЗЛОВСКИЙ

Варшава.

Командное первенство мира по шахматам

Немного истории

После окончания XV олимпийских игр прошло два года. Победители могут еще почивать на лаврах и спокойно готовиться к очередным олимпийским играм в Австралии в 1956 году. Другое дело у шахматистов. Командное первенство мира по шахматам проводится каждые два года. Победитель X олимпиады в Хельсинки советская шахматная команда должна уже снова защищать звание чемпиона мира.

Командное первенство мира по шахматам, или, как его еще называют, Турнир наций, — интереснейшее спортивное соревнование. Вспомним кратко итоги прошедших турниров.

В 1927 году венгерские шахматисты прославили свою страну победой на первой шахматной олимпиаде в Лондоне. Этот успех им удалось повторить на следующей олимпиаде в Гааге. Затем в Гамбурге победили шахматисты Польши. В следующих четырех соревнованиях успеха добились американские шахматисты, и кубок командного чемпиона мира четыре раза пересек океан. В 1939 году, во время VIII олимпиады, в Буэнос-Айресе, в Европе вспыхнула война. Состязание заканчивалось в спешке, победа тогда досталась немецким шахматистам. В 1950 году в Дубровнике кубок остался у организаторов этой олимпиады, у шахматистов Югославии.

В X олимпиаде (Хельсинки, 1952 год) впервые участвовала шахматная команда СССР, и кубок чемпиона мира перевезли в Москву. После этого шахматисты многих стран начали изучать испанский язык, так как очередную, XI олимпиаду было намечено провести в Буэнос-Айресе. Однако из-за материальных затруднений Аргентина недавно отказалась от проведения у себя олимпиады. Маленькая Голландия — страна, в которой шахматы исключительно популярны,— дала согласие организовать это соревнование в Амстердаме.

Участие в шахматной олимпиаде связано с солидными материальными расходами, и это явилось одной из причин, в силу которых командное первенство мира с давних пор проводится только на четырех досках. Естественно, что при матче лишь на четырех досках возможны всякие неожиданности, приятные и неприятные сюрпризы.

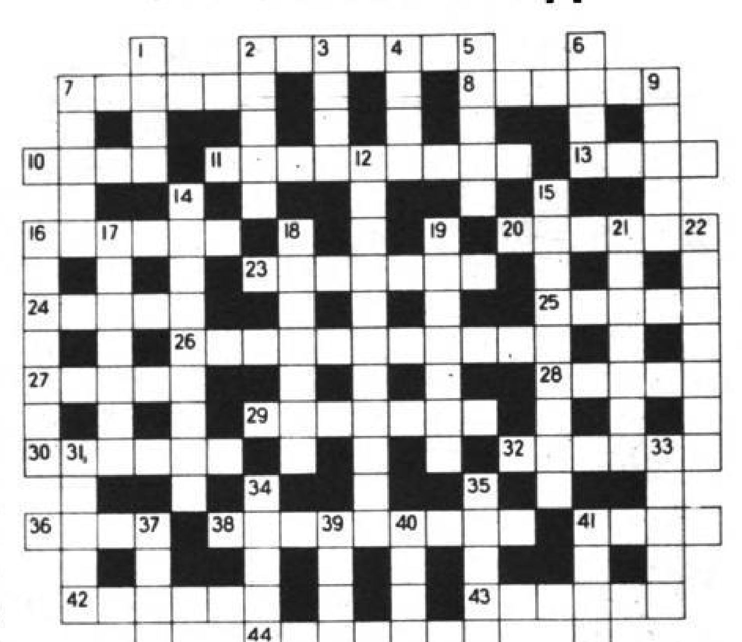
После длительного перерыва шахматный мир увидит во главе советской команды чемпиона мира гроссмейстера М. Ботвинника. На второй и третьей досках играют претенденты на это высокое звание—гроссмейстеры В. Смыслов и Д. Бронштейн, на четвертой — П. Керес. Запасные участники — гроссмейстеры А. Котов и Е. Геллер.

На XI олимпиаде ожидается рекордное количество команд. Повидимому, самым серьезным противником советских шахматистов будет так же, как и в Хельсинки, команда Аргентины во главе с гроссмейстером Найдорфом. Она настолько сильна, что даже запасные ее игроки — два гроссмейстера: Элисказес и Пильник. Опасными противниками наших мастеров будут команды Югославии, молодой коллектив Чехословакии, возглавляемый Пахманом, команды Венгрии с Сабо и Барца и Голландии, в которой играет экс-чемпион мира Эйве. Команда США также может сказать серьезное слово в борьбе за первое место. Но у американских шахматистов зачастую не хватает средств на проезд в Европу, и поэтому, к сожалению, мы за несколько дней до начала соревнований еще не знаем, приедут ли американские шахматисты.

Борьба предстоит очень интересная и упорная. На олимпиаду съезжаются все сильнейшие шахматисты мира. Будем надеяться, что дружный коллектив советских шахматистов оправдает чаяния и надежды любителей шахматного искусства.

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

КРОССВОРД

По горизонтали:

2. Приспособление в токарном станке. 7. Роман Золя. 8. Часть оптического прибора. 10. Областной центр в Сибири. 11. Рассказ А. П. Чехова. 13. Парусиновый навес. 16. Мальчик из романа «Отверженные» В. Гюго. 20. Небольшая рыбка. 23. Сверление скважин в горных породах. 24. Кондитерское изделие. 25. Специальность. 26. Второстепенный член предложения. 27. Персонаж из произведения Бальзака. 28. Сетчатая ткань. 29. Спортсмен. 30. Река в Алтайском крае. 32. Великан. 36. Результат. 38. Официальный порядок действий. 41. Часть земной поверхности между параллелями или меридианами. 42. Основная наивысшая часть горной местности. 43. Сезон рыбной ловли. 44. Промышленный город в Китае.

По вертикали:

1. Род транспортера. 2. Хлопчатобумажная ткань. 3. Мальчик из «Сказок об Италии» М. Горького. 4. Столица европейского государства. 5. Ледяная глыба. 6. Наивысшее военно-морское соединение. 7. Гидротехническое сооружение. 9. Форма музыкального произведения. 12. Переезд на новые места. 14. Научный работник, готовящий диссертацию. 15. Учреждение с контрольными функциями. 16. Название некоторых бобовых растений. 17. Шлюпка. 18. Вид сельскохозяйственных работ. 19. Опера Бетховена. 21. Представительница населения одной из автономных областей. 22. Учащийся. 31. Один из первых актеров Московского Художественного театра. 33. Пресноводный моллюск. 34. Приток Дуная. 35. Устройство для предохранения горных выработок. 37. Басня И. А. Крылова. 39. Мишень. 40. Род украинской народной песни. 41. Награда.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали:

3. Сусак. 5. Устав. 8. Баллистика. 10. Аттестация. 11. Пограничник. 13. Дракон. 14. Ксения. 15. Пианино. 17. Ягдташ. 18. Минога. 19. Золото. 20. Ястреб. 24. «Жакерия». 25. Зонтик. 27. Сигнал. 29. Кобылянская. 30. Болотников. 31. Траектория. 32. Волна. 33. Ажаев.

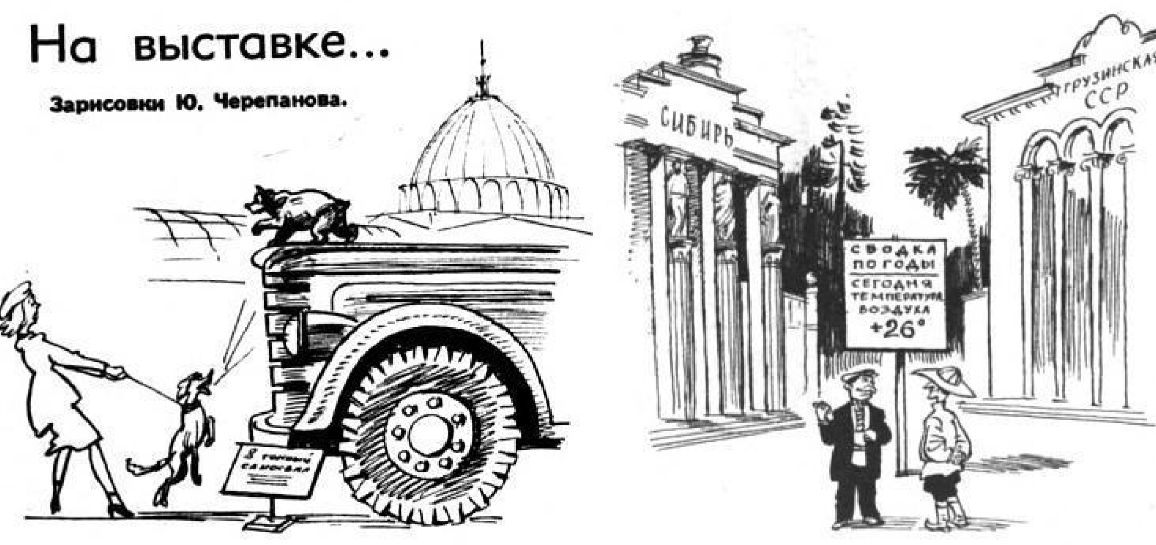
По вертикали:

1. Публикация. 2. Саламандра. 4. Коттон. 5. Ученик. 6. Катод. 7. Ливия. 9. Абакан. 10. Анилин. 11. Понедельник. 12. Ксилография. 15. Плантаж. 16. «Одиссея». 19. Звенигород. 21. Броненосец. 22. Чкалов. 23. Гранат. 25. Залог. 26. Корица. 27. Сарема. 28. Лилия.

В этом номере на вкладках: репродукции с картин Н. С. Шустова «Иван III разрывает ханскую грамоту», С. И. Светославского «Мостик», «Весенний разлив», К. Е. Маковского «Запорожский казак», Н. П. Богданова-Бельского «Горе» и четыре страницы цветных фотографий.

На выставке...

Зарисовки Ю. Черепанова.

Неожиданная встреча.

«Средняя» температура на ВСХВ.

— Хотя мы и достигли уже потолка, но это еще не наш потолок.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление В. Епанешникова.

А 06228. Подп. к печ. 31/VIII 1954 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 713. Заказ 2554. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ПОРА ДОМОЙ...

Фотоэтюд А. Бочинина.

Цена номера 3 руб.
79